РУССКАЯ СОРАТНИЦА МАРКСА

Дорогой гражданин! Разрешите в этом письме горячо рекомендовать Вам нашего лучшего друга, г-жу Элизу Томановскую, искренне и серьезно преданную революционному делу в России...

Комитет Русской секции Интернационала — К. Марксу

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

Н.ЕФРЕМОВА Н.ИВАНОВ

Н.ЕФРЕМОВА Н.ИВАНОВ

РУССКАЯ СОРАТНИЦА МАРКСА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Н. ЕФРЕМОВА
Н. ИВАНОВ

РУССКАЯ СОРАТНИЦА МАРКСА

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1982

66.61(2)251
Е92

Ефремова Н., Иванов Н.
Е92 Русская соратница Маркса.— М.: Моск. рабочий, 1982.—238 с.— (Серия «Борцы за великое дело»).

На баррикадах Парижской Коммуны героически сражался батальон коммунарок, который возглавлила замечательная русская революционерка Е. Л. Дмитриева (Томановская). Эта книга, написанная на документальной основе, посвящена ее яркой биографии. Будучи поверенной русских революционных демократов, Е. Л. Дмитриева установила связь с К. Марксом и, став его соратницей, активно участвовала в деятельности Парижской Коммуны.

Для широкого круга читателей.

Е $\frac{10202-086}{М172(03)-82}$ 35—82. 0505000000

ББК 66.61(2)251
ЗКП1(092)

© Издательство «Московский рабочий», 1982 г.

Весна 1871 года. В Париже победила революция, к власти пришли рабочие. Мир узнал о рождении Парижской Коммуны — общества пролетарского братства и равенства. С невиданным мужеством, в непрерывных боях Коммуна отстаивала свое право на существование.

...Центр Парижа. Небольшое помещение на Игальянском бульваре заполнили женщины. В основном — работницы, в блузах свободного покроя, в белых чепцах. В глубине помещения за столом разместился президиум торжественного собрания. Как и положено представителям правительства, председательницы повязали через плечо алые шарфы.

Собравшиеся в зале заинтересованно слушают молодую женщину. Это высокая красивая брюнетка. Когда во время темпераментной речи полы ее пальто расходятся,

всем виден прикрепленный к поясу револьвер. Ее приятного тембра мягкий, но сильный голос звучит призывно. Она убедительно говорит о том, о чем думают и чем живут тысячи парижан: во что бы то ни стало защитить дело Коммуны, жить свободно или умереть сражаясь.

По акценту выступавшей чувствуется, что она иностранка. Французские друзья называют ее Элизабет Дмитриеф — Елизавета Дмитриева. Эта русская фамилия значится на воззваниях Коммуны, она хорошо известна парижанам.

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране стали изучать биографию Елизаветы Лукиничны Дмитриевой. Кропотливый труд историков постепенно открывал один за другим штрихи этой замечательной жизни, как реставратор освобождает от наслоений старые живописные полотна.

Трудность раскрытия биографии Е. Л. Дмитриевой во многом объясняется сложностью и неоднолинейностью ее судьбы. Ее взгляды формировались, когда в России происходила ломка остатков феодализма и зарождался капитализм, когда волна революционного движения, поднявшись высоко в 1859—1861 годах, пошла на убыль после реформы, проведенной сверху,— отмены крепостного права. Она вступила в самостоятельную жизнь под влиянием талантливых и убежденных борцов с самодержавием — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добро-

любова, Д. И. Писарева. Идеи революционных демократов вдохновили ее на поиски пути в новую жизнь и привели в ряды коммунаров Парижа.

Е. Л. Дмитриева являлась непосредственной участницей мучительных идейных исканий, включавших утопические мечты о социалистическом переустройстве действительности силами крестьянства. Эти взгляды вылились в своеобразную теорию — народничество. В 1874 году эта теория породила так называемое хождение в народ — попытку революционно настроенной интеллигенции войти в крестьянскую массу и в кратчайшие сроки подготовить всеобщее восстание. Мы видим нашу героиню в сложных перипетиях, когда перед ней не раз встает необходимость выбора, требуется умение отличить верное направление от ошибочного.

Е. Л. Дмитриева — современница той эпохи, когда возникла и распространилась научная теория о законах общественного развития — марксизм.

«...Передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории...— отмечал В. И. Ленин.— Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [1]. Революци-

онные народники не стали марксистами, но они содействовали пробуждению интереса к нему в широких слоях участников освободительного движения. В этом великая заслуга и Русской секции Интернационала, одним из организаторов которой была Е. Л. Дмитриева.

Навстречу борьбе

> Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение.
>
> *К. МАРКС*

Лиза мало что помнила о своем отце, умершем, когда ей не исполнилось и восьми лет. В ее детской памяти сохранился высокого роста человек с лихо закрученными кверху усами. Громким и властным голосом он отдавал приказания. Маленькая Лиза боялась его — он никогда не смотрел на нее ласково, будто вообще не замечал девочку, которую называл своей воспитанницей. Это был своенравный и жестокий помещик села Волок Псковской губернии Лука Кушелев.

Из флигеля, где Лиза жила со своей матерью, хорошо был виден большой господский дом. Его комнаты были обставлены модной мебелью красного дерева, стены оклеены дорогими обоями, привезенными из Петербурга. Лиза несмело заходила в помещичий дом, неловко чувствовала себя

в роскошных покоях. Внимание девочки привлекали искусные безделушки, большой рояль, картины, изображавшие диковинных животных и незнакомые пейзажи далеких стран. На тумбочке в гостиной лежал альбом в дорогом переплете, и на нем красовался фамильный герб Кушелевых — щит с изображением белого орла. В клюве орел держал два серебряных меча. На гербе помещались также флаг, шлем и корона. Мать рассказывала Лизе, что род Кушелевых древний и знатный. Многие из них участвовали в разных сражениях, так что не случайно попали на герб мечи и щит. Вот что сообщалось о Кушелевых в известном Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Двое Кушелевых убиты при взятии Казани (1552 г.), двое в походе против Стеньки Разина (1671 г.)... Григорий Григорьевич Кушелев был вице-президентом адмиралтейств-коллегии».

Лука Кушелев еще подростком бежал в действующую армию, воевал в 1812 году против Наполеона и вошел в Париж в рядах победителей. А дальше жизнь его проходила в праздности, семейных ссорах, тяжбах за раздел имущества с первой женой.

Мать Лизы, Наталья Егоровна, оказалась в Волоке случайно. Была она бедной девушкой, но образованной — получила специальную медицинскую подготовку в Петербургской общине сестер милосердия. Оттуда пригласили ее в Волок сиделкой к дряхлеющему барину. Но Лука Кушелев не хотел поддаваться старости. Человек властный, деспотичный, он всех подчинял себе.

Он не засиживался дома, выходил любоваться своим розарием, гулял вдоль реки по березовой аллее, отдыхал в беседке, часто заглядывал на конюшню и долго переговаривался с управляющим по хозяйству. Лиза замечала, что, когда отец возвращался недовольный, на конюшню приводили крестьян и секли их розгами.

Рассказывали, что однажды чаша крестьянского терпения переполнилась и крепостные поднялись на помещика с топором. Наталья Егоровна удержала их от этой расправы. За покушение не миновать бы крестьянам пожизненной каторги, а семьям их — голодной смерти. Зачинщики бунта Наталью Егоровну послушались, в деревне все ее уважали за рассудительность, за ровный характер и доброту. Даже своенравный Лука Кушелев в конце концов проникся к ней сочувствием и решил отблагодарить ее, оформив с Натальей Егоровной церковный брак. В семейном предании именно со спасением Луки Кушелева от крестьянского самосуда связывается замужество Натальи Егоровны.

Но если отнести этот случай к вымыслу, несомненными останутся, с одной стороны, симпатии окружающих к Наталье Егоровне, а с другой стороны, то, что кушелевские крестьяне сполна испытали на себе все муки крепостничества.

Крестьяне одевались в простые рубахи из серой грубой материи домашнего производства, обувались в лапти, носить сапоги было доступно только приказчику. Избы топились по-черному, дым выходил через

окна. По вечерам жгли лучину. Основной едой была похлебка, заправленная мукой. Во всей округе не было ни школы, ни фельдшерского пункта.

Наталья Егоровна всегда помнила о своем бесправном прошлом и сочувствовала крепостным. Вместе с Лизой она ходила в окрестные деревни навещать заболевших, приносила им лекарства, а их детям — сладости. Острой болью отзывались в сердце девочки бедность и страдания крепостных.

После поражения России в крымской войне передовые люди страны совершенно отчетливо осознали, что самодержавно-крепостнический строй изжил себя, что дальнейшее развитие невозможно в таких условиях. Обстановка накалялась, и, опасаясь революции, царь издал в 1861 году манифест об отмене крепостного права.

Крепостничество пало, но деревня продолжала влачить жалкое существование. Мало изменился и быт в помещичьих усадьбах.

Лиза Кушелева, как все барышни, росшие в дворянских имениях, гуляла в саду, занималась с гувернерами иностранными языками, читала книги из богатой домашней библиотеки, оставшейся после смерти отца, каталась на лодке в компании братьев и друзей — детей соседских помещиков. А еще она любила бывать на высоком берегу реки и подолгу сидела там в одиночестве.

Быстро, торопливо течет по каменистому дну река Сережа. Кто знает, откуда пошло это ласкающее слух название: от имени ли

некоего безвестного мальчика Сережи, от березовых ли «сережек», которые обильно падают в воду с крутого берега, подхваченные в прибрежной роще порывами ветра. Течет река, журчит на отмелях по каменистому дну, будто рассказывает сказку или быль... Когда-то в старину на великом пути «из варяг в греки» здесь волоком перетаскивали лодки через мелководье протоков и пойменные низины. Отсюда и пошло название родного села Лизы — Волок.

Но не только далекой древностью были заняты мысли Лизы. Все чаще они вращались вокруг того, что видела она в деревне, узнавала из разговоров взрослых. Лиза слышала, как однажды кто-то из знакомых сказал о ее матери, что Наталья Егоровна после отмены крепостного права, не в пример другим помещикам, крестьян не обидела: в поместье, которое перешло к ней от Луки Кушелева, она отвела им хорошие наделы не только с пахотной землей, но и с выгонами для скота. Словом, поступила по совести. И все-таки ни в одном селении, даже у «хороших» помещиков, крестьяне не получили желанного облегчения. Наделы еле-еле могли прокормить их семьи, а ведь требовалось еще вносить высокие выкупные платежи. Крестьян заранее обрекли на голод и вымирание. Потому-то они и продолжали наивно думать, будто помещики скрывают от них «истинную волю» царя.

Во многих местах в ожидании новой, настоящей воли крестьяне бунтовали. Как сообщала одна из петербургских газет, в Торопецком уезде, в который входил и Волок,

крестьяне решили «не принимать полного надела земли», чтобы весть об их «несогласии» дошла до царя. В некоторых губерниях крестьяне самовольно захватывали себе наделы. В то же время в помещичьих семьях распространялись слухи о прокламации, которую тайно напечатали в Петербурге. Называлась она «К молодому поколению». Неизвестные авторы призывали народ бороться за новую, выборную власть. Появились в деревнях агитаторы. Они внушали крестьянам, что народ — это грозная сила, и если он поднимется, то царь против него не устоит. Пора, дескать, всем миром взяться за топоры и отомстить мучителям.

За границей революционный демократ Александр Герцен со страниц своего вольного журнала «Колокол» требовал освободить крестьян, наделив их землей без всякого выкупа. Экземпляры «Колокола» переходили из рук в руки, проникали в помещичьи усадьбы, волновали умы молодежи.

Помещики в свою очередь были недовольны реформой. Вот мнение городничего, правившего недалеко от Волока, в уездном городе Холм: освобождение крестьян, считал он, произошло преждевременно; они забиты и не умеют пользоваться свободой. В «Отечественных записках», популярном демократическом журнале, появилось сообщение о собрании холмских дворян. Журнал гневно обличал этих закоренелых крепостников, которые считали, что для возрождения деревни нет ничего лучшего, как призвать царское правительство вернуть прежние порядки, а недовольных и непо-

корных усмирить по старому обычаю — березовыми розгами. «Все, что только можно было сказать гнусного о народе, все было сказано в этом проекте»,— констатировал корреспондент «Отечественных записок».

Имение, доставшееся Наталье Егоровне от Кушелева, было небогатым, ей пришлось до предела урезать средства на содержание усадьбы. А как раз в это время ей предстояли расходы, и немалые: нужны были деньги на воспитание детей. Кроме Лизы, у Натальи Егоровны было два сына.

Старший, Александр, заканчивал гимназию. Младшего, Владимира, начали готовить к поступлению в первый класс, а для Лизы пришла пора интенсивных домашних занятий разнообразными науками. Не ограничиваясь гувернерами, Наталья Егоровна решила пригласить для дочери платных городских учителей. Занималась Лиза и музыкой.

Дальним родственником Кушелевых был композитор Модест Петрович Мусоргский. Самостоятельную жизнь он начал со службы в Преображенском полку. Вскоре, однако, Мусоргский вышел в отставку и целиком посвятил себя музыке.

Разночинное студенчество считало Мусоргского выразителем своих настроений. Он часто аккомпанировал на концертах, сборы от которых шли в пользу нуждавшейся молодежи. Композитор и сам бедствовал, но в ту пору его поддерживал известный музыкальный критик В. В. Стасов.

Несколько раз Наталья Егоровна приглашала Модеста Петровича пожить в Во-

локе. Когда ее дети подросли, он давал им уроки музыки. В Волоке Мусоргскому писалось хорошо и легко. Во время прогулок он слушал древние крестьянские сказания, любовался хороводами, записывал народные мелодии. В доме Кушелевых впервые прозвучали «Интермеццо» Мусоргского и два его романса: один из них на слова популярного в то время поэта Курочкина — «Расстались гордо мы», другой на слова Байрона — «Царь Саул».

Сохранились воспоминания о том, что Модест Петрович был также неподражаемым рассказчиком. Он разыгрывал и комментировал шуточные музыкальные сценки с самым серьезным выражением лица, и это доводило комизм до апогея. Можно себе представить, какое удовольствие доставляли эти импровизации молодежи.

В Волоке Мусоргский не только писал музыкальные произведения. Он читал здесь книги из богатой библиотеки Кушелевых, затевал литературно-философские беседы с учителем музыки обрусевшим немцем по фамилии Мадевайз. «Компанию веду с горячим пруссаком... светлая и развитая голова... чрезвычайно энергичный и деятельный... порядочно играет на фортепиано и смекает в музыкальном деле... Я часто зондирую своего сожителя и со многих сторон обретаю его по воззрениям — симпатичным... Как немец в России он, конечно, исключение из пивного бюргерства»,— писал Мусоргский о своем новом друге, составлявшем часть той среды, в которой воспитывалась Лиза Кушелева. И этот домаш-

ний учитель, и Модест Петрович были причастны к обращению Лизы к серьезному чтению. Сам Мусоргский читал не только много, но и вдумчиво, постигая произведение во всей его глубине. Он знал работы Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, любил живой обмен мнениями, охотно вступал в споры об экономике и политике, о крестьянском вопросе и женском образовании, разделял антикрепостнические воззрения.

Когда был обнародован манифест об отмене крепостного права, Модест Петрович приехал на крестьянский сход в родное село Карево Торопецкого уезда. Понимая, что царский манифест не принес крестьянам настоящего освобождения, он без выкупа передал всю свою землю крестьянам.

Увлеченность народным творчеством, умение следовать своему призванию — эти черты Мусоргского произвели сильное впечатление на Лизу.

Конец 50-х — начало 60-х годов были для молодого композитора периодом интенсивных поисков собственного пути в искусстве. Он ратовал за народность и жизненную правду музыки, за утверждение в ней значительных социальных тем.

Юность Лизы Кушелевой совпала с тем временем, когда в различных кругах общества бурно обсуждался так называемый женский вопрос, отношение общества к женщине. С падением крепостного права формировалось новое понимание ее прав и обязанностей. Демократическая литература держала в центре внимания эту волнующую

проблему. Как и большинство ее ровесников, Лиза увлекалась романами И. С. Тургенева: он первым в литературе сумел показать, что и для женщин, и для общества в целом домостроевские порядки больше не могут быть терпимы. Тургеневские героини, начиная с жаждущей деятельности Натальи из романа «Рудин», твердой духом и целеустремленной Лизы из «Дворянского гнезда», самоотверженной Елены из романа «Накануне», разделившей с болгарским революционером дело его жизни, побуждали не одну юную читательницу к поискам новых общественных идеалов. Глубоким ощущением своей связи с судьбами окружающих людей и с освободительной борьбой народа новые героини были близки Лизе Кушелевой.

Интерес Лизы не мог ограничиваться только художественной литературой. Все большую популярность у всех возрастов читателей завоевывала тогда яркая, острая политическая публицистика. Демократическая печать стала настоящей общественной трибуной. По словам близкой знакомой Лизы Кушелевой Софьи Ковалевской, во многих семьях выписывали не только «степенные и солидные журналы», но и такие издания, как «Современник» и «Русское слово», «каждая новая книжка которых считалась событием дня у тогдашней молодежи»[1]. «Русское слово» ярко, увлеченно выступало за искоренение всех пережитков прошлого в сознании людей, за женское равноправие. Издателем журнала являлся один из представителей рода Кушелевых —

Г. А. Кушелев-Безбородко. В ту пору он увлекался передовыми идеями. Но «Русское слово» завоевало у молодежи заслуженную популярность, конечно, не благодаря своему либерально настроенному издателю. Лицо журнала определял его редактор — убежденный демократ, талантливый журналист Григорий Евлампиевич Благосветлов. Это он превратил журнал в рупор передовых идей, привлек к сотрудничеству замечательного революционного публициста Дмитрия Ивановича Писарева.

Книги и публицистика развивали общественные интересы Лизы Кушелевой, воспитывали чуткость, отзывчивость, учили видеть жгучие проблемы современности.

После отмены крепостного права в дворянских усадьбах и в благонамеренных городских семьях поколение «отцов» было напугано призраком так называемого нигилизма. Официозная пресса злобно ополчилась на новое общественное течение: нигилисты, утверждалось в газетах, это небритые, нечесаные молодые люди, которые отвергают все на свете — искусство, красоту, мораль, долг перед отечеством, они не дорожат ни прошлым, ни настоящим, ни будущим. Нигилистами называли тех, кто носит синие очки, одевается нарочито небрежно, нигилистками считали девушек, которые коротко стригли волосы и дымили папиросами.

Но что скрывалось за всем этим антуражем, что за истоки были у нигилизма и что за цель?

Лиза Кушелева взялась читать роман

И. С. Тургенева «Отцы и дети», по которому сотни молодых разночинцев познакомились с первым русским нигилистом — Базаровым. Однако и в романе не все оказалось понятным. Лизе доводилось видеть нигилистов у знакомых, и, возможно, ей хотелось сойтись с ними поближе или хотя бы расспросить о них у тех, кто с ними общался.

Одним из знакомых Кушелевых, наиболее сведущих в общественных вопросах, был артиллерийский офицер Петр Лаврович Лавров, который вскоре вступил на путь революционной деятельности. Имение Лавровых, как и Волок, находилось на Псковщине. Те, кто знал Лаврова — а знали его очень многие,— восхищались его эрудицией. Он прекрасно ориентировался в политике, в истории, в философии и в других науках, выступал с лекциями, публиковал статьи в различных научных журналах и в популярном издании «Библиотека для чтения», поддерживал связи с литераторами и общественными деятелями.

Возможно, именно от него Лиза Кушелева узнала, чем же на самом деле являлся нигилизм и в чем заключался идейный смысл образа Базарова.

В романе «Отцы и дети» Тургенев отразил переломный момент русской истории — вступление на общественную арену демократов-разночинцев. Они становились передовой силой страны. Базаров жаждал полезного для России дела и был готов отдаться ему без остатка. Его не смущало, что старое, обветшалое держалось еще крепко. Он был убежден в возможности и необ-

ходимости его разрушения. Но на вопрос «Что делать?» нигилисты никогда не отвечали только отрицанием. Они несли с собой большой заряд жизнеутверждающей энергии. Нигилисты действительно не принимали ничего обветшалого, устаревшего как в общественной жизни, так и в быту, не желали идти в этом ни на какие уступки поколению отцов. Однако был у них и положительный идеал. Он заключался, как определяла его демократическая печать, «в переработке человеческой личности», в воссоздании ее на новых началах, на основах высокого гуманизма, уважения к простому человеку, к его нелегкому труду. За напускной суровостью, за пренебрежением к сентиментальности в нигилистах кристаллизовалось умение не только видеть истинное добро, но и делать его ежедневно и ежечасно; для них нормой жизни становилось самопожертвование во имя общих интересов.

И Лиза Кушелева сумела правильно воспринять то, чему поклонялась демократическая молодежь. Она не увлекалась внешней стороной нигилизма. Юной Лизе далеко не все еще было понятно в общественных настроениях. Но повзросление ее совершалось стремительно. Переезд Кушелевых в Петербург, а он состоялся в 1863 году, содействовал формированию ее гражданской зрелости.

...Петербург впечатлял приезжих величественными проспектами, застроенными богатыми особняками. Повсюду пестрели вывески лавок, парикмахерских, мастерских. С утра до вечера улицы заполняла пестрая,

шумная толпа. На тротуарах сновали лотошники: шла бойкая торговля рыбой, калачами, фруктами, заморскими диковинными товарами. Но только на первый взгляд казалось, что всем хорошо жить в этом блистательном городе.

Контрасты столичной действительности нельзя было не заметить. Совсем рядом с роскошным центром столицы ютилась бедность, безотрадной была жизнь служилого люда, ужасной — нищета обездоленных.

Лиза сочувствовала петербургским «униженным и оскорбленным», и вопрос: можно ли помочь страдающим?— все больше занимал ее мысли.

В Петербурге семья Кушелевых обосновалась на Васильевском острове. Наталья Егоровна, видимо, не случайно выбрала этот район. На Васильевском острове находился тогда Петербургский университет и было сосредоточено также несколько столичных институтов. Там же располагалась Академия наук с великолепным музеем, Академия художеств с картинной галереей и библиотекой, доступной для широкой публики. Библиотека насчитывала тысячи ценных изданий. Наталья Егоровна думала, очевидно, что этот район Петербурга подходит как нельзя лучше, если иметь в виду образование ее детей. На Васильевском острове часто останавливались знакомые Кушелевых, жившие в псковском имении Полибино,— Корвин-Круковские. В семье Корвин-Круковских росли Анна Васильевна — будущая участница Парижской Коммуны и ровесница Лизы — Софья Васильевна, в дальней-

шем по мужу — Ковалевская, ставшая знаменитым математиком. В повести «Воспоминания детства» С. В. Ковалевская писала, что на Васильевском острове жила «целая колония» тетушек Корвин-Круковских.

Дом Кушелевых располагался рядом с домом Корвин-Круковских. Это был небольшой каменный особняк в два этажа, выходивший фасадом на оживленную улицу. С другой стороны к дому примыкал маленький зеленый дворик.

Кушелевы жили в столице большую часть года и только на лето уезжали в деревню. В Петербурге Лиза оказалась причастной к кипучей студенческой жизни. Во многих домах Васильевского острова молодые компании засиживались тогда до поздней ночи; за скромным ужином из бутербродов и чая они вели бесконечные споры обо всем сразу: переходили от психологии к экономике, от естествознания, получившего в ту пору бурное развитие,— к политике. Старший брат Лизы Александр был дружен с несколькими студенческими компаниями. После переезда семьи в Петербург он поступил вольнослушателем в институт гражданских инженеров.

Студенты чутко откликались на все общественно-политические события, все более осознавали себя силой, способной влиять не только на порядки внутри учебных заведений, но и за их пределами. В кругах петербургской демократической молодежи почитали Белинского и Некрасова, тайно переписывали и передавали из рук в руки герце-

новский «Колокол», обсуждали статьи Писарева, восхищались Чернышевским. Великий революционный демократ находился в застенках Петропавловской крепости, и его идейные сторонники с тревогой следили за судьбой «государственного преступника». Официальных сообщений о нем не публиковалось, но по всему Петербургу последние новости передавались из уст в уста: «Чернышевскому вменяют в вину, что Герцен упомянул его в письме»; «провокатор Всеволод Костомаров дал против Чернышевского показания»; «Чернышевский объявил голодовку»...

Александр Кушелев рассказывал эти волнующие новости Лизе. Ими интересовался и частый гость Кушелевых Алексей Куропаткин — сын помещика Псковской губернии, будущий военный министр. Личность достаточно заурядная, он выдвинулся благодаря хорошо развитому умению лавировать. Мы не стали бы здесь говорить о нем, углубляться в его мемуары, если бы в них не прослеживалась, начиная с ранних лет, биография будущей героини Коммуны.

Куропаткин с удовольствием коротал время в обществе очаровательной Лизы. Он охотно поддерживал с ней разговоры о литературе, не прочь был поспорить о современных проблемах. Алексею нравилось намекнуть при случае, будто Чернышевский знаком ему ближе, чем другим. «В нашем приходе (Наговском)...— писал впоследствии Куропаткин,— в 1860 году образовался кружок просвещенных деятелей-земцев... Во главе кружка стоял наш родственник

Александр Сергеевич Зеленый, отставной моряк... Он был личный друг Чернышевского». Куропаткин свидетельствовал, что Чернышевский не раз гостил в имении его родственника, расположенном недалеко от Волока. Семья Зеленых соприкасалась с Кушелевыми. «Кушелевы,— писала племянница Елизаветы Лукиничны Е. А. Селихова,— знакомы были со всем уездом, не только Холмским, но и многих знали из Торопца, в т. ч. Зеленых»[2]. По ее словам, Елизавета Лукинична их навещала.

Но в то время, когда Чернышевский приезжал к Зеленым, Лизе Кушелевой исполнилось только десять лет. Слишком маловероятно, чтобы в таком возрасте она могла знать и понимать идеи Н. Г. Чернышевского. Позднее о деятельности Н. Г. Чернышевского Лиза Кушелева, очевидно, получила некоторое представление из другого источника. Ей могло быть известно, что уже упоминавшийся нами издатель журнала «Русское слово» А. Г. Кушелев-Бозбородко имел отношение к учреждению в 1862 году Шахматного клуба. Этот клуб посещали Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров. В клубе часто бывал известный своими революционными взглядами студент Николай Утин, знакомый Лизы Кушелевой. В 1861 году он выступал во главе студенческих волнений, охвативших Петербург.

III отделение разведало, что под предлогом турниров в клубе проходили собрания, где обсуждались современные политические вопросы. В этом клубе, доносил агент, Утиным было высказано, что русские литера-

торы должны бороться за свободу печати. Дальнейшая программа действий революционного лагеря определялась, по словам агента, так: «Нужна конституция не такая, какую дадут, а такая, какую хотим мы: ее без крови не добудешь». Это было время, когда для революционно-демократического лагеря наступил решающий момент. Н. Г. Чернышевский и его единомышленники интенсивно готовились возглавить открытое выступление против царизма. В стране назревала крестьянская революция как протест против реформы 1861 года, которая не дала народу ни земли, ни подлинной свободы. Н. Г. Чернышевский стал идейным вдохновителем подпольной революционной организации «Земля и воля». Она использовала также всевозможные легальные и полулегальные формы борьбы. Одним из «прикрытий» подпольного центра и был Шахматный клуб. По высочайшему распоряжению Шахматный клуб был закрыт, а Чернышевского заточили в Петропавловскую крепость. Однако духовная связь его с единомышленниками не оборвалась. В тюремном застенке Чернышевский написал роман «Что делать?». Он произвел на молодых читателей такое потрясающее впечатление, оказал такое революционизирующее влияние, какое до тех пор не довелось в России иметь ни одному литературному произведению.

«Самою страстною мечтой юноши, особенно молодой девушки, было приобретение этой книги,— свидетельствовала участница женского движения 60-х годов Елизавета

Николаевна Водовозова.— Я знала нескольких, продавших все наиболее ценное из своего имущества, чтобы только купить этот роман»[3]. Видение прекрасного будущего, описанного в романе так ярко и увлекательно, не оставило равнодушным ни одного молодого читателя. Новые герои —«новые люди», изображенные на страницах романа, стали примером для сотен и тысяч юношей и девушек. За считанные месяцы идеалы новой жизни вдохновили на борьбу стольких идейных приверженцев революции, скольких русское общество не видело за все последние десятилетия. Вокруг романа с новой силой вспыхнули споры о положении женщины. Современница Лизы Кушелевой Варвара Зайцева говорила, что, сравнивая себя с героиней романа Верой Павловной, многие женщины «почувствовали всю срамоту своего холопского положения» и в них «проснулось какое-то смутное чувство недовольства»[4].

Юная Лиза Кушелева стала одной из самых внимательных читательниц романа «Что делать?». Чернышевский привлек ее тем, что поднимал тот вопрос, который все более занимал ее мысли: как жить, чтобы быть полезной всем, кто нуждается в помощи, как утвердить в жизни справедливые начала. На эту тему Лиза могла думать и говорить часами. Но когда от рассуждений она переходила к предполагаемой практике, то не всегда отдавала себе ясный отчет, что лично она хочет и может сделать для народа. Впрочем, и многие другие демократически настроенные современники Лизы Куше-

левой, с гораздо большим жизненным опытом, тоже не представляли достаточно конкретно, как следует жить «по Чернышевскому», каким должен быть первый шаг на пути служения народу. Не все поняли тайный смысл романа, немногие разгадали в Рахметове профессионального революционера. Намек на его подпольную деятельность оставался для большинства читателей загадкой. Однако в меру своего понимания новых идей почитатели романа стремились возможно скорее воплотить их в жизнь. Именно в те годы получили развитие воскресные школы для рабочих, кооперативные мастерские, бытовые коммуны и другие подобные начинания.

Передовые деятельницы эпохи стали активно бороться за право женщин выбирать любую профессию. Они отвергали узкий круг традиционно «женских» занятий. «Какие же занятия открыты нам?— спрашивали женщины 60-х годов устами героини романа Веры Павловны и отвечали:— Почти только одно, быть гувернантками; да еще разве — давать какие-нибудь уроки, которых не захотят отнять у нас мужчины. Нам тесно на этой единственной дороге; мы мешаем друг другу, потому что слишком толпимся на ней, она почти не может давать нам самостоятельности, потому что нас, предлагающих свои услуги, слишком много... Нет, пока женщины не будут стараться о том, чтобы разойтись на много дорог, женщины не будут иметь самостоятельности» [5].

Самоотверженно перенося пересуды обы-

вателей, женщины становились за прилавки книжных магазинов, шли в переплетные мастерские и типографии, устраивались стенографистками. Это было не только пропагандой прогрессивных идей, но и важным общественным делом, формировавшим в женской среде «новых людей». По словам революционного демократа Н. В. Шелугова, даже для этого скромного завоевания «требовался не только смелый и энергичный ум, но и смелый и энергичный характер». Для передовых представительниц той эпохи мало было добиться личной независимости и обеспечить свое существование собственным трудом. Им хотелось помочь сотням и тысячам девушек и женщин вступить на благородный «труженический» путь. В эти годы дочь декабриста В. П. Ивашева — Мария Васильевна Трубникова собрала в Петербурге энтузиасток нового начинания и организовала при их содействии общество переводчиц. Общество поставило целью — обеспечить работой прежде всего девушек из бедных семей. Учредительницы общества налаживали для своих подопечных дешевое общественное питание, подыскивали и арендовали недорогие квартиры. Деятельность Трубниковой была рассчитана на приложение сил не только образованных женщин. Вскоре по ее инициативе удалось открыть мастерскую, в которой всем желающим там работать бесплатно предоставлялись швейные машинки.

Чтобы облегчить друг другу путь к новой жизни, и девушки и молодые люди как в Петербурге, так и в других городах России

объединялись в бытовые коммуны: они сообща снимали кватиру, отдавали денежные сбережения в «общий котел», а расходы вели по договоренности между собой и сами выполняли работу по дому.

В 1863 году в Петербурге вместе с товарищами организовал композиторскую коммуну М. П. Мусоргский. Коммуну посещали выдающиеся ученые, литераторы, искусствоведы. Судьба Н. Г. Чернышевского, его идеи, проблемы 60-х годов и демократическая литература часто бывали предметом горячих обсуждений в кругу участников этого объединения. Поскольку в то время семья Кушелевых уже жила в Петербурге, Лиза, возможно, бывала в гостях у Модеста Петровича в композиторской коммуне.

Еще более громкую известность получила тогда в Петербурге так называемая Знаменская коммуна, созданная писателем В. А. Слепцовым. На наглядном примере он хотел показать современникам хотя бы частицу новой жизни, которую, как он верил, принесет людям будущее социалистическое общество. Однако Знаменская коммуна просуществовала совсем недолго: Слепцову стало известно, что жандармы готовятся арестовать и сослать ее участников. Коммуну пришлось ликвидировать.

Но и после этого попытки по-новому организовать труд и быт не прекращались. Получили распространение артели по образцу той, которую устроила Вера Павловна, героиня романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В ее подвижничестве увидела свой

идеал и Лиза Кушелева. Но в отличие от Веры Павловны, она в первую очередь думала об улучшении жизни крестьян и мечтала развернуть свою деятельность в родном Холмском уезде. Она хотела завести там мельницы на общинных началах, ввести справедливое вознаграждение за труд и брать за помол зерна не больше, чем он действительно стоил. Ей казалось, что таким путем можно сломить произвол ненавистных богатеев, кулаков, которые после отмены крепостного права появились в деревне.

Лиза Кушелева сомневалась, однако, в своих силах и искала помощников в новом для нее начинании. Одним из них мог стать Алексей Куропаткин. Лиза убеждала Куропаткина бросить военную карьеру и помочь ей с пользой для народа употребить причитавшуюся ей долю кушелевского состояния. Лизу вдохновляла перспектива энергичного действия; от разговоров о благе народа ей хотелось скорее перейти к настоящему делу. Лиза агитировала Куропаткина горячо и увлеченно. Куропаткин, казалось, разделял ее настроение. Он симпатизировал Лизе и считал даже, что влюблен в нее. Но вот вопрос встал прямо, потребовался решительный ответ, и выяснилось, что Куропаткин не испытывает никакой потребности немедленно принести себя на алтарь служения народу.

— Чтобы быть полезным народу, не обязательно расставаться с военной карьерой,— возражал он Лизе. Как он писал в одном из своих дневников, более целесообразно получить сначала офицерское звание и толь-

ко затем «благородные порывы души» «производительно направить» на общую пользу. Его идеал сводился к тому, чтобы несколько облегчить солдатскую службу.

Вскоре Куропаткин должен был отправиться в Туркестан. Он расставался с Лизой не без грусти, даже прослезился, но, как он записал в дневнике, слово любви «не сорвалось» с его губ и отношения между ними оставались «глубоко платоническими».

По отношению к народу благим намерениям Куропаткина так и не суждено было осуществиться. Когда читаешь его воспоминания, становится понятным, что увлечение демократическими идеалами было для Куропаткина данью времени, ни к чему не обязывающей модой. Его «грехи молодости» быстро сменились служебным рвением. О «страданиях народа» он не вспоминал позднее, став военным министром. Куропаткин приезжал в родные места в окружении свиты, наслаждался почестями, а когда началась война с Японией, не стеснялся жить с вызывающей роскошью, в то время как солдаты мокли и мерзли в окопах.

Казалось бы, своим начинаниям Лиза Кушелева могла найти поддержку у старшего брата. Александр Кушелев питал к Лизе самые теплые чувства. Они не изменились до конца его жизни, передались дочери, которую в память о сестре он назвал Елизаветой. Александр, каким его знали друзья, отличался добротой и отзывчивостью, интересовался общественными проблемами и разделял критический настрой демократической интеллигенции. Но «дух сомнений»,

захвативший его в 60-е годы, в активную борьбу так и не перерос. Александр постепенно отошел от демократического лагеря, причем не по идейным соображениям: для революционной борьбы ему не хватило силы характера. Все последующее время он жил на скромные средства от небольшого сельца Дружево, близ Волока, однако на доходную государственную службу не стремился. Родным он говорил: «Принципиально не служу». А когда его дочь допытывалась, почему он так поступает, Александр отшучивался: «Много будешь знать, скоро состаришься, а для вашего брата женщин это плохо. Ведь у вас только два права — быть молодыми и красивыми, других прав вам не дают». Соседние помещики удивлялись «нерасторопности» Александра Кушелева. После падения крепостного права ничто не мешало им эксплуатировать крестьян пуще прежнего. «Кушелев мог бы заставить крестьян работать в своем имении бесплатно,— рассуждали богатые соседи,— не даром же позволять им пасти скотину на дворянской земле». Но Александр Лукич таких советов не слушал. Жил он уединенно, не поддерживал никаких отношений с богатыми соседями. Однако и на бóльший протест он оказался неспособен.

В Петербурге Кушелевы вели знакомство с семьей Томановских. Сестра Лизы Кушелевой по отцу — Аделаида — вышла замуж за старшего из братьев Томановских, полковника в отставке. Два его брата продолжали служить в лейб-гвардии Гродненском полку.

В конце прошлого века была издана история этого полка. Книга, как видно по ее роскошному оформлению, предназначалась для украшения петербургских гостиных. По этой истории гвардейская служба представляла собой увлекательное времяпрепровождение. Гродненцы азартно охотились в великолепных новгородских лесах, богатых дичью, с удовольствием наезжали на лихих тройках развлекаться в Петербург...

Разумеется, в этом описании не нашлось места для того, чтобы отразить политические настроения, имевшиеся в среде военных. Между тем военная среда царской России не была однородной. В нее также проникали революционно-демократические идеи. Очевидно, их разделяли и Томановские. К. Маркс, внимательно следивший за нарастанием революционной ситуации в России, отмечал, что многочисленная группа офицеров вместе с фалангой известных публицистов и вместе с революционным студенчеством сплотилась тогда вокруг Н. Г. Чернышевского.

Не случайно в 1858 году Н. Г. Чернышевский принял на себя редактирование журнала «Военный сборник», основатели которого полагали, что он послужит распространению образованности в рядах офицеров. Чернышевский же надеялся придать изданию революционно-демократическое направление. Тираж журнала в первый же год достиг шести тысяч экземпляров. На страницах журнала ставились вопросы об отмене телесных наказаний в армии, о необходимости распространения грамотности и зна-

ний среди солдат, военная администрация обличалась в безответственном отношении к службе. Редакция осуждала муштру и палочную дисциплину в армии, настаивала на необходимости воспитания у солдат чувства человеческого достоинства.

В среде военных, к которой принадлежал Томановский, многие читали революционно-демократический журнал «Современник» конца 50-х годов, редактировавшийся в то время Н. Г. Чернышевским, и разделяли его идеи. Вдохновляемая Чернышевским тайная революционная организация «Земля и воля» имела тесную связь с польским революционным подпольем. Не случайно царские жандармы в своих донесениях объединяли в одно целое и революционные прокламации, появившиеся в Петербурге, и деятельность лондонских эмигрантов — Герцена и Огарева, и польское движение, и все вместе приписывали вдохновителю и вождю революционной демократии Чернышевскому.

Возможно, в Гродненском полку были известны прокламации, написанные сторонниками Н. Г. Чернышевского,— «К молодому поколению», «К солдатам» и принадлежавшая перу самого Чернышевского прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В ней содержалась программа подготовки вооруженного восстания против царизма, установления в России республики. Но царское правительство обрушило жестокий террор на участников революционного движения. Тяжелым ударом для революционной демократии стала ссылка Н. Г. Чернышевского в Сибирь.

В октябре 1864 года средний брат Томановских — Михаил Николаевич — вышел в отставку. Семейное предание связывало это решение с болезнью Михаила Николаевича: у него обнаружили туберкулез. Но по-видимому, и политические мотивы сыграли в его отставке не последнюю роль. Мы имеем достаточно оснований видеть в нем человека глубоких демократических убеждений.

Естественно предположить, что знакомство Лизы Кушелевой с некоторыми представителями революционной демократии установилось через семью Томановских.

В числе новых знакомых Лизы были братья Ковалевские. Младшего, Владимира Онуфриевича Ковалевского, хорошо знали как издателя запрещенных произведений Герцена. Паспорт Ковалевского не раз помогал революционерам, скрывавшимся от царских ищеек, при нелегальных переходах границы. В Петербурге В. О. Ковалевский подружился с сестрами Корвин-Круковскими и горячо поддержал их стремление к самостоятельности. В это время Владимир Онуфриевич занимался изданием естественнонаучной литературы, был знаком с такими выдающимися представителями науки, как И. М. Сеченов, П. И. Боков. Он ввел Софью Васильевну в круг петербургских ученых. С помощью Ковалевского Софья Васильевна получила разрешение на посещение лекций в университете. Чтобы она могла выехать за границу, Владимир Онуфриевич предложил ей оформить с ним фиктивный брак. Томановские, Ковалевские, Корвин-Круковские — так складывался в Петербур-

ге еще один круг знакомых Лизы Кушелевой.

Размышляя о влияниях на ее мировоззрение, нельзя не вспомнить трагическое событие этой эпохи. В 1866 году в Петербурге казнили Дмитрия Каракозова, никому до тех пор не известного разночинца. Дмитрий Каракозов стрелял в императора Александра II, надеясь, что навсегда покончит с тиранией. По Петербургу ходили слухи о найденной у него прокламации, в которой говорилось, что близится время, когда «земля будет принадлежать не тунеядцам, ничего не делающим, а артелям и обществам самих рабочих. И капиталы не будут проматываться царем, помещиками да ставленниками царскими, а будут принадлежать тем же артелям».

Замыслу Каракозова не удалось, однако, осуществиться. Узнав о предстоящей его казни, огромная толпа собралась на Большом проспекте Васильевского острова. Приговоренных к смертной казни обычно везли по Васильевскому острову и трупы закапывали на так называемом Голодае. Землю сравнивали так, чтобы никто никогда не мог разыскать безымянную могилу. Жуткое зрелище казни Каракозова ярко запечатлелось в памяти художника И. Е. Репина, учившегося тогда в Петербурге: «Уже совсем был белый день, когда вдали заколыхалась без рессор черная телега со скамейкой, на которой сидел Каракозов... Он сидел спиной к лошади, ничего не меняя в своей омертвелой посадке... В цвете лица его была характерная особенность одиночного заключения — долго не видавшее воз-

духа и света, оно было желто-бледное, с сероватым оттенком... глаза, устремленные в одном направлении,— огромные серые глаза, без всякого блеска, казались также уже по ту сторону жизни... только крепко сжатые тонкие губы говорили об остатке застывшей энергии... Но вот он, освобожденный, истово, по-русски, не торопясь поклонился на все это многоголовое поле, оно стало родным и близким этому чуждому, странному существу... Может быть, только в эту минуту и сам «преступник» живо почувствовал значение момента — прощание навсегда с миром и вселенскую связь с ним»[6].

Лиза Кушелева знала о предстоящей казни, о ней писали в газетах. Может быть, она даже была в толпе, провожавшей Каракозова.

В Петербурге многие тогда задумывались над последствиями покушения. Если бы оно удалось, что бы это дало? Был ли это шаг к восстанию? Могла ли Россия постоять тогда за долгожданную республику?

Дело Каракозова затронуло многих известных в то время людей. На страницах демократических журналов Лиза Кушелева не раз встречала фамилии Елисеева, Слепцова, Зайцева, братьев Курочкиных... Теперь эти люди оказались под следствием. Журналы «Современник» и «Русское слово» закрыли, как определялось в правительственном распоряжении, «за развращающее влияние на молодежь», за пристрастие к философии и «вообще к умственным исследованиям», а главное — «за проведение идей социализма».

Эхо каракозовского дела докатилось и до родного села Лизы Кушелевой. В Холмском уезде арестовали Александра Маликова. Его обвиняли в революционной агитации среди заводских рабочих, в намерении создать предприятие на артельных началах. Вот он — наглядный пример для Лизы Кушелевой, которая мечтала об артельных мельницах, о справедливых началах в организации труда! Такие проекты могли еще теплиться как желанная мечта, но им не суждено было стать реальностью. Их осуществление душилось властями в зародыше.

В связи с делом Маликова ходили слухи, будто следствие дозналось, что литератор Елисеев, сотрудник журнала «Современник», подговаривал Маликова устроить побег Чернышевского. Жандармы сбились с ног, выявляя участников этого заговора. Травля противников царского самодержавия усиливалась с каждым днем. В Москве под председательством генерал-губернатора учредили особую следственную комиссию. Ей поручалось раскрыть тайные кружки, распространявшие идеи социализма. Утверждали, что каракозовская организация была связана с неким «Европейским революционным комитетом». Шеф жандармов Шувалов чуть ли не ежедневно лично доносил императору о «крамоле»: у полицейских безудержно разыгралась фантазия, и было отчего — усердие сыска щедро вознаграждалось правительством. Появились сотни добровольных доносчиков. «Как бы ни тщился человек быть «благонамеренным»,— писал о том времени Салтыков-Щедрин,— не

было убежища, в котором бы не настигла его «благонамеренность» еще более благонамеренная».

...Наступил 1867 год. Лизе Кушелевой исполнилось 16 лет.

Она выглядела совсем взрослой барышней. Высокий рост и крупные черты лица, фамильная статность и горделивая осанка придавали ей солидность. И хотя в своей компании студенты и студентки звали ее по имени, для новых знакомых, даже старших ее по возрасту, она была уже равной среди равных. В ее присутствии велись все «взрослые» разговоры, потому что и в других образованных петербургских семьях подростки 13—14 лет становились полноправными членами родительских компаний. Этот год запомнился ей новыми бедствиями, постигшими русскую деревню. Отовсюду приходили страшные вести: голод и эпидемии свирепствовали даже вокруг столицы. Статистика приводила потрясающие данные: тиф и возвратная горячка за один год истребили седьмую часть сельского населения. А помощи народу ждать было неоткуда. Даже демократическая печать не могла выступить в его защиту так, как это она делала совсем недавно. Общественная деятельность оказалась полностью парализованной репрессиями и преследованиями.

Взгляды революционных демократов все чаще обращались на Запад: там заметно активизировалось рабочее движение, пролетарии поднимались на борьбу за свои права, теснее сплачивали свои ряды. В петербургских газетах промелькнули короткие сооб-

щения о Карле Марксе, об организованном им Интернационале.

Радикальный журнал «Дело» информировал в отделе «Новости заграничной жизни» об истории создания Интернационала и его цели: оказывать помощь рабочим разных стран в их борьбе за улучшение условий труда, за организацию кооперативных рабочих обществ. Демократическая интеллигенция России заинтересовалась деятельностью Интернационала. Но заграничные новости чаще всего доходили в искаженном виде, поскольку передавались в основном устно и нередко распространялись людьми, не понимавшими истинной роли пролетариата и его международной организации. Первыми значение Интернационала раскрыли для себя те, кто вынужден был эмигрировать за границу.

Лиза знала, что группа русских революционеров жила в Женеве. В течение нескольких лет там находился Николай Утин. За границу приезжали из России и девушки. Они стремились получить в Женеве и Гейдельберге недоступное им на родине высшее образование. Первой среди русских женщин там была удостоена диплома врача Надежда Суслова. Выехали в Западную Европу и знакомые Лизы — сестры Корвин-Круковские. Лиза хотела последовать их примеру. Ей представлялось, что там ее мечта — приносить пользу народу — станет наконец реальной.

Но женщине выехать из России за границу было совсем не просто. Даже на родине, чтобы поселиться отдельно, ей требова-

лось иметь паспорт, а его выдавали только с согласия мужа. До замужества девушка не могла распоряжаться и своим наследством. Лиза пока еще не собиралась выходить замуж, но ей приходилось искать какой-то выход. Он заключался в фиктивном браке. И ради осуществления своих идей она была к этому готова. В 60-е годы многие девушки были вынуждены прибегать к этому средству, чтобы покинуть родительский дом и поступить учиться. Так сделала и Софья Корвин-Круковская. Для Лизы Кушелевой дело оставалось за «женихом». Она полагала, что на эту роль мог бы согласиться Михаил Николаевич Томановский. А лучшего ей и не стоило желать. Если он одобрит ее план, думалось ей, то потом как искренний и честный человек никогда ее не стеснит, более того, поддержит и поможет на избранном пути. Он вдвое старше ее, но ведь главное — найти взаимопонимание.

Вскоре псковский агент доносил в III отделение:

«...Прибывшая из Петербурга на Волок, находящаяся под тайным надзором незаконная дочь псковского дворянина Луки Ивановича Кушелева, названная Елизаветой Кушелевой, неизвестно в каких целях намерена совершить святотатство. По дурному заразительному примеру дочери генерала от артиллерии Корвин-Круковского, именуемой ныне Софьей Ковалевской, названная Елизавета Кушелева уговорила полковника лейб-гвардии Гродненского полка в отставке Михаила Николаевича Томановского совершить с ней в церкви на Волоке фиктивное

бракосочетание, которое держится в секрете даже перед близкими родственниками, каковые полагают, что брак натурально законный, и готовятся к свадьбе...»[7]

«Красота Михаила Николаевича, его обаяние в обхождении с людьми, природный ум и большая начитанность» располагали к нему окружающих. Таким М. Н. Томановский предстает из письма его племянника Дмитрия Дмитриевича Томановского. Он знал Михаила Николаевича еще будучи подростком и от родителей не раз слышал о нем самые добрые отзывы. Д. Д. Томановский писал, что лично у него никогда не возникало мысли, будто Елизавета Лукинична вышла замуж не по любви и что союз этот был только идейным. Сложившаяся семья, по воспоминаниям Д. Д. Томановского, выглядела счастливой, вокруг «все ими любовались».

Итак, в лице М. Н. Томановского Лиза обрела настоящего друга. Ее мечты начинали сбываться, она вступала на дорогу борьбы.

В Русской секции Интернационала

> ...К 1869—1870 гг... относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал.
>
> *В. И. ЛЕНИН*

В 1868 году Лиза приехала в Женеву. Это была ее вторая поездка в Швейцарию. Она открыла пеструю и противоречивую

картину местной жизни. Спокойная гладь Женевского озера придавала всему городу степенный, умиротворенный настрой. Все вокруг было чисто, прибрано, благопристойно. Вызывали умиление аккуратные дома, пышные сады, ухоженные розарии и миниатюрные, тщательно обработанные поля. Женевские улицы заполняла праздная публика, среди которой были чопорные особы, путешествующие по Европе, чтобы развеять скуку, пухлые дамочки, стремившиеся к знаменитым заграничным докторам, чтобы избавиться от несуществующих болезней.

По берегам Женевского озера русские эмигранты издавна селились целыми колониями. Сюда приезжали политические ссыльные после дерзкого побега из-под бдительного ока царской охранки, лидеры студенческого движения, участники революционно-демократической борьбы в России. Где остановилась Лиза Томановская? Возможно, на улице, прозванной на русский манер Террасьеркой,— там предпочитали снимать квартиры многие изгнанники царской империи.

«Большая часть из них помещалась в русском подворье или в русском пансионе г-жи Ш<елгуновой>»,— отмечала в своих воспоминаниях Н. Огарева-Тучкова. Может быть, Елизавете Лукиничне казалось лучше выбрать «Северный отель», эту главную эмигрантскую резиденцию. Он находился недалеко от вокзала, в самом центре Женевы, за мостом, ведущим через красавицу Рону. «Северный отель» славился тогда де-

шевизной. Конечно, у Елизаветы Лукинични были деньги, и вполне достаточные, чтобы устроиться со всеми удобствами. Однако свое состояние она предназначала не себе, а на революционные цели.

Чтобы вникнуть в существо здешней жизни, Елизавета Лукинична решила прежде всего расширить круг знакомств. Вскоре она обнаружила, что среда революционной эмиграции вовсе не однородна. Хотя все эмигранты выступали против царского самодержавия, среди них образовалось несколько различных групп и течений. Елизавете Лукиничне приходилось впервые так глубоко вникать в политику, чтобы определить собственную жизненную позицию.

Разобраться во многих вопросах ей помогало знакомство с литературой. В небольших женевских лавочках было полно всевозможных книг, газет, журналов на всех европейских языках, по самым различным вопросам. Ее внимание привлекли издания революционной эмиграции и подшивки местных газет. Здесь не в диковинку был полный комплект герценовского «Колокола»,— в Петербурге Елизавета Лукинична могла видеть только отдельные его выпуски. Сам Герцен за свою революционную деятельность был навсегда лишен возможности вернуться на родину. Его «Колокол» пробудил тысячи русских людей от политической спячки, призвал их в ряды борцов против царизма и крепостничества. Но, отдавая дань революционному прошлому журнала Герцена, новое поколение молодых русских революционеров-демократов не

видело на его страницах боевой программы на текущий день. Со своей стороны и Герцен не совсем понимал новое поколение. Он чувствовал, что после долгих лет эмиграции ему нелегко «идти с ними в ногу». Эмигранты, обосновавшиеся в Женеве, держались с ним отчужденно. Они не могли простить Герцену тот короткий период конца 50-х годов, когда он поддался либеральным иллюзиям и обращался к царю с надеждой на улучшение жизни народа. Тогда из-под его пера вышли статьи, в которых он резко расходился с Чернышевским в оценке роли дворянской интеллигенции, ее места в освободительном движении.

«Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму,— отмечал В. И. Ленин.— Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх». С большим трудом Герцен и бескомпромиссные ученики Н. Г. Чернышевского находили общий язык друг с другом. Они не могли понять, что «духовная драма Герцена была,— как определял ее В. И. Ленин,— порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела» [1].

Как и сам Герцен, новое поколение эми-

грации страдало оттого, что в России у него не имелось прочной опоры. Вдохновляемая Чернышевским подпольная организация «Земля и воля» была разгромлена, воссоздать ее заново в условиях постоянных репрессий оказалось невозможно. Талантливые организаторы революционных сил томились в тюрьмах, в ссылках, в вынужденной эмиграции. Самой главной потерей для революционного лагеря была политическая изоляция Чернышевского, сосланного в Сибирь. И все же его дело жило в его учениках.

На страницах «Народного дела», издания революционной группы женевской эмиграции, писалось тогда, что Чернышевский привил демократической молодежи вкус к «обстоятельному, критическому знакомству с западными теориями». Речь шла о социалистических теориях. Чернышевский, по словам его учеников, указал «на их реальную связь и применимость» к русскому освободительному движению. В своем пристальном интересе к революционному рабочему движению западных стран Лиза стала в Женеве верной последовательницей Н. Г. Чернышевского. На страницах женевской рабочей газеты «Либерте» она искала материалы, которые помогли бы ей разобраться в сложных проблемах борьбы швейцарского пролетариата. Она видела, что буржуазия старалась отвлечь рабочих от борьбы, используя различные пропагандистские приемы. Какой-то ловкий предприниматель опубликовал в те дни статью, в которой писал, будто каждому честному

труженику по силам лет за десять скопить капитал, достаточный для того, чтобы стать хозяином мастерской или фермером. На эту ложь «Либерте» давала достойную отповедь. «Вы забываете,— отвечала ему газета,— что в течение этих десяти лет надо еще, чтобы рабочий ни разу не заболел, не имел недостатка в работе, чтобы с ним не случилось ни одной из тех неудач, которыми так богата жизнь, чтобы у него и его семейства все шло счастливо и хорошо. Но и тогда надежды «честного труженика» окажутся тщетными: всех его сбережений все равно не хватит, чтобы стать хозяином какого-нибудь предприятия».

Читая эту статью, Лиза не предполагала, что очень скоро ей самой придется разоблачать такие же буржуазные уловки: те же самые «доводы» будут на все лады повторять владельцы лавочек и мастерских, финансисты и реакционные политики в Париже, когда рабочие поднимут там красное знамя Коммуны.

В газете «Либерте» она не могла не обратить внимание на часто встречавшуюся там подпись — А. Серно-Соловьевич *. В статьях этого автора резко обнажались язвы капиталистической эксплуатации, ярко рисовалась картина бездонной пропа-

---

* Александр Александрович Серно-Соловьевич являлся одним из организаторов петербургского революционного общества «Земля и воля», эмигрировал за границу в 1862 году, был заочно лишен всех прав и навсегда изгнан из России. Серно-Соловьевича высоко ценил К. Маркс, подаривший ему экземпляр первого тома «Капитала» с автографом.

сти, которая разделяла два противоположных класса — пролетариев и эксплуататоров. Статьи Серно-Соловьевича раскрывали перед Лизой жизнь тех, чьим трудом создавалась так впечатлявшая иностранцев красота Женевы: каменщиков, столяров, кровельщиков, граверов, часовщиков. Присматриваясь к ним на улицах и на рабочих собраниях, Лиза замечала, что эти труженики совсем не походили на тот забитый фабричный люд, который формировался в России из бывших крепостных крестьян. В облике женевских рабочих проявлялось чувство собственного достоинства, гордость своей профессией, готовность отстаивать свои права. Они горячо и со знанием дела обсуждали вопросы политической и экономической жизни.

Здесь, в Женеве, Лиза познакомилась с историей образования в 1864 году Интернационала — Международного товарищества рабочих, с его многогранной деятельностью и задачами возглавляемой им борьбы. Она поняла, что Интернационал вовсе не ограничивался содействием кооперативным обществам, как писалось о нем в некоторых легальных петербургских изданиях. Международное товарищество рабочих ставило своей целью освобождение труда из-под власти капитала, в его программных документах говорилось, что завоевание политической власти стало великой обязанностью рабочего класса.

В Женеве Елизавете Лукиничне довелось узнать о вождях швейцарского пролетариата: об Иоганне Филиппе Беккере, уча-

стнике революции 1848 года, организаторе немецких секций Интернационала в Женеве; об Анри Перре, секретаре Романского федерального совета Интернационала.

Когда Лиза приехала в Женеву, ей рассказывали о зимней стачке строительных рабочих. Стачка запомнилась всем тем великолепным результатом, которого удалось достигнуть благодаря организованности и сплоченности рабочих. Около двух тысяч тружеников потребовали тогда от предпринимателей увеличить им зарплату и сократить продолжительность рабочего дня. Как преобразилась в те дни Женева! На улицах ее пестрели афиши, извещавшие о том, что хозяевам предъявлен категорический ультиматум: «Будем твердыми шагами продолжать наш путь, уверенные в справедливости и в неизбежном успехе нашего дела — всемирного освобождения труда из-под гнета капитала»,— писалось в воззвании Международного товарищества рабочих. Прочитав его, лавочники поспешили спрятать свои капиталы, и женевские полицейские были приведены в боевую готовность. Толпы рабочих проходили по улицам города, направляясь на митинги и собрания; пять тысяч пролетариев собралось со всего города на общий митинг. Они заявили, что намерены продолжать борьбу до полной победы. Во всем городе работы были прекращены и пикеты бдительно охраняли стройки от штрейкбрехеров. В других городах и в провинции для помощи женевским бастующим собрали шестьдесят тысяч франков и десять тысяч франков внесли в общую кас-

су секции Интернационала. Буржуазия проклинала Интернационал, а он рос и креп, закаляясь в борьбе.

В успехе борьбы женевских рабочих большая заслуга принадлежала Александру Серно-Соловьевичу. Очевидно, Лиза не смогла познакомиться лично с этим талантливым трибуном и организатором рабочего движения. Неизлечимая душевная болезнь все больше подтачивала его силы и в конце концов вынудила оставить политическую борьбу. Узнав, что уже никогда не сможет вернуться к активной работе, Серно-Соловьевич покончил с собой. Лиза, должно быть, присутствовала на похоронах Серно-Соловьевича, собравших множество его товарищей. Женевские рабочие в знак глубокого уважения к его деятельности установили Серно-Соловьевичу памятник.

Кто же в то время оставался в боевом строю русской эмиграции, с кем могла общаться Лиза Томановская? Одной из первых, с кем она встретилась в Женеве, оказалась Екатерина Григорьевна Бартенева. Дворянка по происхождению, Бартенева получила в наследство имения в Вологодской, Тульской и Костромской губерниях, но, как и ее муж В. И. Бартенев, землю безвозмездно отдала крестьянам и посвятила себя революционной борьбе. Она приехала в Женеву в том же 1868 году, что и Елизавета Лукинична. Тогда в Женеве находилась и Ольга Степановна Левашева, также происходившая из знатного рода. Свои первые революционные шаги она сделала в Москве, в революционном кружке. В том же

кружке состоял и Дмитрий Каракозов, который в 1866 году совершил покушение на царя. В Женеве Лиза познакомилась и с Антоном Трусовым. Он был выходцем из разночинной среды, сыном почтальона, учился в Московском университете, за революционную деятельность был заочно приговорен царским правительством к смертной казни. Душой русских революционных эмигрантов был Николай Исаакович Утин, которого Лиза знала еще по Петербургу*. Вместе с ним в эмиграции находилась его жена Наталья Иеронимовна Корсини, активная участница петербургского студенческого движения.

Николай Исаакович Утин сменил на боевом посту Серно-Соловьевича. С утра до позднего вечера Утин занимался делами женевской стачечной комиссии, выступал на рабочих собраниях и по поручению женевских пролетариев вел переговоры с хозяевами предприятий. П. Л. Лавров писал об Утине: «Он являлся представителем существующей уже в России революционной организации и, привыкнув к тому влиянию, которое он имел в университетской молодежи Петербурга... готовился не к подчиненной роли рядом со старыми эмигрантами»[2]. Под последними Лавров подразумевал прежде всего анархиста Михаила Бакунина, вокруг которого группировалась значительная часть русских изгнанников.

* Н. И. Утин после разгрома подпольного революционного общества «Земля и воля» эмигрировал в Лондон, затем в Женеву. Царское правительство заочно приговорило его к смертной казни.

Михаил Бакунин, сын тверского помещика, долгое время жил вне России, активно действовал в среде революционной эмиграции. Царское правительство потребовало, чтобы он вернулся в Россию, а когда он отказался, то был заочно приговорен сенатом к ссылке на каторгу в Сибирь. Бакунин был в числе руководителей восстания в Праге и Дрездене (1848, 1849). За границей его дважды приговаривали к смертной казни, но затем выдали русским властям. Бакунина заточили в Петропавловскую, потом в Шлиссельбургскую крепость. Он провел в тюрьмах семь лет. Был выслан на вечное поселение в Сибирь, откуда ему удалось бежать. Через Японию и США он перебрался в Лондон. Бакунин объявил себя «богом всеобщего разрушения» и прославился как идеолог и вождь анархизма. Он призывал молодежь отдаться безраздельно разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному, до тех пор, пока не останется ничего из существующих общественных форм. Бакунин считал, что надо немедленно идти в народ и поднимать его на бунт. Что произойдет потом, после революции? Народ в этом разберется сам, идеологи ему не нужны.

Чем шире распространялись идеи марксизма, тем большей опасностью для рабочего движения становился бакунизм. Выступая с красноречивыми обличениями царизма, Бакунин одновременно подвергал анафеме всякую политическую деятельность, а вместе с ней экономическую борьбу и стачки. Он проповедовал утопическую

мысль об уничтожении государства, отвергал необходимость организации рабочего класса.

Лиза слушала яростные проповеди Бакунина, читала его анархические статьи и чувствовала его оторванность от действительных потребностей жизни, незнание настоящего положения в России. Она начинала понимать, что к Бакунину льнули те, кто давно жил вне России и кто горел нетерпением разрушить ненавистное общество любой ценой, не смущаясь ни количеством ненужных жертв, ни бесплодным концом искусственно вызванных потрясений.

Нетрудно было заметить, что промышленные рабочие Женевы обладали «иммунитетом» против бакунизма — в их рядах он почти не получил распространения. В Швейцарии опорой бакунистов служили преимущественно ремесленники, связанные с мелким производством, и кустари, проживавшие в горных районах или работавшие на дому.

Но в России и среди русской эмиграции находилось немало сторонников Бакунина, и значительную роль в этом играл личный его авторитет,— ему верили, как верят каждому, кто прошел через все испытания царской тюрьмой и ссылкой.

«Бог разрушения» метал гром и молнии по адресу революционного кружка Утина. Он не останавливался перед нападками на отдельных эмигрантов, не понимая, что борьба разгорелась не на личной почве и потому исход ее определяли не личные качества отдельных людей. К организации этих

нападок приложил руку агент царской охранки некто Роман. Он сумел проникнуть в круг ближайших знакомых Бакунина, намереваясь внести раздор в ряды русской эмиграции. Агент доносил в Петербург: «Я подстрекнул Бакунина ругнуть Утина... а это хорошо, ибо Утин ругнет его в свою очередь. Пусть дерутся».

Когда Лиза первый раз приезжала в Женеву, в Лозанне проходило заседание конгресса Интернационала. Еще только начавшая постигать азы революционной борьбы, она не могла участвовать в работе конгресса, но, несомненно, знала, что бакунизму там была дана решительная отповедь. В резолюции, принятой конгрессом, указывалось, что социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения. Свою дальнейшую жизнь Лиза Томановская посвятила именно тому, против чего так упорно выступали бакунисты. Она занялась организацией политической борьбы трудящихся.

В Женеве Томановская приняла активное участие в издании журнала «Народное дело». Сначала его выпускал Бакунин, но группа Н. И. Утина добилась передачи журнала новой редакции. В нее вошел А. Д. Трусов, который с 1864 года жил в Париже и работал наборщиком. Его знания очень пригодились для издания «Народного дела». Он стал секретарем редакции. Типография разместилась в двух небольших комнатах на улице Монбрильян. Утину и его товарищам удалось в корне изменить программу этого печатного органа. «Народное

дело» повело активную пропаганду идей Интернационала. Новую редакцию не сбили с толку рассуждения представителей старой эмиграции, которые ратовали за внимание к «чисто русским проблемам». Эта полемика нашла отражение на страницах журнала.

— На что вы рассчитываете? — спрашивали оппоненты у представителей «Народного дела».— Русским нет дела до чужих забот. Народ верит в царя и долго еще будет надеяться на его милости.

— Рано или поздно миф о милости царя рассеется,— отвечали им сторонники Интернационала.— Народ поднимется против помещиков и против царизма. И тогда опыт борьбы, которую ведут теперь рабочие Запада, России будет полезен.

— Но Россия — это крестьянская страна,— не сдавались оппоненты.— Она должна идти своим путем, ей надо опираться на крестьянскую общину и укреплять ее.

— Пропаганду в деревне мы не оставим, но без пролетариата крестьянам не отстоять своих требований. Пора обратить внимание именно на пролетариат.

В Женеве, думая о развитии русского пролетариата, Лиза имела возможность сравнивать его жизнь с условиями жизни местных рабочих. В России пролетариат сохранял еще связь с землей, и многие не хотели уходить из деревни насовсем, держались за свое деревенское хозяйство. Но обладание клочком земли не спасало их от эксплуатации. Русский фабричный люд был на грани полного обнищания.

Доказывая общность задач всемирной армии труда, редакция «Народного дела» приводила конкретные факты и статистические данные, характеризующие положение тружеников России [3]. Статьи в журнале, как правило, не подписывались, поэтому сейчас трудно судить о роли отдельных авторов. Можно лишь предположить, что в их числе была и Томановская. Не исключена возможность, что от нее исходила статья с характеристикой положения народа в ее родном Холмском уезде Псковской губернии. В этих местах, отмечалось в статье, смертность населения намного превысила рождаемость, и не было никаких надежд на изменения к лучшему. Ни чума, ни холера не приносили столько жертв, сколько феодально-помещичий гнет.

Журнал «Народное дело» своевременно поставил на обсуждение рабочий вопрос, и с тех пор наравне с крестьянским вопросом он не переставал привлекать внимание революционных идеологов. В «Народном деле» обсуждались такие важнейшие проблемы, как происхождение частной собственности, борьба классов, соотношение политики и экономики, роль народных масс и личности в истории, необходимость организованности в борьбе. По многим вопросам издатели «Народного дела» полностью солидаризировались с научным коммунизмом Маркса — Энгельса.

Программа борьбы, предложенная «Народным делом», нашла в России поддержку. Об авторитете издания мы можем судить не только со слов редакции, но и по тому, что

«Народное дело» находили при обысках в самых разных городах России. Однако, несмотря на хорошую распространяемость, «Народное дело» оказалось в трудном финансовом положении. Оно не приносило дохода, потому что издатели не могли заботиться о прибыли. Главная задача заключалась в том, чтобы любой ценой обеспечить благополучную пересылку тиража через границу и на территории России уберечь журнал от ищеек III отделения. На издание «Народного дела» и на транспортировку требовались немалые средства. Николаю Исааковичу Утину приходилось экономить буквально на всем. Он до минимума сократил типографские издержки. В редакции всю работу выполняли несколько человек: они редактировали статьи и вели корректуру, набирали материалы и занимались отправкой тиража.

Лиза видела, с какими огромными трудностями сопряжен выпуск «Народного дела». Чтобы помочь изданию, она начала хлопотать о переводе в Женеву крупной суммы из своего приданого. По-видимому, это была действительно значительная сумма, поскольку впоследствии Н. И. Утин писал К. Марксу об участии Елизаветы Лукиничны следующим образом: «...В свое время она не жалела своего состояния ради нашего дела...» [4]

Конечно, ей мечталось о каком-нибудь героическом поступке во имя общего дела, о чем-то более значительном, чем передача средств на революционную пропаганду. Она готова была сражаться против угнетателей

народа с оружием в руках, готова была пожертвовать жизнью. Но час решающего сражения еще не пробил, и ей приходилось овладевать теми средствами борьбы, которые были тогда доступны. Участие в диспутах и дискуссиях выявило у нее незаурядное ораторское дарование. Обнаружилось, что время, потраченное на чтение газет, журналов и серьезных философских работ, не прошло для нее впустую. Выступая на диспутах, организуемых женевской эмиграцией, и на собраниях рабочих, она увлекала аудиторию не только своей искренностью и смелостью. Слушателей подкупали ее эрудиция и знание жизни. Она знала учения великих мыслителей прошлого и современных социалистов, опиралась на труды Чернышевского, Маркса, Энгельса. Главным содержанием ее речей стала отповедь бакунизму. Записей ее выступлений не сохранилось. Они, как правило, и не велись из конспиративных соображений. Да и не до записей было в жарких спорах с противниками Интернационала. Но историки располагают комплектами «Народного дела», статьи которого проясняют основное направление дискуссий.

Решительную отповедь «Народного дела» получил тогда тезис Бакунина, будто главное зло для народа представляет аппарат государственной власти, ибо он противоречит человеческой свободе, справедливости, общей солидарности человечества. Бакунин не видел той почвы, на которой этот аппарат вырастает и паразитирует, в которую глубоко уходит своими корнями: частной собственности на орудия и средства

производства. Выступая против его анархических заблуждений, «Народное дело» показывало, что стихийные движения и разрушительные тенденции никогда не приводили к положительному результату. Они исчезали бесследно, потому что, «разрушая одно, не ставили на место его другое столь прочно, чтобы народ держался за новизну всем существом своим» [5].

Расхождения между последователями Бакунина и группой Утина особенно резко обнаружились в связи с делом Нечаева. Сын мещанина, вольнослушатель Петербургского университета Сергей Нечаев агитировал молодежь поднимать бунты, не останавливаясь ни перед чем, ибо, как он считал, «цель оправдывает средства». Когда среди друзей Нечаева начались аресты, он бежал за границу. Нечаев появился в Женеве и, чтобы придать себе авторитет, сочинил историю о своем аресте и побеге из Петропавловской крепости. Нечаева с распростертыми объятиями принял Бакунин. Так он принимал каждого, кто разделял его взгляды или по крайней мере делал вид, что разделяет их. Это льстило самолюбию великого анархиста.

С помощью Бакунина Нечаев начал выпускать в Женеве листовки все с тем же призывом, обращенным к молодежи: не раздумывая и не медля посвятить себя «разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному», использовать и нож, и петлю, ибо «революция все рáвно освящает в этой борьбе». Нечаев полагал, что революционеров надо «беспрестанно толкать и

тянуть вперед», не опасаясь гибели даже большинства из них,— ведь это позволит осуществить «настоящую революционную выработку немногих». Такие листовки Нечаев посылал в Россию часто совершенно незнакомым людям. Охранка, перехватывая послания Нечаева, использовала их как «вещественное доказательство» для арестов сотен не причастных к движению людей.

Вернувшись из Женевы в Россию, Нечаев предпринял попытки создать там новую тайную организацию. При этом Нечаев объявлял, будто выступает как представитель Интернационала и тем самым дискредитировал Интернационал.

Против этой ребяческой и опасной игры в революцию решительно выступили Николай Утин и его друзья. «Мы твердо убеждены,— писали издатели «Народного дела»,— что пора в России бросить мысль о возможности какой-то революции, производимой одной молодежью», потому что эта молодежь «не имеет никакой, а не то что прочной связи с народом»; «мы против так называемых конспираций, которые не имеют никакого внутреннего содержания, которые служат только неосмысленной и пагубной забавой» [6].

Критика нечаевщины, в которой сыграло свою роль «Народное дело», стала важной ступенькой к распространению в России идей марксизма. Для Лизы Томановской борьба с нечаевщиной явилась хорошей практикой, которая воспитывала умение разбираться в сложной обстановке, в многоплановой политической борьбе.

В то же самое время, когда активизировался Нечаев, Бакунин также начал использовать авторитет Интернационала в своих корыстных целях. В 1868 году он основал «Международный альянс социалистической демократии». На самом деле альянс не был ни социалистическим, ни демократическим, а являлся оторванной от масс заговорщической организацией. Еще в 1848 году Маркс и Энгельс писали, что «пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления...»[7]. Бакунин же противопоставил ясной политической тактике Интернационала, исходящей из веры в революционные возможности рабочего класса, мелкобуржуазные идеалистические посылки, не оправданные ни политически, ни морально, о якобы существующей необходимости вести революционные дела тайно, конспиративно, не посвящая в них широкие круги пролетарских масс. Благодаря интригам, он добился включения альянса в Интернационал. Дальнейшие действия Бакунина сводились к тому, чтобы изменить в анархистском духе программу Интернационала и подготовить его раскол. В 1869 году он сумел заполучить от рабочих Лиона и Неаполя мандат для участия в Базельском конгрессе Интернационала. Бакунину хотелось, чтобы принятые конгрессом решения были сформулированы в духе принципов анархизма. Между тем он лицемерно уверял Маркса: «Мой старый друг... ты спрашиваешь, остался ли я по-прежнему твоим другом. Да, и более чем когда-либо...

Я делаю теперь то, что ты начал уже 20 лет тому назад... Мое отечество будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься».

На Базельском конгрессе Интернационала присутствовал Николай Утин. По воспоминаниям Бакунина, он был там не один, а в «окружении женской свиты». Бакунин не удостоил своих противников чести назвать их по имени. Как известно, он выступал против участия женщин в Интернационале. Но поскольку состав группы «Народного дела» нам известен, есть основания предположить, что среди участников конгресса находилась Лиза Томановская. Базельский конгресс давал прекрасный материал для марксистской закалки молодых революционеров. На конгрессе рассматривались важнейшие актуальные проблемы революционной теории и практики. Сторонники Маркса единодушно выступили там в поддержку борьбы пролетариата за завоевание политической власти. Убедительно и четко был аргументирован вывод Маркса о том, что без завоевания пролетариатом политической власти невозможно осуществить коренные преобразования в социальной жизни.

На конгрессе перевес оказался у сторонников Маркса. От негодования Бакунин, как вспоминали участники конгресса, «рычал как лев».

На том же конгрессе обсуждался вопрос о земельной собственности. Бакунин выдвинул требование об отмене права наследства. Он заявлял, будто достаточно

ликвидировать это право, как будет уничтожен и сам эксплуататорский строй. Слушая Бакунина, Лиза наглядно постигала разницу между бакунизмом и марксизмом. Бакунисты не понимали или не хотели понимать, что для воплощения подобного закона в жизнь, нужна была соответствующая политическая власть, которая выступила бы против эксплуатации, то есть власть самого рабочего класса. Только революционная классовая борьба могла обеспечить приход к власти правительства рабочих. Только таким путем можно было покончить с эксплуатацией, угнетением, нищетой трудового народа. Несомненно, этот острый вопрос, поставленный на конгрессе, Елизавета Лукинична восприняла близко к сердцу, как принимала все, что касалось положения деревни. И хотя при голосовании на конгрессе ни бакунисты, ни марксисты не получили большинства, дискуссия помогла ей осознать, определить свою собственную позицию. Не случайно впоследствии, обращаясь с письмом к Марксу, Елизавета Лукинична не обойдет вниманием проблему союза с крестьянством и подчеркнет необходимость агитации его в поддержку революции.

На Базельском конгрессе Бакунин выступил как хитрый и опытный демагог. Он использовал любую возможность, чтобы подчеркнуть свои заслуги перед революционным движением и таким образом принизить значение Генерального совета Интернационала. Он не высказывался против Интернационала открыто, даже заявил, что

Интернационал-де превосходное учреждение, поскольку он «внушил пролетариату всего мира сознание своей собственной силы». Но вместе с тем Бакунин не упускал случая, чтобы превознести свой «Международный альянс социалистической демократии». Он рекламировал альянс как боевую организацию, необходимую для руководства революцией. Группа Утина повела решительную борьбу против бакунизма.

1869 год для Генерального совета Интернационала оказался напряженным. По странам прокатилась мощная волна забастовок, развернулись настоящие бои между трудом и капиталом. В Англии дело дошло до вооруженных столкновений. Во Франции солдаты также стреляли в рабочих. Бельгийское правительство спровоцировало кровавую расправу над пролетариями. Интернационал немедленно организовал помощь бастующим и выступил с обличением злодеяний, совершенных господствующими классами. Журнал «Народное дело», пропагандируя роль Интернационала, показывал, что руководимая Марксом организация выражает подлинные интересы трудящихся масс и ведет их по революционному пути.

В 1869 году в России активизировалось движение среди рабочих. Пролетариат рос и развивался вместе с возникновением новых заводов и фабрик. Недовольство его прорывалось стачками. Более 800 человек выступило со своими требованиями на Невской бумагопрядильной фабрике. Но рабочие не знали, как добиться уступок от хо-

зяев, как сделать, чтобы стачечников поддержали на других фабриках и заводах. Утин считал, что стачки — это школа, которая вооружает народ сознанием его правоты. «Пройдя эту школу, рабочий становится на твердую, непоколебимую почву»,— писал он на страницах «Народного дела». Когда общая стачка охватит всю страну, «это будет социальная революция». Организованный союз трудящихся должен ставить своей целью воспитание «понимания, как вести до конца эту работу». Издатели «Народного дела» приходили к выводу, что для борьбы русским революционерам, а через них и всем трудящимся необходимо теснее объединиться с Интернационалом. Так возникла идея о создании Русской секции Интернационала в Женеве в противоположность какой бы то ни было тайной заговорщицкой организации.

Издатели «Народного дела» убеждали своих читателей, что в Интернационале русские трудящиеся найдут надежную опору, ибо он соединяет «все разбросанные силы в один общий отпор, в одну общую самозащиту работников» [8].

Основатели Русской секции Интернационала решительно отмежевывались от бакунизма и считали принципиально важным обеспечить секции массовую поддержку со стороны революционных сил России. Начало этому было уже положено распространением в России «Народного дела».

В это время в Петербурге проходили многочисленные студенческие сходки, на которых читали первый номер «Народного

дела». Во все студенческие города были посланы представители от петербургской молодежи для установления постоянных связей. В марте 1869 года произошли первые крупные волнения студентов в Медико-хирургической академии, в Петербургском университете, в Технологическом институте, в Московском университете. Женевские эмигранты имели постоянную связь с петербургской студенческой молодежью, с ее молодым лидером Марком Натансоном, который, в частности, немало содействовал успешной борьбе с «нечаевщиной». Натансону удалось наладить контакты с Москвой и другими городами, куда поступало «Народное дело». В группе Н. Утина полагали, что со временем секции Интернационала организуются по всей территории России и охватят все ремесленные, фабричные и земледельческие слои народа. Этот опыт сближения с Интернационалом оказался для Елизаветы Лукиничны полезным и в дальнейшем. В дни Парижской Коммуны она сумела ориентировать деятельность Союза женщин на интернациональные цели и построить ячейки союза наподобие секций Международного товарищества рабочих.

Для того чтобы Русская секция Интернационала имела право на существование, ей предстояло выработать два основополагающих документа — Устав и Программу. Секция осуществила перевод написанного К. Марксом «Учредительного Манифеста» Интернационала на русский язык и использовала его как основу для подготовки соб-

ственной Программы. «Манифест» точно и ясно, доступно для основной массы пролетариата раскрывал причины нищеты трудового люда и перспективы борьбы за социальную справедливость, указывал, что «завоевание политической власти стало... великой обязанностью рабочего класса» [9]. В своей Программе Русская секция заявляла, что она приветствует социалистические принципы, содержащиеся в трудах Маркса, и разделяет данную им критику капитализма. Секция призывала славянские народы объединиться в своей борьбе за освобождение с международным рабочим движением.

Как Программа секции, так и материалы, которые были опубликованы в «Народном деле», свидетельствовали о том, что русские революционные демократы, последователи Н. Г. Чернышевского, сделали новые значительные успехи в усвоении идей марксизма. Они приходили к мысли о необходимости создания рабочим классом своих самостоятельных организаций. «Если верно то положение, что промышленность России идет вперед,— писал журнал «Народное дело»,— то должна быть признана верность и другого положения, а именно, необходимость группировки и организации русского рабочего класса во имя защиты его человеческих прав, попираемых настоящим политическим и общественным устройством России» [10]. В Уставе и Программе Русской секции предусматривалось, что в Женеве будет учреждена «касса взаимного вспомоществования» для поддержки

тех, кто в России или в изгнании ведет борьбу за освобождение народа. В Программе особо подчеркивалось право женщин быть участницами секции, ибо революционное движение является общим делом.

Выработав Устав и приняв Программу секции, издатели «Народного дела» Утин, Бартенев, Трусов направили в Лондон письмо К. Марксу. Они информировали его, что идеи Интернационала уже в течение ряда лет проникают в Россию и что группа «Народного дела» ставит перед собой задачу ведения еще более широкой и регулярной их пропаганды. Утин и его друзья выражали уверенность, что царизм будет сметен революционным порывом масс и на его обломках утвердится новый общественный строй. Обращаясь к «дорогому и достопочтенному» Марксу, товарищи из Русской секции просили его представлять их организацию в Генеральном совете Интернационала. Для этого, писали они, имеются достаточно весомые основания: имя и труды основоположника научного коммунизма достаточно известны в России участникам революционной борьбы [11]. Составляя свое обращение к Марксу, русские революционеры взвешивали каждое слово, каждую фразу, стараясь выразить ему глубокую признательность за ту роль, которую он играет в сплочении мирового пролетариата и в разработке боевой теории. «Вам принадлежит также выдающаяся роль в создании Интернационала...— писали они, обращаясь к Марксу.— Русская демократи-

ческая молодежь получила сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую признательность за ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой...» [12]

Маркс прозорливо заметил, что молодая эмиграция России готова идти гораздо дальше, чем даже Герцен и Огарев.

«...Ваше имя,— писали Марксу из Женевы его единомышленники,— вполне заслуженно почитается русской студенческой молодежью, вышедшей в значительной своей части из рядов трудового народа. Эта молодежь ни идейно, ни по своему социальному положению не имеет и не желает иметь ничего общего с паразитами привилегированных классов, и она протестует против их гнета, борясь в рядах народа за его политическое и социальное освобождение» [13].

По той борьбе, которую русская демократическая молодежь повела с авантюризмом Бакунина и Нечаева, было видно, что эти люди относятся к революционному делу со всей серьезностью и обладают действительной связью с движением народных масс. Появлялось все больше признаков того, что на этот раз лава революции потечет с востока [14]. И потому с особым вниманием Маркс следил за деятельностью русских эмигрантов.

Создание Русской секции Интернационала, распространение ею журнала «Народное дело» и документов Интернационала приобретало в этих условиях исключитель-

ное значение. Маркс был уверен, что в будущем попытки соединения российского и европейского революционного движения, применения к условиям России научной революционной теории увенчаются успехом. Если до сих пор все усилия русских революционеров концентрировались на пропаганде среди крестьян, то Русская секция впервые обратила внимание на роль рабочего класса. Маркс придавал этому особое значение.

Ответ Маркса в Женеву русским товарищам не заставил долго ждать себя. «Граждане! — писал Маркс 24 марта 1870 года.— В своем заседании 22 марта Главный Совет объявил, единодушным вотумом, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете» [15].

Принятие Русской секции в Интернационал и согласие Маркса быть представителем русских революционеров в Генеральном совете с восторгом встретила вся группа «Народного дела». Энтузиазм умножил ее силы. За короткий срок она сумела проделать огромную работу. Были изданы на русском языке основные документы Интернационала. Крепли связи секции с кружками молодой революционной России. Издания «Народного дела» стали известны во многих городах страны. Русской секции

удалось нанести существенный удар по бакунизму: по настоянию группы Утина Бакунин и его сторонники были исключены из Центральной женевской секции Интернационала.

Русская секция укрепила свои интернациональные связи с пролетариатом Швейцарии, Австрии, Франции, с революционерами Сербии и Болгарии. Секция поддерживала в этих странах забастовщиков, пропагандировала борьбу их трудящихся на страницах «Народного дела».

Томановская активно участвовала в многогранной деятельности Русской секции. За два года пребывания в Женеве она стала пользоваться авторитетом как среди своих русских товарищей, так и среди женевских рабочих. Лиза обладала неиссякаемой энергией, эрудицией и глубокой преданностью революционным идеалам. Не случайно, когда от секции решено было послать связного в Лондон для встречи с Марксом, выбор пал на Томановскую. В письме к Марксу товарищи рекомендовали ее как «лучшего друга», преданного «искренне и серьезно» революционному делу. «Мы будем счастливы,— писали члены Русской секции,— если при ее посредничестве нам удастся ближе познакомиться с Вами... Г-жа Элиза напишет нам обо всем, что Вы найдете нужным сообщить...» [16]

Начав переписку с Марксом, русские революционеры полагали, что вождю пролетариата уже много лет, возможно, под 70. Так они думали, судя по фундаментальным работам Маркса,— на их написание

требовались, очевидно, долгие годы упорного труда. Каково же было общее удивление и радость, когда стало известно, что Марксу еще только 50. Лизе сравнялось 19, и она не без внутреннего трепета приняла предложение секции поехать в Лондон. Задача была ответственной: предстояло встретиться с Марксом, чтобы подробно познакомить его с работой секции, обсудить с ним перспективы борьбы в России и получить соответствующие рекомендации.

Вместе с Марксом

> ...Маркс был прежде всего революционер... Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие.
>
> *Ф. ЭНГЕЛЬС*

Елизавета Лукинична была не первой среди русских революционеров, с кем встречался Карл Маркс. Незадолго до ее приезда у Маркса установились дружеские отношения с выдающимся участником русского революционного движения Германом Александровичем Лопатиным. В Лондоне он намеревался работать под руководством Маркса над переводом «Капитала» на русский язык.

Лопатин был последователем Н. Г. Чернышевского, и ему приятно было узнать, что Маркс высоко ценит Чернышевского, считая его крупнейшим ученым и мыслите-

лем. Марксу была нестерпима мысль, что один из замечательнейших представителей своего времени упрятан царским самодержавием в Сибирь, изолирован от общественной жизни. Под влиянием бесед с Марксом у Лопатина явилось жгучее желание попытаться возвратить миру этого великого публициста и гражданина. Не сообщив Марксу о своих планах, Лопатин уехал из Лондона, замыслив организовать побег Чернышевского.

Из переписки и бесед с русскими революционерами К. Маркс знал, что в происходящей в России борьбе активно участвуют женщины. Поль Лафарг сообщал ему об «ученой русской» А. В. Корвин-Круковской *, дочери генерала, которая изучала рабочее движение на Западе [1] и перевела на русский язык несколько произведений Маркса.

В середине декабря 1870 года Елизавета Лукинична приехала в Лондон. В это время К. Маркс был поглощен работой над вторым томом «Капитала». Вместе с тем он не переставал пристально следить за развитием международного революционного движения. Глубокий интерес вызывала у Маркса революционная борьба в России. Знакомство с русской литературой в переводе на английский или немецкий язык не могло его удовлетворить, поэтому Маркс

* А. В. Корвин-Круковская, сестра Софьи Ковалевской, вместе с мужем В. Жакларом, французским социалистом, приехала из Парижа в Женеву не позднее начала 1871 г., в ее переводе на русский язык вышел «Манифест Коммунистической партии».

начал изучать русский язык, чтобы читать произведения, выходящие в России, в подлинниках. Как первый «учебник» неоценимую помощь оказала ему книга А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка». Поля этой книги, разоблачавшей царизм и самодержавно-помещичий строй, буквально пестрели пометками Маркса. Однако Маркс сожалел, что в этой книге содержалось мало конкретных материалов об экономическом положении России и о жизни народных масс.

В начале 1870 года Маркс познакомился и с другим выдающимся произведением русской общественно-политической литературы — книгой «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви, выступавшего под псевдонимом Н. Флеровский. В то время бульварная пресса и многие западные буржуазные историки изображали Россию то в виде загадочного «восточного сфинкса», то страной, населенной «богобоязненными мужичками» и «дикими ордами казаков», готовых растоптать западную цивилизацию. Флеровский дал яркую и правдивую картину положения в России и ее народных масс. Елизавета Лукинична помнила, с какой похвалой Маркс отозвался об этой книге в письме, адресованном Русской секции: «Это настоящее открытие для Европы... Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах... Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь

России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века»[2]. По мере изучения этой книги Маркс полностью преодолел языковой барьер на пути к русским источникам. Но главное, проштудировав этот добросовестный труд, Маркс на основе содержавшихся там материалов сделал вывод, что «в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция...»[3].

Будучи в Женеве, Елизавета Лукинична, как и ее друзья, с интересом следила за тем, как развивается русский пролетариат. По собственным наблюдениям и по книге В. В. Берви-Флеровского ей было известно о фактах чудовищной эксплуатации. «Ярославский статистический комитет,— писал Флеровский,— нашел образцовым положение рабочих на фабриках, где мужчины, женщины и дети работали по четырнадцать с половиной часов в сутки и жили в казармах», а зарплаты их не хватало даже на питание. Промышленных товаров они могли купить примерно на 14 копеек. Это означало, что женщине-работнице «удавалось сшить себе приличное платье раз в двадцать лет»[4].

Елизавета Лукинична захватила с собой несколько выпусков «Народного дела». Среди них был один, которым Русская секция гордилась особенно. Может быть, Маркс его не видел? В нем писалось: «Надо ли говорить, что все симпатии современного честного и развитого человека должны тяготеть к интересам рабочих масс: в них весь смысл, вся сила прогрессивного дви-

жения... Роль пролетариата — освободить одних людей от привилегии только трудиться, а других — только наслаждаться!»[5]

В Лондоне перед Елизаветой Лукинич-ной развернулась внушительная панорама Темзы, верфи с обеих ее сторон, множество самых разных пароходов, барж, лодок. За нагромождением домов, покрытых слоями копоти, насколько хватало взгляда, виднелся лес фабричных труб, тонувших в густом, почти черном смоге. Какой контраст являла собой эта картина с тихим, уютным пейзажем Женевы!

В Англии, не ограничиваясь установлением личной связи с Генеральным советом Интернационала, Елизавета Лукинична должна была познакомиться с рабочим движением, с деятельностью английских профсоюзных организаций — тред-юнионов. Утин и его товарищи писали Марксу: «Мы уверены, что Вы своими советами и ценными указаниями поможете ей в изучении этих вопросов, и заранее благодарим Вас за это; помогая ей в ее занятиях, Вы тем самым помогаете всем нам»[6].

Елизавета Лукинична знала, что в Лондоне, в библиотеке Британского музея, есть самое богатое собрание литературы, и туда она хотела попасть как можно скорее. Сам Маркс часами штудировал там всевозможные издания. Елизавета Лукинична засела в библиотеке за книги по рабочему движению. Какими наивными казались ей теперь попытки некоторых рабочих лидеров убедить капиталистов, внушить им идею равенства, мирно договориться с ними об

удовлетворении всех законных требований пролетариата! Елизавета Лукинична знала, что олигархия, стоявшая у власти в Англии, вместе с царским самодержавием и Пруссией составляли единый оплот международной реакции. Но по сравнению с Англией ни одна страна мира не достигла еще такого высокого уровня в организованности классовой борьбы рабочих. Смелым опытом английского пролетариата было создание кооперативных фабрик. Их существование показывало, что рабочие могут сами руководить крупным производством, что они способны обойтись без капиталистов. А разве не предвещало возможность новых побед сокращение рабочего дня, достигнутое пролетариатом Англии! На английских предприятиях он ограничивался десятью часами, в то время как в России равнялся 15 часам и более. В Лондоне Елизавете Лукиничне вспоминались студенческие «коммуны» Петербурга и артельные объединения: столько в них было вложено самопожертвования, героизма, благородных стремлений и так малы оказались достигнутые результаты. Будет ли полезен России опыт английских пролетариев? Такой вопрос, естественно, возникал у Елизаветы Лукиничны, и она искала на него ответ.

...Остановившись в одной из лондонских гостиниц под именем Элизы Томановской, Елизавета Лукинична отправила Марксу рекомендательное письмо от Русской секции Интернационала. Адрес Маркса ей был известен. На другой день Елизавета Лукинична без труда нашла на Мейтленд-парк

дом, в котором жила семья Маркса. С любопытством, но не без смущения и робости Елизавета Лукинична переступила порог квартиры Маркса. Она оказалась в помещении, обставленном далеко не новой и к тому же разностильной мебелью. Вокруг, по обеим сторонам комнаты, шкафы были заполнены книгами, комплектами газет, журналов, рукописями. Книги лежали и на обоих столах, находившихся в комнате. Елизавета Лукинична заметила издания на многих иностранных языках и целую полку русских книг: томики Пушкина, Добролюбова, Чернышевского. Елизавета Лукинична чувствовала себя так, будто встретилась с друзьями. Она выросла в окружении книг и не могла не оценить, насколько интересной и серьезной была домашняя библиотека Маркса. Во многих книгах пестрели разноцветные закладки.

Елизавета Лукинична услышала чьи-то шаги. В комнату вошел большеголовый человек с пышной седой бородой. С Марксом Елизавета Лукинична встречалась впервые, но она сразу узнала его: фотография, которую ей довелось раньше видеть, прекрасно передавала облик Маркса. Маркс однажды заметил, что ему странно чувствовать себя человеком, которому все говорят, будто он похож на свои фотографические портреты. Высокий благородный лоб, острый, пристально-серьезный и дружелюбный взгляд — весь облик Маркса сразу внушал к нему доверие и уважение. Лишь у немногих гениальных людей внешность столь полно отражала их существо. Простота и дружелюбие,

необыкновенное человеческое обаяние Маркса обнаруживались с первых же минут общения с ним.

Вскоре Елизавета Лукинична чувствовала себя так, будто давно была с ним знакома. Ей было приятно и радостно ощущать, что Маркс относится к ней не как к ученице, а как к равному участнику беседы.

«Его уменье подойти к людям... было удивительно»[7],— писала впоследствии в своих воспоминаниях младшая дочь К. Маркса — Элеонора. Когда Маркс видел, что человек действительно серьезно чем-то интересуется, к чему-нибудь стремится, его вниманию не было границ. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство — слишком ребяческим для серьезного спора. Его время и его обширные познания были всегда к услугам каждого, кто обнаруживал стремление учиться. Так Маркс отнесся и к своей гостье из Женевы.

Маркс, очевидно, расспрашивал Елизавету Лукиничну о России, о том, как распространяются там идеи Интернационала. Они говорили свободно, не испытывая затруднения в переводе, легко переходя с немецкого на английский, с английского на русский язык. Елизавета Лукинична передала Марксу циркуляры инициативной группы пропаганды, созданной в Русской секции. Маркс, конечно, знал о репрессиях, которые в России царизм обрушивал на прогрессивно мыслящих людей. Знал, что работа там затруднялась также из-за существования групповщины в среде демократиче-

ской молодежи, из-за нескоординированности действий многочисленных кружков, из-за вредных влияний Бакунина и Нечаева *. Однако Елизавета Лукинична считала, что Русская секция преодолеет эти трудности и развернет еще более активную пропаганду идей Интернационала. Она говорила Марксу примерно то, что было написано членами Русской секции в коллективном письме: «...От нас потребуется еще немало усилий, чтобы всерьез водрузить и упрочить наше общее знамя в России. Однако мы нисколько не сомневаемся в успешном осуществлении нашей задачи»...[8]

Благодаря беседам с Марксом перед Елизаветой Лукиничной открылась возможность по-иному взглянуть на сложности борьбы у себя на родине, глубже понять их объективные причины и объяснить их правильно — не случайным стечением обстоятельств, а малочисленностью пролетариата России и неразвитостью его классового сознания. Неудивительно, что в таких условиях бакунистские теории оказались весьма живучими и что в России далеко не все демократы сумели понять значение Интернационала.

---

* Созданная Бакуниным организация «Международный альянс социалистической демократии» формально объявила о своем роспуске, но фактически продолжала существовать. Секции этой организации выступали в разных странах от имени Интернационала, однако действовали в противоположность его принципам, преследуя цель расколоть движение. Все отчетливее выступали стремления бакунистов захватить руководство Интернационалом в свои руки, использовать его для пропаганды анархизма.

Русская секция правильно делала, что не забывала крестьянские проблемы: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Этот лозунг оставался актуальным. Но ни в коем случае нельзя было умалять главной цели — воспитания пролетариата. Что касается крестьянства, говорил Маркс, то его интересы неотделимы от интересов рабочих.

Для Елизаветы Лукиничны особый смысл имели беседы с Марксом об общинном землевладении, о судьбах крестьянской общины. Пойдет ли Россия путем Западной Европы, через стадию капиталистического развития, или же ей предстоит другой путь? Анализируя работы Чернышевского и статьи, опубликованные в журнале «Народное дело», Маркс пришел к выводу, что крестьянская община может стать в России основой прогрессивного развития. Но это произойдет только при условии победы пролетарской революции на Западе, когда коренным образом изменится соотношение классовых сил. Однако более вероятной была перспектива капиталистического развития России и превращения значительной части крестьянства в пролетариев.

Да, Россия действительно шла по капиталистическому пути. На основании статистических материалов и бесед с Марксом Елизавета Лукинична все более убеждалась в этом и постепенно осознавала, насколько сомнительными являлись теории о «самобытности» исторических судеб России. Грядущая революция в России, говорил Маркс, будет носить буржуазно-демократический

характер. Но в то же время революция явится действительно народной, по преимуществу крестьянской. Она уничтожит самодержавие, помещичье землевладение и полукрепостнические отношения. Она приведет к установлению широких демократических прав и свобод[9]. Так предвидеть суть грядущих перемен еще никому не удавалось.

Возвращаясь к себе в гостиницу, Елизавета Лукинична продолжала обдумывать все сказанное Марксом о России. Каждый раз ей не терпелось продолжить беседу. Не дожидаясь очередной встречи, Елизавета Лукинична писала Марксу: «Что касается альтернативы, которую Вы предвидите в вопросе о судьбах общинного землевладения в России, то, к сожалению, распад и превращение его в мелкую собственность более чем вероятны. Все меры правительства — ужасающее и непропорциональное повышение податей и повинностей — имеют своей единственной целью введение индивидуальной собственности путем отмены круговой поруки»[10].

Вместе с письмом Елизавета Лукинична отправила Марксу номер «Народного дела», в котором рассматривался вопрос об общинном землевладении. Несколько лет назад Елизавете Лукиничне довелось прочесть обширный труд немецкого ученого «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России». В нем содержался богатый фактический материал о состоянии общин и об организации их управления. На эту книгу обратил внимание Н. Г. Чернышевский, и Ели-

завета Лукинична в свою очередь рекомендовала ее К. Марксу [11].

Елизавете Лукиничне, очевидно, довелось расспросить Маркса о развитии рабочего движения в Англии. В этих вопросах ей многое мог объяснить Фридрих Энгельс, который обычно присутствовал при беседах Маркса с гостями. Еще в ранней юности Энгельс исследовал положение тружеников на английских фабриках и заводах. Слушая Маркса и Энгельса, Елизавета Лукинична не раз замечала, что их критика капиталистического строя напоминает ей знакомые высказывания Н. Г. Чернышевского. Но выводы Маркса были гораздо глубже и определеннее. Впервые Елизавета Лукинична встретилась с такой, как у Маркса, непоколебимой уверенностью в грядущей победе революции, впервые благодаря ему увидела так четко пути предстоящей борьбы: пролетариат — вот могильщик старого строя; тот, кто не хочет отстать от исторического прогресса, должен быть с рабочим классом, участвовать в его борьбе.

Елизавета Лукинична, бывая в доме Маркса, беседовала не только с Марксом и Энгельсом. Ее покоряла отзывчивость и благожелательность всех членов семьи. Любуясь этим замечательным союзом революционеров, для которых главным и естественным состоянием была борьба, Елизавета Лукинична думала о том, что с семьей Маркса ее сближала не только общность стремлений, но и схожесть судьбы: ведь как Маркс и его жена, она отказалась от обеспеченной среды и связала себя с угнетенным наро-

дом. Гостья знала, что жена Маркса, урожденная фон Вестфален, была дочерью видного прусского сановника и сестрой министра, но она героически разделяла с мужем многочисленные испытания, выпадавшие ему на революционном пути.

Жена Маркса покоряла всех благородством, возвышенным умом и преданностью делу революции. «...Высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и при этом такая задушевная, милая, остроумная, настолько свободная от всякого чванства и чопорности, что в ее обществе казалось, будто находишься у собственной матери или сестры» [12] — таким было впечатление от знакомства с женой Маркса у члена Генерального совета Интернационала Фридриха Лесснера. Такие же чувства, должно быть, испытывала и Елизавета Лукинична, встречаясь с гостеприимной хозяйкой дома.

Друзья Маркса знали, что его жена много занималась самообразованием, что Маркс отдавал ей на прочтение свои рукописи и она принимала энергичное участие в научной работе мужа. Она была его и критиком, и добрым советчиком. Считаясь с ее мнением, Маркс вносил поправки в свои труды, совершенствовал их. Живейшее участие Женни Маркс принимала в работе над важнейшим произведением Маркса — «Капиталом».

Одаренностью, незаурядными способностями и глубоким умом отличались и дочери Маркса. Встречаясь с ними, Елизавета Лукинична особенно подружилась со старшей из сестер — Женни. Елизавете Лукиничне понравилась комната Женни, походившая

на своего рода «Шекспировскую галерею»: комната была сплошь заполнена изданиями и портретами великого английского драматурга. Женни занималась не только литературой. Она с увлечением следила и за новейшими достижениями естествознания. Но главное, чем Женни импонировала Елизавете Лукиничне,— это пристальным интересом к рабочему движению; она сочувствовала и содействовала борьбе ирландского народа за независимость. Елизавета Лукинична имела возможность прочесть статьи Женни, опубликованные под псевдонимом «Дж. Вильямс». Дочь Маркса и Елизавета Лукинична были во многом похожи друг на друга: у каждой природный ум сочетался с эрудицией, женственность с твердостью духа, с готовностью к борьбе и самопожертвованию, с глубокой ненавистью ко всякому гнету. Елизавета Лукинична была счастлива обрести такую подругу.

Задушевная дружба связывала Елизавету Лукиничну и с другой дочерью Маркса — Элеонорой. Герман Лопатин, когда находился в Лондоне, занимался с Элеонорой русским языком. Так что с Елизаветой Лукиничной она могла говорить и по-немецки, и немножко по-русски. Элеонора ценила шутку, была жизнерадостным человеком, унаследовав эти черты от своих родителей. Об отце и матери она говорила, что «почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность... Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарования, они были веселой четой» [13].

Куда бы ни переезжал Маркс, квартира его семьи всегда становилась центром политической жизни. К Марксам приходили те, кто нуждался в помощи, участии или совете, делегаты конгрессов и конференций. У всех членов этой дружной семьи были общие интересы с теми, кто шел под знаменем Интернационала.

В доме Маркса Елизавета Лукинична познакомилась с видными деятелями рабочего движения. У Маркса бывали ветераны революционной борьбы, руководители секций Интернационала и люди, глубоко сочувствовавшие рабочему движению, например профессор Лондонского университета историк Бизли. Еще в Швейцарии на конгрессе Интернационала Елизавета Лукинична видела некоторых членов Генерального совета Интернационала — Эккариуса, Юнга, Степни, Лекрафта, Эппельгардта. Со многими из них она встретилась теперь в Лондоне.

Елизавета Лукинична настолько тепло и сердечно была принята новыми друзьями в свой круг, что вскоре стала разделять их семейные заботы. В одном из писем к Марксу она сообщала, в частности, о своих хлопотах относительно маленькой дочери Эппельгардта.

Лондонский климат с его промозглостью и смогом неблагоприятно действовал на здоровье Елизаветы Лукиничны. У нее начался бронхит, и она часто совсем не могла выходить из гостиницы. Особенно нездоровилось по вечерам, но ей не терпелось увидеть своих друзей. Однажды она написала

письмо Марксу и настойчиво приглашала его вместе с дочерьми навестить ее в ближайшее время: «Я не хочу, конечно, посягать на Ваше время, но если в воскресенье вечером у Вас найдется несколько свободных часов, то я убеждена, что Ваши дочери будут так же счастливы, как и я, если Вы проведете их вместе с нами» [14]. В том году зима в Англии была особенно сырой. К. Маркс, редко обращавший внимание на погоду, и то не удержался в одном из своих писем от восклицания о «собачьей погоде». Не на шутку обеспокоенные здоровьем Елизаветы Лукиничны, друзья прислали ей рецепты на лекарства и рекомендовали хорошего врача. Впрочем, что касается совета Маркса обратиться к врачу, то Елизавета Лукинична, видимо, ему не последовала. «Благодарю Вас за рецепт на хлорал,— писала она Марксу,— и в особенности за ту доброту, с которой Вы заботитесь о моем здоровье. Конечно, я вовсе не хочу разрушать его, но, откровенно говоря, не люблю лечиться» [15].

Нежелание лечиться объяснялось и тем, что Елизавете Лукиничне не хотелось отвлекаться на медицинские процедуры в такое насыщенное событиями время. Политическая обстановка Англии была, как никогда, накаленной, одно за другим проходили рабочие собрания, заседания секций Интернационала, затевались дискуссии по актуальным вопросам. Как только здоровье Елизаветы Лукиничны стало несколько лучше, она целиком посвятила свое время знакомству с движением английского пролета-

риата: бывала на собраниях и митингах, выполняла поручения Маркса. И делала она это с большой заинтересованностью.

Елизавета Лукинична внимательно знакомилась с документами руководящего органа Интернационала. Она изучила десятки воззваний, обращений и других материалов, касающихся рабочего движения. На заседаниях Генерального совета регулярно обсуждались задачи забастовочной борьбы, пролетарской солидарности и приема в Интернационал новых организаций. Ей становилось понятным, что Маркс создал целостную науку о стратегии и тактике рабочего класса, дал замечательно точные советы по всем насущным вопросам классовой борьбы. В лице Генерального совета фактически действовала пролетарская оппозиция европейским буржуазным правительствам по важнейшим аспектам политической и социально-экономической жизни. Генеральный совет направлял в русло совместной деятельности различные рабочие организации, преодолевая влияние на них буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Весь опыт этой гигантской работы был для Елизаветы Лукиничны подлинным открытием. И она стремилась как можно полнее вобрать его, чтобы использовать в дальнейшей борьбе.

Хорошее знание документов Интернационала и всей его деятельности было необходимо как Елизавете Лукиничне, так и всей Русской секции, чтобы содействовать укреплению авторитета Интернационала, чтобы продолжить сражение с бакунизмом

и пресечь его вредное влияние на русскую революционную молодежь.

Однако вскоре события круто изменили судьбу Елизаветы Лукиничны. Перед ней встали новые проблемы. В июне 1870 года, когда она была еще в Женеве, разразилась франко-прусская война. Начало ее казалось столь неожиданным, что многие не сразу поверили этому известию. Но вот в газетах замелькали воинственные статьи, одни из них были наполнены «тевтонским национализмом», другие — французским шовинизмом. Только секции Интернационала решительно осудили и прусских, и французских вдохновителей войны. «Мы те,— кто хочет мира, работы и свободы,— мы протестуем против воинственных кличей тех... для кого общественные несчастья служат источником новых спекуляций» [16],— писалось в одном из заявлений интернационалистов. Генеральный совет Международного товарищества рабочих заклеймил войну как «преступное безумие» [17] буржуазии. Слова Интернационала звучали грозным предостережением господствующим классам.

В Лондоне Елизавета Лукинична узнала, что автором воззвания о франко-прусской войне был К. Маркс. Вдохновенный и гневный тон этого воззвания нашел отзвук в сердце каждого рабочего. В противовес буржуазной пропаганде Маркс заявлял, что захватнические войны несовместимы с интересами пролетариата. Рабочий класс должен мобилизовать все усилия, чтобы сорвать планы милитаристов. Как и все ин-

тернационалисты, Елизавета Лукинична полностью разделяла эти выводы.

В начале сентября 1880 года, после поражения французской армии под Седаном, наполеоновская империя пала. Но прусские войска продолжали наступление на Париж. В Лондоне и Женеве с волнением следили за развитием событий.

Позорный крах французской империи внушал Елизавете Лукиничне надежду, что и в России самодержавный строй, раздираемый глубокими внутренними противоречиями, доживает свои последние дни. Как оказалось, во Франции с уничтожением империи социальные конфликты не только не исчезли, а достигли еще большего накала. На заседаниях Генерального совета Интернационала Маркс разоблачал антинародную политику французского буржуазного правительства национальной обороны. Французские демократы недаром называли его правительством «национальной измены». В это время тактика французского рабочего класса должна была состоять в том, считал Маркс, чтобы использовать те относительные свободы, которые давала им республиканская форма правления. Все силы следовало сосредоточить на укреплении классового единства пролетариата. Именно это дало бы ему «геркулесовы силы» для борьбы за возрождение Франции и подлинное освобождение народа.

В разгар событий во Франции в Лондоне проходили митинги, на которых бурно обсуждалось сложившееся международное положение. На митингах выступали члены Ге-

нерального совета Интернационала. Елизавета Лукинична старалась не пропускать наиболее многолюдные собрания, прислушивалась к мнению представителей пролетарских масс. Последние новости, полученные из Франции, были тревожными. Стало известно, что Париж оказался в кольце блокады. Там начинался голод. За предательскую политику правительства расплачивался рабочий класс, и его-то буржуазия Франции боялась больше, чем внешнего врага. 28 февраля 1871 года был заключен предварительный мирный договор. По его условиям Франция отдавала Пруссии Эльзас и большую часть Лотарингии, а также должна была уплатить огромную контрибуцию. Итак, французская буржуазия могла считать, что ей удалось откупиться перед внешним врагом. Оставалось решить вопрос внутренний, то есть обезопасить себя от пролетариата.

Адольфа Тьера, главу французского правительства национальной обороны, беспокоило, что парижский пролетариат владеет оружием, даже пушками. В критический для страны момент пушки были отлиты на деньги, собранные народом, и находились в артиллерийском парке на Монмартре. По распоряжению Тьера верные ему войска должны были захватить эти пушки. Еще не рассвело, когда солдаты начали продвигаться к артиллерийскому парку. Но попытка, задуманная Тьером, не удалась. Национальная гвардия, состоявшая сплошь из рабочих, забила тревогу и подняла весь Париж. Генерал Леконт тщетно приказывал солда-

там дать залп по толпе. Они подняли ружья прикладами вверх, отказавшись стрелять в братьев по классу.

18 марта 1871 года Центральный комитет национальной гвардии стал фактически хозяином Парижа. Тьеру пришлось спешно покинуть восставшую столицу. Он бежал в загородную резиденцию — Версальский дворец. ЦК национальной гвардии объявил, что отныне власть принадлежит народу: пролетарии Парижа «поняли... что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки правительственную власть» [18].

Находясь вдали от Парижа, трудно было составить верное представление о происходивших там событиях. В английской печати распространялась версия, будто французской столицей завладела горстка мятежников — «инсургентов». В адрес восставших полились потоки клеветы. Восставших называли преступниками, покушавшимися на «порядок» и «священное право собственности». «Это — бандиты! Грабители! Разбойники!» — вопили реакционеры.

Маркс обладал удивительной способностью видеть за лживыми измышлениями истинный характер текущего момента. Елизавете Лукиничне посчастливилось оказаться в эпицентре труднейшего исторического момента и титанической работы Интернационала, связанной с анализом характера революции, с организацией международной поддержки Парижской Коммуны.

Уже 21 марта на заседании Генерального совета Интернационала Ф. Энгельс докладывал о положении в Париже [19]. Оно осложнялось последствиями войны, присутствием прусской армии под французской столицей, раздробленностью парижских секций Интернационала, отсутствием пролетарской партии, достаточного опыта пролетарской классовой борьбы. Незадолго до Коммуны К. Маркс предостерегал французских деятелей Интернационала от попытки поднять пролетариат на восстание. Но когда революция произошла, Маркс и его соратники с величайшим энтузиазмом приветствовали восставших. Чем напряженнее становилась обстановка, тем с большей энергией боролся Маркс, увлекая других своей целеустремленностью и оптимизмом.

Маркс и Энгельс считали Парижскую Коммуну «духовным детищем Интернационала», ибо она была рождена всем предыдущим развитием международного рабочего движения. Но при этом Маркс решительно отмежевывался от попыток реакционной прессы изобразить Коммуну как «заговор», подготовленный Интернационалом. В первые же дни существования Коммуны Маркс дал оценку парижской революции на заседаниях Генерального совета Интернационала и анализировал ее в обращениях к участникам рабочего движения разных стран. По предложению Маркса представители Генерального совета Интернационала были направлены на собрания к английским рабочим. Члены совета разъясняли значение Коммуны, призывали выступить в ее под-

держку. Маркс внимательно изучал политические и социально-экономические мероприятия Коммуны, относился к ним как непосредственный участник ее борьбы. В декларации парижской революционной власти Маркс выделил как наиболее важное положение о том, что Коммуна добивается уничтожения милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа монополий, привилегий — «всего того, чему пролетариат обязан своим рабством» [20]. За два месяца существования Коммуны Маркс написал и отправил несколько сот писем во все секции Интернационала, в редакции английских и зарубежных газет, объясняя характер происходящей революции и задачи пролетариата.

Маркс считал, что решительное подавление контрреволюции как в самом Париже, так и за его пределами позволит восставшим закрепить их победу. В Генеральном совете Интернационала с нетерпением ждали активного выступления парижан против реакции. Но ЦК национальной гвардии не решился направить коммунаров на Версаль. Вместо этого ЦК назначил выборы, чтобы сформировать правительство Коммуны и передать ему свои полномочия. Парижане теряли драгоценное время, а реакция тем временем собирала силы. Париж оказался в окружении с одной стороны — прусских войск, с другой — войск Тьера. Сообщение с Парижем было чрезвычайно затруднено. Но и в этих условиях Маркс предпринял все возможное, чтобы поддерживать с руководством Коммуны необходимые контакты. Он считал, что в такой исторический мо-

мент лично ему было необходимо находиться в революционном Париже. Однако Маркс отдавал себе отчет в неосуществимости этой поездки: ни прусская, ни французская полиция не упустили бы случая арестовать его.

Очень хотелось быть в Париже и старшей дочери Маркса — Женни. Но по той же причине, что и Маркс, Женни отказалась от своей рискованной идеи. По решению Генерального совета Интернационала в Париж выехал один из его секретарей-корреспондентов Огюст Серрайе. Удастся ли ему благополучно достигнуть революционной столицы? Уверенности в этом не было. Маркс предполагал послать в Париж еще одного деятеля Генерального Совета Интернационала — Германа Юнга. Однако вслед за Серрайе туда направился не Юнг, а Елизавета Томановская. Нетрудно воспроизвести те аргументы, которые она могла привести Марксу, отстаивая свою кандидатуру. Она хорошо владела немецким языком,— это облегчало проход через прусские кордоны, прекрасно говорила и по-французски. Кроме того, как женщина, да еще молодая и красивая, она вызывала меньше подозрений. Что касается ее политической подготовки, то в этом также не приходилось сомневаться. За три месяца, проведенные в Лондоне, Елизавета Лукинична многое постигла в науке революционной борьбы. В Париже должно было довершиться ее политическое «крещение».

Не только сами доводы, но и пыл, с которым высказывала их Елизавета Лукинич-

на, убедили Маркса одобрить эту поездку. Итак, ей предстояло добираться до Парижа и там самостоятельно принимать решения, исходя из сложившейся обстановки. Предполагалось, что ей удастся войти в контакт с революционным правительством и наладить поступление в Генеральный совет Интернационала информации о положении Коммуны. Конкретная программа действий Елизаветы Лукиничны должна была уточняться на месте. Конечно, она располагала советами Маркса по всем основным вопросам, которые имели для Коммуны жизненно важное значение. Елизавета Лукинична покидала Лондон полная уверенности, что доверие Маркса она оправдает.

1871 год. Парижская Коммуна

Париж не отступит, ибо он несет в своих руках знамя будущего.

Из манифеста Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым

С того момента как в Лондоне Елизавета Лукинична поднялась на борт парохода, чтобы пересечь Ла-Манш, она не называлась больше госпожой Томановской. В Париже она жила под псевдонимом — Элиза Дмитриева.

Елизавета Лукинична понимала, что поездка в Париж ответственное дело, что она вступает в суровую, яростную борьбу. И в интересах этой борьбы надо строго соблю-

Е. Л. Дмитриева (Томановская)

Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров
С. В. Ковалевская, Н. И. Утин

К. Маркс и его дочь Женни

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

COMMUNE DE PARIS

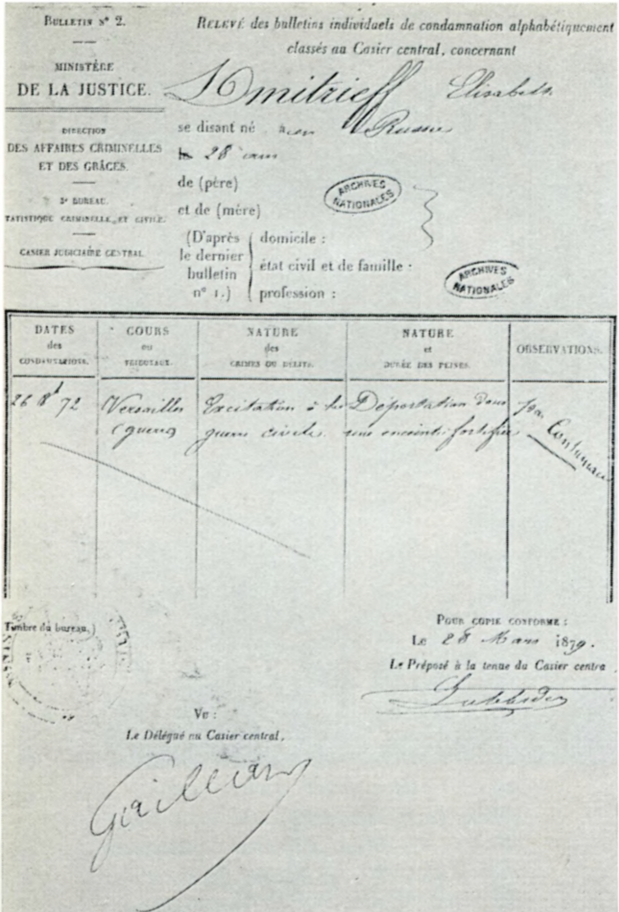
APPEL
AUX OUVRIÈRES

Рабочий кабинет К. Маркса

Воззвание Парижской Коммуны
с подписью Е. Дмитриевой
(на французском языке)

А. В. Корвин-Круковская

Собрание коммунарок



Bulletin n° 2.

Ministère

DE LA JUSTICE.

Direction

DES AFFAIRES CRIMINELLES ET DES GRÂCES.

3e Bureau.

Statistique criminelle et civile.

Casier judiciaire central.

Relevé des bulletins individuels de condamnation alphabétiquement classés au Casier central, concernant

Dmitrieff Elisabeth

se disant né à en Russie

le 28 ans

de (père)

et de (mère)

(D'après le dernier bulletin n° 1.) domicile :

état civil et de famille :

profession :

ARCHIVES NATIONALES

DATES des condamnations.	COURS ou tribunaux.	NATURE des crimes ou délits.	NATURE et durée des peines.	OBSERVATIONS.
26 8 72	Versailles (guerre)	Excitation à la guerre civile.	Déportation dans une enceinte fortifiée	Par contumace

(Timbre du bureau.)

Pour copie conforme :

Le 28 Mars 1879.

Le Préposé à la tenue du Casier central,

Vu :

Le Délégué au Casier central,

Документ из полицейского досье
о Е. Дмитриевой
(на французском языке)

Провозглашение Парижской Коммуны
Женщины на баррикадах Парижа

Дом-музей Е. Л. Дмитриевой в селе Волок Торопецкого района Калининской области

Каждый год в День Парижской Коммуны — 18 марта у дома-музея героини Коммуны проходит митинг

дать законы конспирации. Что касается псевдонима, то она поступила по примеру своих друзей из Русской секции Интернационала Бартеневых, которые в тех же целях пользовались вымышленной фамилией — Матвеевы.

Судя по ее письмам, она оказалась в Париже незадолго до торжественного провозглашения Коммуны, то есть в последних числах марта.

Баррикады на улицах Парижа разобрали, и движение транспорта наладилось. С Северного железнодорожного вокзала до центра города можно было доехать в многоместном общественном экипаже — омнибусе. Пассажиры громко обсуждали последние новости:

— Интересно, что замышляет Тьер? Что говорят о нем в ратуше?

— О Тьере там, кажется, не думают. Париж, видите ли, не хочет диктовать свою волю провинции... Не трогайте нас, и мы никого не тронем!

— Ну, мудрецы... Однако если Тьер выступит против Парижа?

— Нет, не посмеет...

Мнения были противоречивы, но в целом доброжелательны к тем, кто заседал теперь в ратуше.

Революционная весна преобразила Париж. Его жители будто заново родились. Они впервые почувствовали себя хозяевами своей столицы. Народу принадлежало здесь все: роскошные дворцы и ухоженные парки, знаменитые театры, отделанные золотом, мрамором и бархатом, богатейшие библио-

теки с древними фолиантами, бесценные сокровища музеев. Сколько поколений мастеров трудилось, создавая эти шедевры! Восставший народ взял под охрану эти удивительные творения.

— Вы правильно сделали, мадемуазель, что не побоялись приехать в Париж,— сказал Елизавете Лукиничне случайный попутчик.— Обратите внимание, мадемуазель, как замечательно распоряжается собой трудовой люд. Можно подумать, он всегда заправлял государственными делами. У нас во всем полный порядок. Не бойтесь ходить по Парижу хоть ночью: ни грабежей, ни убийств больше нет. Даже дамочки легкого поведения поисчезали, отправились вслед за своими покровителями. Как жаль, что мир не может сейчас хоть краешком глаза взглянуть на революционный Париж!

Елизавета Лукинична оказалась во Франции впервые. Но она не чувствовала себя чужой в этой стране. Время, проведенное в Женеве и в Лондоне, приобщило ее к французским проблемам. Не раз в Женеве она встречалась с французскими интернационалистами, с интересом читала в местной печати статьи о положении во Франции. Многие из них были написаны Н. И. Утиным.

Что должна была сделать Елизавета Лукинична, приехав в Париж? Прежде всего разыскать Федеральный совет парижских секций Интернационала. Там она могла бы встретить своих знакомых, которых у нее было немало. Возможно, она рассчитывала прежде всего на своего соотечествен-

ника Петра Лавровича Лаврова. За несколько месяцев до начала франко-прусской войны он обосновался в Париже, вошел в одну из секций Интернационала, активно посещая собрания парижских пролетариев. Он поддерживал связь с издателями «Народного дела» и получил из Женевы полный комплект вышедших номеров журнала. Лавров горячо приветствовал Коммуну: «В первый раз на политической сцене не честолюбцы, не болтуны, а люди труда, люди настоящего народа» [1]. Но возможно, по каким-то причинам встреча Елизаветы Лукиничны с ним не состоялась. Лавров писал, будучи в Лондоне, намекая, очевидно, на Дмитриеву: «Одна наша русская очень деятельна в Париже, но я ее там не видел, а более узнал о ней здесь».

Особенно необходимо было ей увидеть Бенуа Малона. С ним Елизавета Лукинична познакомилась еще в Женеве. В Париже он жил с 19 лет, работал грузчиком и красильщиком, прекрасно знал настроения простых людей, активно сотрудничал в Интернационале. Вызывали уважение его искренность, честность, умение превыше всего ставить интересы общего дела. Год назад Малон был арестован, но отпущен под залог. Его друзья из Русской секции Интернационала советовали ему скрыться, предлагали уплатить внесенный за него залог. Однако Малон отказался: для Интернационала, считал он, важнее иметь борца, а не еще одного эмигранта. Когда 4 сентября 1870 года к власти пришло буржуазно-республиканское правительство, Малон занял

должность помощника мэра. Он завоевал авторитет своими энергичными действиями в пользу трудящихся. После победы Коммуны рабочие избрали его в состав нового правительства.

27 марта Малон вернулся домой поздно: целый день продолжались выборы членов новой власти, и только поздно вечером начался подсчет голосов. Утром надо было спешить в ратушу, готовиться к празднику провозглашения Коммуны. От Малона Елизавета Лукинична узнала обо всем сразу: что сделано после 18 марта, что планируется, в чем Париж испытывает трудности.

Как будет Коммуна действовать дальше — этого точно никто не знал. Программа не была разработана. Но главное, считал Малон,— впереди. Коммуна покажет, что во имя народа она способна на все. Оптимизм Малона воодушевил Елизавету Лукиничну. Конечно, думала она, Маркс был прав, когда говорил, что вначале коммунары допустили немало ошибок, разумеется, следовало немедленно идти на Версаль и разбить реакцию в ее логове. Но теперь, по всему видно, дело наладится. Надо только срочно включиться в работу, не терять ни одной минуты.

28 марта состоялось торжественное провозглашение Коммуны. Елизавета Лукинична пришла на площадь Ратуши. В полдень к площади начали двигаться многочисленные батальоны национальной гвардии. Перед зданием ратуши выстроились музыканты с трубами и барабанами. Площадь до отказа заполнилась народом. Шли

рабочие, работницы, женщины с детьми. Подростки устраивались на подоконниках, народ толпился на прилегавших к площади улицах. Вдоль тротуара перед ратушей установили пушки, перед воротами здания, под башней с часами, построили эстраду. Свод ворот украсили красными полотнищами, широкими голубыми портьерами задрапировали фонарные столбы. Во всем убранстве сочетались красный и голубой цвета — цвета французского знамени. На самом видном месте поставили гипсовый бюст, изображавший Республику.

В четыре часа раздались пушечные выстрелы, извещавшие о начале праздника. Тут же горнисты протрубили сигнал сбора, забили барабаны. На эстраду вышли избранники народа. Тысячеголосое приветствие «Да здравствует Коммуна!» разнеслось над площадью. В едином порыве национальные гвардейцы подняли ружья штыками вверх. Небо, с утра затянутое тучами, вдруг прояснилось, и яркое весеннее солнце осветило грандиозную картину народного торжества.

Избранники народа не произносили в тот день длинных речей, да и трудно было расслышать выступающих при таком небывалом стечении народа. Но и без слов всем было ясно: сбылось то, о чем давно мечтал рабочий Париж.

В рядах национальных гвардейцев Дмитриева видела старых бойцов. Это были те, кто сражался на баррикадах еще в июне 1848 года. Теперь дело, за которое они боролись, восторжествовало. На глазах ветеранов блестели слезы радости.

— Что бы ни случилось с Коммуной, семена ее прорастут в будущем. Нет такой силы, которая бы этому помешала! — убежденно говорил какой-то старый гвардеец молодому товарищу.

Весеннее солнце заливало улицы ярким светом. Казалось, во всем Париже не осталось ни одного темного уголка. Даже грозные пушки выглядели добродушно, будто смеялись, сверкая на солнце металлическими жерлами. Легкий ветерок чуть колыхал красные знамена — их вывесили на зданиях бывших министерств, над Елисейским дворцом, над мэриями столицы. Самый большой флаг развевался над ратушей. На площадях и бульварах веселились рабочие в синих блузах, национальные гвардейцы с яркими галунами, женщины в красных головных уборах: то были особого покроя «фригийские колпаки» — символы свободолюбивого духа простого народа Франции *. На одной из площадей Елизавета Лукинична увидела импровизированный концерт. Доносились обрывки бойких куплетов про карлика Тьера, который, брызжа слюной, грозится перебить коммунаров. Девушки лихо отплясывали карманьолу и пели:

Пропляшем карманьолу — ура,
пальба и грохот!
Пропляшем карманьолу — ура,
пальба из пушек!

---

* Фригийская шапка (колпак) — головной убор, который в Древней Греции надевали на рабов, отпускаемых на волю. Во время Французской революции 1789 г. фригийский колпак стал символом свободы.

Что нужно республиканцам?
Свобода всему человечеству,
Мир хижинам, война дворцам,
Долой богов и попов, да здравствует
Братство и Равенство,
Да здравствует Труд!

Время от времени Дмитриева останавливалась, читала афиши, пестревшие на стенах домов: белые, выпущенные от имени правительства, красные, желтые, голубые, сиреневые — от общественных организаций и даже отдельных граждан. На Париж опускалась ночь, и звезды уже сверкали на небе, когда праздник кончился и последние группы парижан разошлись по домам.

Уезжая в революционный Париж, Елизавета Лукинична обещала Марксу информировать Генеральный совет о развитии парижских событий. Это оказалось трудной задачей. В последние дни марта почтовая и телеграфная связь со столицей Франции была прервана. Директор почтового ведомства бежал, прихватив из кассы марки и деньги. Но Коммуна решила во что бы то ни стало наладить связь с внешним миром. Добровольцы взялись отправлять письма в пригородах столицы. Однако агенты Тьера зорко следили за смельчаками, нередко арестовывали их и перехватывали почту. Приходилось рассчитывать только на редкую оказию, когда кто-нибудь из надежных людей мог выбраться из осажденного Парижа.

В начале апреля Елизавета Лукинична сумела отправить в Лондон довольно подробный отчет: перед Коммуной вставало такое множество проблем, что обо всем не-

возможно было сообщить в одном письме. Коммунарам предстояло восстановить работу промышленности, обеспечить огромный город продовольствием, позаботиться о школах, больницах и приютах, всюду заменить саботажников, наладить функционирование учреждений, открыть библиотеки, выставки, музеи, театры... Новая администрация энергично взялась за работу. Переплетчик Эжен Варлен организовал управление финансовыми делами, рабочий Шарль Амуру осуществлял связь с провинцией, рабочий Тейс возглавил почтовое ведомство, сапожник Симон Дерер заботился о продовольствии, отважные коммунары Эд и Дюваль командовали отрядами национальной гвардии. В разгаре была работа в Академии наук. На ее заседаниях рассматривались вопросы существования электрических волн, движения Луны, состава метеоритов, впервые подвергнутых химическому анализу, эволюции звезд, лечения холеры и другие, не менее волновавшие в те дни ученые умы всего мира. Елизавета Лукинична сообщала о первых шагах Коммуны кратко: «На мой взгляд, делается все, что возможно. Я не могу говорить об этом слишком подробно, потому что боюсь, как бы прекрасные очи г-на Тьера не заглянули в это письмо...» [2]

Не только Тьер противостоял революционному Парижу: Маркс недаром предсказывал сговор Бисмарка с Тьером! Теперь у них была общая задача — разбить Коммуну, не дать распространиться ее примеру. Все это повторение «старой истории», пре-

дупреждал коммунаров К. Маркс. «Высшие классы всегда объединялись для подавления рабочего класса» [3].

2 апреля три бригады армии Тьера выступили против красной столицы, а на другой день Елизавета Лукинична увидела, как к центру Парижа начали собираться группы коммунарок.

— Гражданки! Мы идем на Версаль! Мы скажем ему, что Париж имеет право жить по своей воле! Гражданки! Идемте вместе с нами! — призывали парижанок организаторши этой манифестации.

Построившись в колонну, женщины двинулись по направлению к Версалю. В завязавшемся бою одному из его участников, Ю. Лаксу, довелось быть рядом с двумя женщинами, которые, как он писал, «своей энергичной смелостью воодушевляли солдат». Это были учительница Луиза Мишель и Елизавета Дмитриева. Интенсивный артиллерийский огонь версальской артиллерии заставил коммунаров отступить. В те дни версальцы захватили ряд пригородных селений, укрепились в стратегически важных пунктах. Парижан глубоко потрясло не только само нападение, но и то, как зверски версальцы расправлялись с пленными коммунарами. После этого ЦК национальной гвардии сделал вывод, что надежд на мирное развитие революции больше нет. Чтобы выиграть «великую борьбу между паразитизмом и трудом», говорилось в призыве ЦК, рабочим надо теперь крепко держать в руках оружие. «Если вы устали коснеть в невежестве и прозябать в нищете,

если вы хотите, чтобы ваши дети сделались людьми, пользующимися плодами своего труда... если вы хотите, наконец, царства справедливости,—будьте смелы, рабочие»[4].

Итак, гражданская война началась. Казалось, революционное правительство четко определило в ней свою позицию. Каково же было удивление многих парижан, когда на следующий день в воззвании Исполнительной комиссии Коммуны, обращенном к департаментам, они прочли, что Коммуна не ставит свой целью утверждение революционной диктатуры, а ограничится лишь упрочением городского самоуправления.

— Как же так? — спрашивали друг друга рабочие.— Уж не хотим ли мы отдать завоевания революции?

— Похоже, что Тьеру намекают на возможность уступок, на примирение с Версалем! Нет ли тут измены?

Реакционные газеты развернули выгодную буржуазии агитацию: «Париж не должен сражаться! Мир с Тьером необходим!» Продажная газетенка «Клош» выступила в защиту якобы «всех матерей», страдающих от гражданской войны. Анонимная «вдова Ришар» нападала в «Клош» на важнейший декрет Коммуны, обязавший холостых мужчин до 35 лет записаться в боевые батальоны национальной гвардии.

Чтобы помочь Коммуне, предстояло включиться в революционную пропаганду. В тот же день Елизавета Лукинична решает ответить на выступление анонимной «вдовы». Надо было показать пролетаркам, что буржуазные дамочки заботятся не только о

том, чтобы уберечь своих чад и домочадцев. Главная цель этих выступлений — дезорганизовать защитников Коммуны. Вот почему необходимо дать отповедь буржуазной провокации. И сделать это должны настоящие парижанки, героические дочери Коммуны, крепкие духом, сильные своей верой в Коммуну, в справедливость ее дела. Таких гражданок в Париже большинство. Что бы там ни говорили, считала Елизавета Лукинична, а революция 18 марта обязана им очень многим, можно сказать, всем своим существованием. Ведь это они, славные дочери Монмартра, не позволили отнять у национальной гвардии пушки, купленные на общественные деньги. Проснувшись раньше всех, чтобы встать в очередь за хлебом, пролетарки Парижа подали сигнал тревоги и подняли массы против реакционеров. Они убедили солдат Тьера побрататься с народом.

Еще во время осады Парижа прусскими войсками женщины начали создавать комитеты бдительности. «Красная дева Монмартра» — Луиза Мишель возглавила первый из таких комитетов. Надо, думала Елизавета Лукинична, поднять комитетчиков: именно они должны опровергнуть заявление «вдовы Ришар». К кому же обратиться персонально? Луиза Мишель в комитете бдительности уже не работала. Она осталась в одном из батальонов национальной гвардии, защищала Коммуну с винтовкой в руках. Рассказывали, что Луиза отважилась пробраться в самое логово врагов — в Версаль. Она хотела разведать обстановку и убить Тьера. Ей казалось, что, если уничто-

жить Тьера, будут спасены тысячи жизней парижских коммунаров. Версальские солдаты ее не выдали, но осуществить свой дерзкий замысел ей все же не удалось.

В первые же дни пребывания в Париже Елизавета Лукинична познакомилась с активистками женского рабочего движения, их имена были хорошо известны простым парижанкам. Это типографская работница Алин Жанье, швея Мари Лелу, модистка Бланш Лефевр, домохозяйки Жарри и Коллен... Елизавете Лукиничне особенно понравилась брошюровщица Натали Лемель, энергичная, веселая женщина. Лемель оказалась вдвое старше Дмитриевой, но ее общительный характер привлекал к ней и пожилых, и молодежь. Она всегда была занята каким-нибудь общественным делом. Скольким беднякам в трудное время осады помогли прокормиться кооперативные столовые «Котел», которые она создала вместе с социалистом Эженом Варленом. Являясь членом Интернационала, Лемель организовала в Париже профсоюз работниц переплетного дела.

Новые подруги поддержали намерение Дмитриевой развернуть борьбу с буржуазной пропагандой. Действительно, пора было дать реакции решительный отпор. Пусть все парижане поймут, что братоубийственная война прекратится только тогда, когда победит революция.

Слушая коммунарок, Елизавета Лукинична видела, что из их требований складывается ясная и четкая программа действий: Тьер мира не хочет — пусть Коммуна усилит

бдительность! «Проведем собрания, разъясним положение каждой работнице, организуем всех женщин на борьбу», — решили активистки. Елизавета Лукинична спешила записать содержание этих речей, чтобы обнародовать мнение гражданок Коммуны. В их словах содержался готовый материал для воззвания. Пролетаркам Парижа не нужны розовые картинки, услаждающие недалеких и слабонервных людей! Париж должен знать правду о своем положении и энергично защищать революцию. Ему нельзя замыкаться в рамках «коммунальных вольностей». Главное в том, чтобы отчетливо видеть цель пролетарской революции, осознать историческую миссию Коммуны. Наши враги — это привилегированные классы, это те, которые всегда жили нашим потом и кровью. Долой привилегии! — вот формула борьбы. Славные дочери Парижа внесут в революцию свой вклад: «Гражданки, настал решительный час! Надо покончить со старым миром! Мы хотим быть свободными!» — этим призывом заканчивалось воззвание, опубликованное за подписью группы активисток.

Вчитываясь в свои записи, Елизавета Лукинична думала о том, что в воззвании надо непременно отразить интернационализм Коммуны. За дело ее выступали сотни иностранных революционеров. Отстаивая Париж от реакции, они боролись за интересы всемирного пролетариата. «И не одна Франция теперь поднимается,— писала в воззвании Елизавета Дмитриева.— Взгляды всех цивилизованных народов направлены

на Париж: они ждут нашей победы, чтобы в свою очередь освободиться... Даже в России, едва гибнут защитники свободы,— на их место появляется новое поколение, готовое в свою очередь бороться и умереть за республику и социальное переустройство»[5].

Ничто не помешало в тот же вечер отнести воззвание в редакцию «Официальной газеты» Коммуны. Обычно там работали допоздна, ожидая протоколы очередного заседания Коммуны. Получив документы, приходилось не только редактировать их, но и значительно сокращать: газетных полос не хватало, чтобы отразить бурные и трудные дебаты, в которых рождались декреты пролетарской власти. И все же в очередной номер не удавалось поместить многие срочные материалы. Было ясно, что воззвание женщин увидит свет лишь через несколько дней, а это для революции целая вечность! И сколько времени уже упущено! Но должен же быть какой-то выход? Выход подсказали сами рабочие типографии: воззвание можно напечатать отдельной афишей. Уже утром тираж будет готов. Останется только найти добровольцев, чтобы расклеить по городу афиши, а это уже не проблема.

...Утром по всему Парижу вокруг афиш собирались толпы людей. Активистки там же начали записывать гражданок, желающих содействовать Коммуне. За несколько дней около двух тысяч парижанок заявили о готовности посвятить себя делу Коммуны. Во всех двадцати округах Парижа были созданы женские комитеты. Чтобы объединить движение, активистки учредили Цент-

ральный комитет революционной организации женщин, уточнили функции местных комитетов. Было назначено первое общее собрание. Возглавить Центральный комитет коммунарки поручили пяти известным революционеркам, и в их числе — Елизавете Дмитриевой. Организация приняла название — «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым». Союз создавался как широкое пролетарское объединение на основе демократического централизма.

Защита Парижа, считала Елизавета Лукинична, это не только оборона города, это и политическая организация трудящихся и проведение в жизнь социальных мероприятий. Политической организацией женщин, как представлялось ей, могли и должны были стать комитеты Союза женщин, а сам союз следовало постепенно превратить в самостоятельную «ветвь» Интернационала, ибо если «она сумеет охватить собой все рабочие силы, если весь рабочий мир проникнется той стойкостью, тем сознанием, той готовностью идти на борьбу, каким проникнуты члены Интернационала», то эксплуататорам будет нанесен сокрушительный удар. Елизавета Лукинична писала Марксу: «Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы создадим секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех» [6].

Версальский шпион доносил Тьеру, что в каждом округе Дмитриева «держала в своих руках» бюро, основанные под предлогом ухода за ранеными, и сумела так поставить

дело, что все они действовали в интересах Интернационала.

Центральный комитет Союза женщин был открыт круглые сутки, любой срочный вопрос здесь обсуждали немедленно и дважды в день по особо важным проблемам совещались все вместе. Почти ежедневно руководительницы Комитета участвовали на собраниях в различных округах Парижа.

Придавая большое значение массовому участию женщин в Коммуне, союз стремился наладить регулярный выпуск афиш, извещавших о деятельности этой новой революционной организации. Союз получил от Коммуны разрешение печатать афиши бесплатно в Национальной типографии на белой бумаге, на которой выпускались только правительственные документы.

«Гражданки! — говорилось в первых воззваниях Союза женщин.— Испокон века вас угнетали, видели в вас рабынь. Капиталу выгодно было держать женщин в невежестве. Только социализм даст им все права, обеспечит уважение и подлинную свободу. Коммуна олицетворяет собой воплощение революционных принципов, выработанных международным пролетариатом. Коммуна нуждается в участии женщин, как и они, в свою очередь, заинтересованы в торжестве Коммуны»[7].

Деятельность союза приводила в ярость врагов Коммуны. Буржуазии представлялось вначале, что коммунарки ограничатся заботой о раненых и устройством госпита-

лей. Но парижские швеи, прачки, кухарки и консьержки получили возможность участвовать в государственных делах, посягнули на давнюю привилегию буржуазии. Это был поразительный, не виданный в истории случай!

Секретарь русского посольства Обресков отправил в Петербург депешу: «Я знал,— сообщал он,— что эта опасная женщина, русская поданная, уже давно бросилась в социалистическое движение, что она интересовалась бесконечно больше действиями Коммуны, чем ранеными своего походного госпиталя» [8]. О каком госпитале говорит в донесении Обресков, остается неизвестным. В те дни их было несколько, один из которых организовала Луиза Мишель. По мере усиления боевых действий число их возрастало. Очевидно, Елизавета Лукинична занималась этим делом в конце апреля, когда необходимость медицинской помощи значительно увеличилась и потребовалось вмешательство Союза женщин. 20 апреля в газетах был опубликован устав Союза женщин, в котором говорилось, что одной из важных задач этой организации делается «регистрация женщин, желающих работать в госпиталях и походных кухнях, а также на строительстве баррикад» [9].

Участие Елизаветы Дмитриевой в Парижской Коммуне стало известно петербургским газетам. Этот факт они не оставили без внимания. Буржуазные газеты были вынуждены писать о событиях во Франции. Замолчать Парижскую Коммуну оказалось невозможным. В печати всех европейских

стран появились отклики на Коммуну, и многие из этих изданий получали и распространяли в Петербурге и в других крупных городах России. В унисон с этими буржуазными изданиями русские газеты искажали существо происходящего, не хотели признавать в Коммуне опыт строительства нового общества.

В Петербурге в газете «Голос» * особенно усердствовал корреспондент Щербань, старавшийся доказать, что парижские события не имеют к России решительно никакого отношения. Как же Щербань объяснял участие в Коммуне своей соотечественницы? «Предположим самое лучшее,— говорил он,— молодую, теплую натуру, горячее сердце, сильный характер, великодушный ум и впечатлительное воображение... увлечение, доходящее, по-видимому, до самопожертвования... Вот этого-то ослепления себе и не уясняешь!» — признавался Щербань. «Чего вы хотите? — спрашивает он, обращаясь к Дмитриевой.— Жизни для собственного счастья? Так не беритесь устраивать судьбу других».

Корреспондент перечислял подруг Дмитриевой: Аделаида Валентен — работница, Ноэми Колейль — работница, Маркан — работница, Софи Гре — работница, Жозефина Пратт — работница, Целина Дэльвэнкье — работница... Корреспондент готов был простить всем им такой «легкомысленный порыв», как участие в революции, по-

* «Голос» — ежедневная политическая и литературная газета умеренно охранительного направления. Издатель А. А. Краевский.

скольку, дескать, у них «могло накипеть разное» против Версаля. Но Дмитриева??! И тут Щербань не останавливался перед самой грязной клеветой на Коммуну. По его рассуждениям, Дмитриевой не оставалось другого выбора, она будто бы оказалась в Союзе женщин не по убеждению, а по принуждению. «Нет, надобно полагать,— заключал Щербань,— что наша соотечественница невольно попала в комитет, против которого публично протестуют порядочные женщины» [10].

Но в потоке подобных излияний у Щербаня проскальзывало признание, что участие Дмитриевой в Коммуне — не такая уж бессмыслица, как не бессмысленна и сама революция: движение развивалось и крепло, пользуясь поддержкой всей нации. Тот же автор ссылался на одну из революционных прокламаций, в которой причастность женщин к борьбе объяснялась горячим осознанным желанием поддержать Коммуну, потому, что она готовит обществу обновление, одинаково интересующее и женщин и мужчин.

Эту социальную цель Коммуны Щербань никак не хотел признавать. Но она существовала, и ее прекрасно понимала Елизавета Лукинична. Пребывание в Лондоне убедило ее, что буржуазия, которая всегда нещадно эксплуатировала трудящихся женщин, по мере распространения машинного производства совершенно обесценила их труд. Это заставляло пролетарок устраивать на работу своих малолетних детей.

Особенно тяжелым было положение мо-

лодых матерей в столицах и в крупных городах. Елизавета Лукинична знала, что парижские работницы были вынуждены отдавать своих малышей на воспитание чужим людям, пристраивать их в деревнях. Больше трети таких детей, как правило, умирало, не достигнув даже годовалого возраста. Женщинам платили в два-три раза меньше мужчин за одинаковую работу. Семьи пролетариев едва сводили концы с концами. Им приходилось жить в долг, они зависели от кредита лавочников и продавали последнее из домашнего скарба. В парижский ломбард бедняки закладывали даже матрасы и ножницы. Каждое утро начиналось для них с заботы о куске хлеба. Им нечем было платить за жилье, и они безуспешно упрашивали домовладельцев не выбрасывать жену и детей на улицу.

Новая революционная власть осуществила все, чего народ тщетно добивался от буржуазного правительства. Беднякам решили бесплатно выдать вещи из ломбарда, были отсрочены платежи за квартиры, нуждающимся семьям назначены пособия. Коммуна, по словам К. Маркса, стала той политической формой, при которой могло, наконец, осуществиться экономическое освобождение рабочих. Эту истину Елизавета Лукинична стремилась донести до сознания каждой труженицы. Этими мыслями были проникнуты документы Союза женщин. «Мы хотим труда, но чтобы самим пользоваться его плодами,— говорилось в воззвании «К гражданам Парижа».— Долой эксплуататоров, нам не нужны хозяева... Труд и благосостояние

для всех!»[11] Под этим воззванием также есть подпись Дмитриевой.

Союз женщин стремился непосредственно влиять на выработку социальной политики Коммуны. Елизавета Лукинична позаботилась о том, чтобы установить тесные связи союза с правительственной комиссией труда и обмена.

Эта комиссия призвана была решать главную социальную задачу — улучшить положение рабочего класса. Ей поручалось содействовать развитию промышленности и торговли и в то же время вести «пропаганду социалистических доктрин». Елизавета Лукинична общалась непосредственно с двумя наиболее инициативными членами этой комиссии — Огюстом Серрайе и Лео Франкелем. Серрайе был избран в состав Генерального совета Интернационала и, возможно, встречался с Елизаветой Лукиничной еще в феврале 1870 года, когда приезжал в Лондон и отчитывался перед генсоветом о работе парижских секций Интернационала. Лео Франкель, деятель венгерского социалистического движения, являлся одним из руководителей восстания 18 марта, фактически был министром труда первого рабочего государства. Он часто выступал на заседаниях Коммуны. Его темпераментные речи всегда производили большое впечатление на слушателей. Четкая классовая позиция проявлялась не только в его суждениях, но и в энергичных действиях. Это привлекало к Франкелю симпатии рабочих. «Мы не должны забывать,— говорил Франкель,— что революция 18 марта совершена исключитель-

но рабочим классом. Если мы... ничего не сделаем для этого класса, то я не вижу смысла в существовании Коммуны»[12]. Как только его назначили членом комиссии труда и обмена, Франкель обратился с письмом к Марксу, советуясь с ним о том, какие социальные мероприятия надо осуществить в первую очередь. В лице Франкеля Елизавета Дмитриева нашла надежного сторонника всех начинаний, за которые брался Союз женщин.

Для связи с правительством Коммуны Союз женщин учредил исполнительную комиссию. Она должна была помогать Коммуне в управлении «госпиталями, кухнями, баррикадами» и во всех других революционных мероприятиях. С этой же целью Дмитриевой представлялось необходимым объединить женщин в профсоюзы. Профессиональными союзами занимался Лео Франкель. Однако широко развернуть эту деятельность ему не удавалось. Трудность заключалась в том, что значительная часть парижских рабочих состояла тогда в национальной гвардии и обороняла Париж. Идея устройства женских профсоюзов имела больше шансов на успех. Бенуа Малон говорил, что эти организации должны были создать точку опоры для освобождения женщин и пропагандировать социальные идеи Интернационала.

На многолюдном собрании парижских работниц, созванном Союзом женщин, присутствующие избрали делегаток в профсоюзные комитеты и одновременно в профсоюзный центр — Федеральную камеру Пари-

жа. Впервые в истории женское движение приобретало такую организованность, единство и ясно выраженную политическую направленность. С помощью профсоюзов Елизавета Лукинична полагала решить одну из важнейших задач революции: обеспечить работой всех женщин и добиться улучшения условий их труда. Союз женщин провел собрание квалифицированных работниц Парижа и держал с ними совет о том, как скорее реализовать намеченную программу.

Вступая в свой союз, коммунарки платили небольшие членские взносы. Этих скромных денег хватало лишь на самые мелкие нужды организации. Поскольку союз наметил программу широкого привлечения женщин в общественное производство, ему потребовались значительные средства. Их можно было получить только в Национальном банке.

— Объясните же комиссии финансов, что эти ассигнования нам совершенно необходимы,— настаивала Дмитриева, обращаясь к Франкелю.— Семьи парижан бедствуют. На 30 су, которые получает национальный гвардеец, прокормить жену и детей невозможно. Женщины ищут работу, и для этого надо открыть новые мастерские. Но мастерские важны не только для обеспечения работой. Пролетарки должны чувствовать себя единой семьей Коммуны, а одними собраниями этого не достигнуть. Только общественный труд по-настоящему объединяет и сплачивает людей,— этому учит нас Маркс.

Франкель понимал всю серьезность проб-

лемы. Он был убежден, что мастерские следует создавать, и во что бы то ни стало. Однако в руководстве Коммуны многие боялись посягать на сокровища банка, считали, что это подорвет доверие к Коммуне мелкой буржуазии. Комиссия финансов так ни разу и не решилась выдать Коммуне необходимые крупные суммы. На заседаниях комиссии обсуждали расход чуть ли не каждого франка, а между тем миллионы бесконтрольно изымались из банка вкладчиками и переправлялись в Версаль, расходовались на вооружение буржуазной армии.

— Журд и Белэ дрожат над каждой монетой,— возмущался Франкель руководящими членами комиссии финансов.— Белэ мерещится, что Коммуна нарушит кредит и обмен товаров. Журд ходит обедать в дешевое кафе, а его жена сама стирает белье... Мир может удивляться их личному бескорыстию! Однако интересы Коммуны требуют не только честности каждого революционера. Но попробуйте переубедить наших финансистов!

Все же Франкель предпринял еще одну попытку настоять на срочных мерах в пользу трудящихся. 6 мая на заседании Коммуны слушался вопрос о ликвидации ломбарда. Франкель выступил с критикой комиссии финансов. Сохранилась следующая протокольная запись:

«Гражданин Франкель: «Слушая делегата финансов, заявившего, что мы можем располагать суммой в 8—10 миллионов для выкупа закладов, я задал себе вопрос, не сделаем ли мы гораздо больше, доставляя

работу женщинам... Если вы не предоставите работы, вы только на короткое время измените положение... Через две недели нищета будет та же... Я полагаю, что лучше предоставить женщинам работу» [13].

Однако после заседания ничего не изменилось. Коммуна могла использовать только ничтожную часть той суммы, которая требовалась ей целиком и безотлагательно! Неудивительно, что время шло, а количество мастерских росло крайне медленно. Очевидно, не без влияния Союза женщин забили тревогу секции Интернационала. Они адресовали правительству Коммуны следующее послание: «Принимая во внимание, что одной из главных целей социализма является равномерное распределение работы между всеми гражданами и гражданками, что социализм должен навсегда уничтожить монополии и эксплуатацию... нельзя заставлять гражданок ждать понапрасну». Парижские секции Интернационала потребовали «в кратчайший срок равномерно распределить работу между комитетами различных округов Парижа» [14].

Общаясь с рядовыми коммунарами, Дмитриева нередко слышала от них критику Коммуны за ее медлительность и непоследовательность. Сколько времени тратилось революционной властью на споры и сколько раз решение важных вопросов откладывалось! Кто был в этом виноват? Франкель показал Дмитриевой письмо, полученное от Маркса, в котором прямо указывалось, что столкновение личностей в Коммуне отражает существование в ней различных классо-

вых интересов. «Видно,— писал Маркс,— что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния», поэтому Коммуна тратит «слишком много времени на мелочи и личные счеты»[15]. Карл Маркс призывал руководителей Коммуны не медлить с осуществлением главных мероприятий, сосредоточить на них все усилия, поскольку реакция все более заметно набирала силу.

Пролетарское «чутье» парижских масс помогало Союзу женщин проявлять революционную бдительность. Особенно смело и инициативно выступали женщины десятого округа Парижа, где располагался Центральный комитет их организации. В мэрии округа часто проходили собрания работниц. Здесь постоянно видели Елизавету Дмитриеву. Давая впоследствии показания перед версальским судом, консьержка мэрии говорила, что Дмитриева имела в округе большое влияние[16]. Там же было создано «Общество единения работниц», и на предприятиях развернулась упорная борьба с засильем предпринимателей. Когда владельцы тамошних мастерских понизили плату за пошив обмундирования, женщины выступили против хозяев организованно и решительно. Пора положить этому конец, писали портнихи в революционную газету «Мститель». Пора навсегда сбросить постылое иго тиранов и смелыми усилиями добиться справедливой оплаты и свободы труда. Если прежняя оплата не будет восстановлена, заявляли женщины, они откроют кооперативную мастерскую и обойдутся без капиталистов.

По примеру швей десятого округа забастовали работницы кухонь-столовых одиннадцатого округа. Причина была та же — снижение расценок. Голоса пролетарок звучали все увереннее:

— Разве мы хуже мужчин? Посмотрите на пекарей! Их эксплуатировали больше всех, они работали по ночам. А теперь? Теперь Коммуна запретила хозяевам устраивать ночную смену.

— Верно! Надо действовать настойчивее! Хватит церемониться с хозяевами. Долой эксплуататоров!

Елизавета Лукинична была уверена, что Коммуна прислушается к справедливым требованиям женщин. Можно было также рассчитывать, что Франкель их поддержит. Он говорил членам Коммуны: «Я получил только один мандат — защищать пролетариат и, если какая-либо мера справедлива, я принимаю и провожу ее, не думая о том, чтобы советоваться с хозяевами» [17].

16 апреля Коммуна утвердила декрет о передаче в руки рабочих мастерских, брошенных хозяевами, бежавшими в Версаль. Рабочие взялись собственными силами пустить в ход бездействующие предприятия. Это был настоящий удар по капиталистической системе.

Пролетарки Парижа также начинали добиваться заметных успехов. Известный деятель Коммуны Эли Реклю записал в своем дневнике: «Влияние женщин из народа чувствуется в правительстве» [18]. Это влияние проявилось прежде всего в том, что Коммуна назначила пенсии вдовам и сиротам на-

циональных гвардейцев, ввела пособия для одиноких женщин, взяла под свою опеку больницы и приюты, заменив там монахинь гражданками, преданными революции. Коммуна ввела бесплатное обучение, провозгласила равное право мужчин и женщин на образование, повысила зарплату учительницам, уравняла их в правах с учителями-мужчинами...

К всеобщей радости рабочих и работниц Коммуна начинала наводить порядок в оплате труда. Лео Франкель, Бенуа Малон и Огюст Серрайе на заседании Коммуны выразили единое мнение: с произволом частных предпринимателей пора покончить. «Ко мне приходили секретари различных рабочих ассоциаций и спрашивали, нет ли возможности отказаться от сданных подрядов,— докладывал Малон на заседании Коммуны.— Сейчас платят... меньше чем правительство 4 сентября... * Такое положение не может продолжаться». Об этом же говорил и Франкель: «Эксплуататоры пользуются народной нищетой для снижения заработной платы... А трудящийся находится на укреплениях, он идет на смерть, чтобы не подвергаться более этой самой эксплуатации!» Франкеля дополнил Серрайе: «Мы просим пересмотра заключенных договоров... Мы хотим воспрепятствовать эксплуатации рабочего класса, учредив контрольную комиссию» [19].

Елизавета Лукинична не часто виделась

* Буржуазное правительство Франции, которое пришло к власти 4 сентября 1870 года, после падения империи.

со своими друзьями, занятыми многочисленными делами Коммуны. Каждый из них был загружен поручениями с утра до поздней ночи и буквально не имел ни минуты свободного времени. Заседания Коммуны, работа в комиссиях, в мэриях, рейды по укрепленным позициям Парижа заполняли все их время. Но о решениях Коммуны всегда подробно писала революционная пресса. Внимательно изучать газеты Елизавета Лукинична привыкла еще будучи в Женеве. В Лондоне она не раз видела, как Маркс постигал суть явлений даже через искаженную информацию буржуазной прессы. Конечно, ей далеко было до его таланта — предсказывать ход событий. Но в водовороте неотложных дел и забот газеты помогали ей ориентироваться в главных проблемах.

Вот в «Журналь офисьель» всего несколько строчек: принят декрет об обязательном минимуме зарплаты. Предприниматели не смогут теперь платить меньше, чем требует Коммуна. На эту новость надо обратить внимание местных комитетов Союза женщин, надо объяснить работницам важность принятого решения. Прежде всего решение касается мастерских, где шьют обмундирование для национальной гвардии. В этих мастерских заняты тысячи парижанок. Она расскажет о значении декрета на ближайшем собрании в женском клубе. Что касается аудитории, то сомневаться не приходилось,— соберутся десятки, сотни пролетарок.

Активность женщин, вдохновленных заботой о них Коммуны, росла на глазах.

Уже не хватало помещений, чтобы вместить всех, кто жаждал участвовать в решении наболевших проблем. Женщины, однако, не растерялись:

— А чем не годятся для собраний церкви? Коммуна отделила церковь от государства * — значит, наше право отделить себя от церкви. Пусть святые отцы служат молебны днем, а вечером коммунарки будут приходить, чтобы слушать ораторов революции.

Эту идею начали быстро воплощать в жизнь. «Каждый вечер в десяти или двенадцати церквях Парижа звучали мощные гимны свободе»,— писала Луиза Мишель. Алтари превращали в трибуну, колонны украшали красной материей, на органе исполняли «Марсельезу». С церковных кафедр произносились зажигательные речи — от гражданок Коммуны доставалось попам и монахам, Тьеру и его министрам, буржуям и продажной прессе [20]. Но главное, эти самодеятельные форумы общественного мнения побуждали Коммуну к действию, придавали ей энергии в борьбе с реакцией, в наступлении на капитал.

Очевидцы таких дискуссий запечатлели образ вдохновенной ораторши. В нем легко заметить сходство с Елизаветой Дмитриевой. Английский журнал «Грэфик», выходивший во время Коммуны, поместил иллюстрацию одного из женских собраний, происходившего в помещении какой-то

* 2 апреля 1871 года Коммуна приняла декрет об отделении церкви от государства и упразднении бюджета культов.

церкви. Видно, что многие женщины выглядят устало, наверное, пришли после работы, но они внимательно слушают интеллигентного вида представительницу Коммуны. Заняв место прямо на церковной кафедре, она выступает горячо, темпераментно. Не нашу ли героиню изобразил неизвестный художник?

Сохранилось и другое, словесное описание, напоминающее образ Дмитриевой. В клубе церкви святой Троицы, рассказывал английский журналист Филибер Одебран, апрельским вечером собралась довольно разношерстная публика: пожилые работницы и молодые мамаши с грудными детьми, вездесущие парижские гамены — юркие, как кошки, и отважные, как львы... Одни громко разговаривали, другие что-то жевали, некоторые курили. Но вот все стихло. Появилась председательница, лет двадцати пяти, красивая. Широкий красный шарф украшал ее платье, виднелись два пистолета, укрепленные на поясе. Когда она заговорила, по акценту нетрудно было угадать в ней иностранку. «Завтра вы станете полноправными хозяйками своей судьбы,— говорила ораторша, обращаясь к женщинам.— Мастерские перейдут в ваши руки, орудия производства, которыми вы пользуетесь, будут вашей собственностью, прибыль, получаемую за счет общих усилий... будут распределять между вами. Пролетарии, вы возродитесь к новой жизни!»[21]

В первые апрельские дни Елизавета Дмитриева занималась разработкой важного декрета. Он касался устройства жен-

ских производственных объединений, как их тогда называли — ассоциаций. Отныне Коммуна могла поручать свои заказы этим организациям, помогая им льготными займами. Тогда как на частных предприятиях рабочий день продолжался 16 часов и более, в мастерских Коммуны предусматривалось сокращение рабочего дня женщин и гарантировалась равная с мужчинами оплата труда.

О своей деятельности в этот период Дмитриева сообщала в Генеральный совет Интернационала, как всегда, кратко: «Приходится выступать каждый вечер, много писать... Наши собрания посещает от трех до четырех тысяч женщин»[22]. Собрания и заседания клубов действительно следовали одно за другим: 23 апреля — в мэрии Пасси, 25 апреля — в клубе «Нотр-Дам де ля Круа», 30 апреля — в клубе третьего округа, 7 мая — в церкви Сен-Жермен, 10 мая — в клубе восемнадцатого округа, 11 мая — в клубе Амбруаз, 12 мая — в «передвижном» клубе, 14 мая — в церкви Сент-Эсташ, 15 мая — в церкви Сен-Николя де Шан, 16 мая — в мэрии десятого округа, 18 мая — в церкви святой Маргариты, 19 мая — в церкви Сен-Северен... И сколько не упомянуто здесь других, на которых присутствовала и выступала Елизавета Лукинична Дмитриева!

Парижане были готовы слушать ее часами. Кто же научил ее говорить так увлекательно? Конечно, был природный ораторский дар. Она развивала его в Женеве и постепенно обрела умение рассказывать просто о сложном. Но ей не удалось бы стать

пламенным пропагандистом и агитатором Коммуны без овладения основами марксизма. Знакомство с идеями Маркса дало ей твердую уверенность в победе трудового народа. Вот что позволяло ей сочетать темпераментность речи, увлеченность с убедительностью доводов и точно отражать настроения и чаяния пролетарок.

Как и другим деятелям Коммуны, ей приходилось вести работу в сложных условиях. Версальские шпионы и наемные агенты буржуазии делали свое черное дело. Они старались подорвать доверие к Коммуне, сеяли ложные слухи, клеветали на преданных революции борцов. Трудно было угадать, из-за какого угла последует очередной предательский удар. Вдруг оказывалось: враги внушили парижанам, будто в городе кончаются запасы продуктов. И какое напряжение сил требовалось тогда, чтобы успокоить взволнованных домохозяек! А сколько раз, когда на подступах к Парижу шли бои, контрреволюционеры прочили Коммуне близкий конец, печатали сообщения об отступлениях батальонов национальной гвардии, о падении то одного, то другого форта! Сколько лжи и клеветы распространяли враги Коммуны о ее преданных руководителях! Даже Огюст Серрайе был вынужден просить Маркса прислать оправдательные документы. О кристально честном Вермореле, журналисте Коммуны, распустили слух, будто при империи он служил агентом полиции. Специальной комиссии пришлось восстанавливать его доброе имя. Враги Коммуны ополчились и против Вик-

тора Жаклара, начальника легиона национальной гвардии. Их не останавливало, что преданность Коммуне Жаклар не раз доказывал, рискуя в бою своей жизнью.

Но особенно доставалось от клеветников иностранным участникам Коммуны. Клеветой на польских, бельгийских, итальянских, швейцарских и других приверженцев Коммуны реакционеры стремились подорвать международное единство рабочих, лишить Коммуну интернациональной поддержки. Они не оставили незамеченной и Елизавету Дмитриеву: говорили, что она — княжна, племянница известного поэта Александра Пушкина и что она явилась в Париж свести какие-то личные счеты. Обыватели могли поверить этому, так как по другую сторону баррикад, в «партии порядка», против Коммуны интриговал убийца Пушкина барон Дантес. Вот с ним-то, дескать, и приехала расправиться эта «красная Элизабет», которой якобы никакого дела нет до Коммуны. Когда эта выдумка не сработала, злые языки пустили в ход другую версию: не может быть, чтобы такая интересная особа всерьез занималась политикой! Просто ей хочется покрасоваться, сделаться парижской известностью.

Строили разные предположения о ее симпатиях и увлечениях. Правда же о ее личной жизни заключалась в том, что перед лицом революции все личное отступало у нее на второй план. Только одно стремление руководило ею во время Коммуны: во имя торжества революции снискать доверие коммунаров, суметь повести за собой работниц

Парижа. Со всем нетерпением молодости ей хотелось добиться успеха, хотелось, чтобы друзья верили в нее, гордились ею.

Самое досадное заключалось в том, что в руководстве Коммуны многие не придавали серьезного значения деятельности Дмитриевой и не поняли всей важности революционного женского движения. Высказывали соображения, будто женский труд допустим лишь как временная мера, как крайний выход из чрезвычайно трудного положения. Еще до Коммуны существовало мнение, что участие женщин в общественном производстве ведет к «истощению» нации. Эти взгляды были особенно популярны в среде мелкой буржуазии и ее идеологов.

Разве понять этим «мудрецам», преклоняющимся перед частной собственностью, что труд — не «проклятье века», что при новых условиях он всем будет в радость, и мужчинам, и женщинам, думала Елизавета Лукинична. Посмотрели бы эти теоретики на тех, кто работает в мастерских Коммуны. Таких предприятий пока немного, но именно они-то и есть прообраз будущего. Вместе с новыми условиями меняется и расцветает сам человек!

Факты убеждали в этом лучше всяких слов. В мастерских, где женщины выполняли заказы Коммуны, бывали делегации от мэрий, интересовались, хорошо ли идет дело, довольны ли работницы. В одной из мастерских женщины шили мешки. На укреплениях Парижа эти мешки наполняли землей и использовали при заделке брешей. Не очень-то привлекательная работа — целый день

строчить швы. Но как радостно трудились коммунарки! В минуты отдыха женщины пели задорные песни — про злобных буржуа, про жирных «рясников», которые скоро уберутся прочь из Парижа, ведь Коммуна упразднила их надежную кормушку — «бюджет культов».

Работницы были в курсе всех начинаний Коммуны. Они вскладчину покупали свежие газеты, и грамотные швеи по очереди читали последние новости. Особенно нравился женщинам зоркий, дерзкий и добрейший «Папаша Дюшен». Эта газета говорила с ними простым и ироничным народным языком, в ее изложении любая проблема обретала ясность и каждое мероприятие Коммуны заслуживало объективную оценку.

Ежедневно после смены швеи получали денежное вознаграждение. Зарабатывали они в четыре раза больше, чем раньше за ту же работу платил им частный предприниматель. Прогулов и опозданий в мастерских не случалось. «Разве можно подводить Коммуну,— говорили работницы,— ведь она нам как родная мать, дороже ее у нас ничего нет!»

Глядя на счастливых тружениц, Елизавета Лукинична невольно думала о России, о лучшем представителе ее революционно-демократических сил — Николае Гавриловиче Чернышевском. То, что видела она теперь в Париже, в чем участвовала сама, не ожившие ли это мечты Чернышевского? Не осуществление ли того, что он завещал в романе «Что делать?» будущим поколени-

ям борцов? Своим французским друзьям Елизавета Лукинична часто рассказывала о Чернышевском, о том, как вдохновлял он молодое поколение на служение народу. Все, что она говорила о нем, оказывалось близким и понятным ее слушателям. Их сердца были чутки и отзывчивы. Они стремились к недоступным раньше вершинам — к политике, к образованию, к искусству. Елизавета Лукинична считала полезным издать во Франции труды Чернышевского и надеялась, что придет время, когда и в России он перестанет быть запрещенным писателем.

Рассказы Дмитриевой о Чернышевском заинтересованно слушала Андре Лео, социалистка, известная французская писательница *.

К романам Андре Лео внимание русских читателей привлек критик Д. И. Писарев. Русская демократическая молодежь, и, очевидно, наша героиня в том числе, уважали Лео за сочувствие простым людям, за высокую оценку их будничного труда, за выступления в поддержку женской эмансипации. Еще до победы Коммуны Лео вела работу среди парижанок. С ней была связана и петербургская группа женского освободительного движения. Лео переписывалась также с дочерью декабриста Ива-

* Много лет спустя, когда издатель трудов Чернышевского Тверитинов подыскивал сотрудников для перевода на французский язык романа «Что делать?», ему указали на Андре Лео и Бенуа Малона. Они горячо принялись за работу, но, к сожалению, не сумели довести ее до конца.

шева — Марией Васильевной Трубниковой.

... Писатели, оставшиеся в Париже, не создали за период Коммуны ни повестей, ни романов, ни пьес. Они посвятили себя газетной публицистике, потому что именно она давала возможность поддерживать революцию активно и быть в самом тесном союзе с массами. Андре Лео издавала газету «Социальная революция». Елизавета Лукинична, однако, не всегда доверяла Лео и не во всем была согласна с ней. Она помнила, что, будучи в Женеве, Лео вращалась в среде бакунистов. Кроме того, Дмитриеву не могла не насторожить позиция газеты, издаваемой Андре Лео. В ней интересы рабочих противопоставлялись интересам других слоев трудящегося населения. В одной из статей, например, утверждалось, что «буржуа и крестьянин уже завоевали себе права», поэтому теперь «социальная революция произойдет не к выгоде буржуазии или крестьянства».

Разве не известно Лео, недоумевала Елизавета Лукинична, что Версаль и без того наводнил провинцию нелепыми слухами о Коммуне! Крестьянам внушают, будто Коммуна отнимет у них скот, землю и даже дома. Крестьяне, лишенные другой информации, этому верят. Они считают, что если Коммуна победит, то война с Пруссией возобновится, а новая мобилизация означала бы разорение массы бедняцких хозяйств. Как же могло случиться, что Лео поставила крестьян на одну доску с буржуа? Разумеется, крестьянство нелегко привлечь на сторону Коммуны. Но было бы странно не по-

пытаться это сделать. В России на пути революционных идей стоит всевластное самодержавие, а здесь, во Франции, революция уже начала свое победное шествие, и в поддержку Коммуны выступили крупные города.

Дмитриеву, конечно, не случайно волновало отношение к французскому крестьянству. Воспитанная на традициях русского революционного демократизма с его пристальным вниманием к судьбам деревни, в общении с Карлом Марксом она убедилась, что развитие пролетарского движения не снимает с повестки дня крестьянский вопрос, наоборот, создает почву для его последовательного и наиболее демократического решения. Еще до Парижской Коммуны в «Народном деле» русские последователи Маркса высказывали предположение, что «революция во Франции будет произведена не только передовым городским пролетариатом, но и сельским, потому что иначе она была бы непрочной и повела бы к гражданской войне и снова к империи»[23].

«Народное дело» знакомило также читателей с решениями Брюссельского конгресса Интернационала, в которых провозглашалась необходимость сделать землю общенародным достоянием и передать земельные участки товариществам для совместной обработки.

С первых дней революции Маркс настаивал на необходимости вовлечения в движение жителей французской провинции. Огюст Серрайе просил его помочь Коммуне «про-

вести мероприятия в пользу деревни», потому что, по его мнению, революционному правительству при обилии дел трудно справиться с этой задачей. Маркс в то время заканчивал работу над Воззванием Генерального совета, посвященным парижской революции, и коммунары могли рассчитывать, что в этом документе он обратится к крестьянам, покажет общность их интересов с интересами пролетариата. Коммуна ликвидировала постоянную армию, создала самое «дешевое» в мире правительство, ввела ограничение на высокие оклады... Разве от этого не оказались в выигрыше массы трудового крестьянства?! На это Маркс обращал внимание в Воззвании.

В марте во многих крупных городах Франции вспыхнули восстания. В Лионе, Сент-Этьене, Крезо, Тулузе, Нарбонне, Марселе, Лиможе власть перешла в руки народа. Надеясь на развитие этого движения, Парижская Коммуна не торопилась агитировать крестьян. Она ни разу не поставила на обсуждение вопрос о связи с деревней. Дмитриева и Серрайе тщетно торопили Коммуну. Только в середине апреля, когда революционные выступления в городах одно за другим потерпели поражение, коммунары остро почувствовали отсутствие поддержки деревни. Даже Андре Лео под влиянием Малона взялась подготовить текст обращения к крестьянам. Лео адресовалась ко всем, кто «сеет, жнет и трудится в поте лица своего», к поденщику, к мелкому арендатору, бедному фермеру.

«Брат, тебя обманывают,—писала Лео.—

У нас одни интересы. То, чего требую я, будет и твоим освобождением... Разве не безразлично, как называется эксплуататор: богатый землевладелец или промышленник?.. Богаты лишь тунеядцы. Вот почему Париж, о котором ты судишь со слов людей, в чьих интересах обманывать тебя, волнуется, протестует, восстает и требует изменить законы, дающие богачам всю власть над трудящимися. Девиз Коммуны — «Земля — крестьянам, орудия труда — рабочим, работа — для всех!» [24].

Коммунары надеялись на успех этого обращения. Его напечатали в ста тысячах экземпляров. «Эти слова будут услышаны»,— считала Андре Лео. Однако у Елизаветы Дмитриевой документ вызвал сомнение: слишком много в нем пафоса, а крестьяне не любят громких слов, у них давнее недоверие к фразам! Но главное, в обращении слишком неопределенны рассуждения о разделе земли и ничего не сказано, как Коммуна поступит относительно крестьянских долгов. Прав был Серрайе, настаивая, чтобы Коммуна полностью и немедленно ликвидировала задолженность крестьян. В письме к Марксу Серрайе просил его составить проект соответствующего документа. Может быть, Коммуна примет тогда решение, и симпатии деревни обратятся к Парижу. Коммуна освободила трудящихся от различных поборов, возложила уплату контрибуции на виновников войны, заставила богачей платить налоги — такие меры крестьяне могли только приветствовать. Действительно, это были весомые аргументы в пользу союза.

Елизавета Лукинична верила и не верила в благополучный исход борьбы с реакцией. Слишком много сделано ошибок, слишком много упущено времени. «Вы знаете, что я пессимистка и вижу все в мрачном свете»[25],— признается она в письме, предназначенном Марксу. Елизавета Лукинична старается отогнать от себя грустные мысли. Пессимизм не должен мешать действовать. Ни ей, ни другим! Меньше всего она могла бы понять и простить тех, кто опускает руки, кто работает вполсилы, зная, что шансов у Коммуны осталось немного. Но в то же время разве можно поддаваться иллюзиям? У заблуждений и ошибок слишком дорогая цена! Это оборачивается трагедией для десятков тысяч людей, доверивших себя Коммуне.

В эти критические дни Дмитриева все чаще думала о своих товарищах по Интернационалу. Что делают они в пользу Коммуны? «Как вы можете оставаться там в бездействии в то время, как Париж на краю гибели? — спрашивала она в своем письме руководство Интернационала.— Необходимо во что бы то ни стало агитировать в провинции, чтобы она пришла нам на помощь... Мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными»[26]. Трудно не увидеть в этих строках влияние тех идей, которые она почерпнула во время бесед с Марксом и его друзьями.

Вслед за Елизаветой Дмитриевой Лео Франкель адресовал письмо Марксу, выражая уверенность, что Интернационал сделает «все возможное, чтобы разъяснить

всем народам, всем рабочим, и в особенности немецким», значение Коммуны.

Интернационал между тем не бездействовал: газеты доносили до Парижа приветствия из Англии и Германии, Бельгии и Италии, Швейцарии и Америки...

Пролетариат в лице его передовых представителей солидаризировался с идеями Коммуны. Но он был еще слишком слабо организован, чтобы последовать ее примеру. Дмитриева напрасно пыталась убедить себя и товарищей, что все страны, в том числе и Германия, находятся накануне социальной революции. Вскоре и ей пришлось понять, что дело обстоит далеко не так, как ей казалось вначале.

Как хотелось бы Елизавете Лукиничне встретиться в эти дни с друзьями — с отважным и веселым Антоном Трусовым, рассудительным Утиным, его милой женой Натали... Ей было понятно, что удерживало их вдали от Парижа. Каждый из них принесет Коммуне больше пользы, оставаясь на своем посту. Дело Интернационала «скорее проиграло бы, чем выиграло, если бы все головы были снесены одним ударом вандейцев Тьера и К°...»[27] — так объяснял Утин свою позицию. Точно так же думала и Дмитриева, когда писала в Лондон, передавая привет дочери Маркса: «Если бы положение Парижа не было столь критическим, я очень хотела бы, чтобы Женни была здесь».

Елизавета Лукинична вспоминала о друзьях всегда, когда выдавались редкие минуты отдыха, когда поздно вечером возвращалась домой по набережной Сены. Как

спокойно течет река, будто вокруг нет ничего волнующего, думала она. Неужели наступит время, когда можно будет любоваться Парижем, не прислушиваясь к приближающейся канонаде, не видя слез вдов и сирот. Угнетает ее и то, что уже давно она не имеет известий о своем муже, не знает даже, жив ли он. Может быть, родные писали ей в Лондон или Женеву. Но оттуда тоже не получала она никаких новостей. Не давала о себе знать парижским друзьям и Женни, дочь Маркса. Хотя всеми своими мыслями она была в революционном, сражающемся Париже. Позднее, в дни гибели Коммуны, она так объясняла свое состояние немецким друзьям: «Простите мое молчание... Я должна признаться, однако, что у меня не было достаточной энергии для писанья: меня покинуло мужество. Я не могу перенести необходимости спокойно сидеть на месте в то время, как храбрейших и лучших уничтожают по приказу этого кровожадного клоуна Тьера»[28]. В апреле вместе с сестрой Элеонорой Женни Маркс приехала к Лауре и Полю Лафаргам в Бордо, чтобы быть ближе к революционной столице.

Думая о своих ближайших друзьях, Елизавета Лукинична не знала, что, не получая от нее сведений, все они беспокоились о ней и были готовы на все, чтобы оказать ей помощь. Утин писал в эти дни Марксу: «Я позволяю себе обратиться непосредственно к Вам, чтобы узнать, нет ли у Вас сведений о нашем молодом и драгоценном друге г-же Элизе Томановской? С тех пор, как три недели тому назад, она написала мне несколь-

ко строк о своем намерении поехать с Юнгом на две недели в Париж, я не имею от нее никаких сведений... Я был бы Вам безгранично признателен, если бы Вы могли сообщить мне какие-либо сведения о судьбе нашего друга. Вы были так добры и так тепло относились к ней, поэтому мне нет надобности скрывать от Вас, что мы очень опасаемся, как бы отвага и энтузиазм Томановской не привели ее к гибели, а эта утрата была бы исключительно прискорбной... Ведь нас и без того очень мало, чтобы в нужный момент послужить общему делу в России!» [29].

Елизавета Лукинична понимала, что письма в Париж не доходят, но все же надеялась узнать что-нибудь о друзьях. И вот долгожданная радость: в «Официальной газете» Коммуны напечатано приветствие, присланное от рабочих Женевы. Вместе с представителями рабочих его подписали Николай Утин и Антон Трусов. «Ваше дело не погибнет,— вдохновляли они коммунаров,— ибо это дело международного освобождения рабочих. Мы выполним свой долг, всегда и всюду добиваясь тех же целей, продолжая всегда и всюду ту же борьбу, которую возглавляете вы» [30].

Это были не только слова. Посланец Коммуны, вернувшийся из Женевы, рассказывал, что интернационалисты делают все возможное, чтобы настроить французскую провинцию в пользу Коммуны. Утин, Трусов и другие члены Русской секции наладили выпуск прокламаций о Коммуне и доставляли их в Лион, Марсель, Сент-Этьен и дру-

гие города Франции. В Женеве формировались батальоны добровольцев.

Но эти усилия оказались недостаточны, положение Коммуны продолжало оставаться критическим. В моменты горестного осознания близкого ее конца Дмитриева черпала силы у рядовых коммунаров. В самые трудные минуты они не унывали. Революция стала для них радостью, вдохновением, смыслом всей жизни. Тревога и разочарование не уживались рядом с жаждой обновления и неиссякаемым энтузиазмом, которые наполняли их сердца. Париж в едином порыве готов был подняться на баррикады и сражаться до последней капли крови. 9 мая на заседании Генерального совета Интернационала Ф. Энгельс говорил, что сражение на улицах города неизбежно и борьба будет такая, какой история еще не знала.

В эти дни для Елизаветы Дмитриевой главной заботой стало превращение Союза женщин в боевую организацию революционной армии Коммуны.

«Исходом происходящей сейчас борьбы может быть только торжество народного дела... Париж не отступит, ибо он несет в своих руках знамя будущего. Пробил решительный час... Глубоко убежденные в том, что Коммуна, являющаяся представительницей международных и революционных принципов, несет в себе зародыш социальной революции, женщины Парижа докажут Франции и всему миру, что они также сумеют в час крайней опасности — на баррикадах и у крепостных стен Парижа, если реакция прорвется в город,— отдать, как и их

братья, свою кровь и жизнь для защиты и победы Коммуны»[31] — с такими словами обращалась в те дни Елизавета Дмитриева к пролетаркам революционной столицы.

На линию укреплений ежедневно отправлялись представители правительства Коммуны. Положение складывалось угрожающее. Это ни для кого не являлось секретом. Парижской Коммуне катастрофически не везло с военным руководством. Военачальников приходилось сменять одного за другим. За короткий срок трудно было создать армию нового типа, такую, чтобы она отличалась не только преданностью пролетарской революции, но и хорошей выучкой. В марте войска Коммуны оказались под началом генерала Клюзере. Елизавета Лукинична знала, что Карл Маркс отзывался о нем нелестно. Для этого были самые серьезные основания: за год до Коммуны он «прославился» вместе с Бакуниным в Лионе, пытаясь поднять неподготовленное восстание. Коммунары рассказывали о Клюзере анекдоты. Друг Малона по Интернационалу Гюстав Лефрансе говорил:

— Черт возьми! Нужно признать, что у Клюзере замечательная способность ко сну! Всю ночь форты Ванв и Исси производили адский грохот, весь Париж пришел в смятение. Мы сломя голову прибежали в ратушу. Но Клюзере там никто не видел. Ищем его в военном министерстве. Тщетно! Исчез, словно сквозь землю провалился. Говорят, проспал всю ночь в полицейской префектуре. Конечно же там самое тихое место в Париже![32]

Андре Лео возмущалась:

— У ворот Майо батальон провел в непрерывных боях три дня, а национальные гвардейцы получали только сухой паек. Куда смотрит генерал Клюзере? Надо заставить его немедленно открыть запись женщин в отряды вооруженного действия,— требовала Лео.

Когда в Коммуне обсуждался вопрос о назначении Клюзере военачальником, ни Серрайе, ни Дмитриевой не удалось отклонить его кандидатуру. «Теперь Малон уже рвет на себе волосы,— писала Дмитриева Марксу.— На днях Клюзере будет арестован» [33].

Союз женщин, не дождавшись поддержки от Клюзере, сам организовал запись гражданок для работы в госпиталях, обслуживания походных кухонь и строительства баррикад. Членские взносы ЦК Союза женщин стал передавать госпиталям и пунктам общественного питания. Из фонда ЦК выделили средства на покупку оружия. Его решено было раздать добровольцам. Работницы Монмартра первыми заявили, что готовы сражаться за дело Коммуны. На Монмартре отряды женщин организовала Анна Жаклар — Анна Васильевна Корвин-Круковская. В Петербурге, на Васильевском острове, Дмитриева была ее соседкой, рядом они оказались и в революционном Париже. Высокая, стройная, белокурая, с прекрасным цветом лица, Анна Васильевна была настоящая красавица. Парижанам она казалась воплощением очарования, доброты и рассудительности. В дни Коммуны она — секре-

тарь Комитета бдительности, вместе с Андре Лео сотрудничала в газете и одновременно работала в госпитале. При ее участии Комитет бдительности Монмартра принял важное политическое решение — устранить из госпиталей сестер-монахинь, которых реакция настраивала против Коммуны. Анна Васильевна лично добивалась проведения этого решения в жизнь. Она содействовала воспитанию политической бдительности коммунарок. Гражданки Монмартра в те дни писали в революционную газету «Клич народа»: «Наивен тот, кто считает себя стоящим вне борьбы, преступен тот, кто хочет быть нейтральным» [34].

В апреле к Анне Васильевне приехала сестра, уже известный в то время математик — Софья Васильевна Ковалевская. Приехала не одна, с мужем. Почти чудом им удалось благополучно миновать немецкие кордоны. Ковалевские встретились, как пишет Софья Васильевна, «с несколькими молодыми девушками прежнего круга в Петербурге». Возможно, она имела в виду и Елизавету Дмитриеву. Целый месяц Ковалевские разделяли с восставшими все тяготы их бытия. Вместе с Анной Софья Васильевна ухаживала в госпитале за ранеными. Во время обстрела сестры не уходили в укрытие. Причастность к великому моменту истории придавала им силу и смелость. Это неповторимое ощущение радости, гордости, отваги они запомнили на всю жизнь.

В мае 1871 года отряды вооруженных женщин патрулировали по улицам Парижа, выявляя шпионов и дезертиров. Рота граж-

данок-добровольцев отправилась на передовую и сражалась там поистине героически. Горе было тому, кто в присутствии коммунарок проявлял трусость: они срывали с малодушных знаки воинского отличия, обезоруживали и с позором отправляли в тюрьму. С присутствием в армии коммунарок контрреволюционеры вынуждены были считаться. Русский посол в Париже сообщал царю об опасениях Тьера: «Хотя армия (версальцев.— *Авт.*) в настоящую минуту хорошо построена и о новых изменах не слышно, однако, мы спрашиваем себя, будет ли дело обстоять точно так же в тот день, когда войска войдут в Париж и окажутся лицом к лицу не только с вооруженными повстанцами, но со всем населением, среди которого будет много женщин, не захотят ли они, как и 18 марта, побрататься с народом» [35].

В ЦК Союза женщин Елизавета Дмитриева формировала отряды амазонок. Многие из них сражались на участке, вверенном Ярославу Домбровскому. Было время, когда Домбровский отказывался принимать женщин в свои батальоны. Но парижанки настояли на своем, и Домбровский убедился, что был не прав. Под его началом служила русская гражданка — Анна Теофиловна Пустовойтова.

Известная революционерка, она из-за преследований царской жандармерии эмигрировала: сначала в Румынию, затем в Австрию и Швейцарию. С 1870 года жила во Франции. Во время Коммуны работала в военном госпитале и участвовала в баррикад-

ных сражениях. Впоследствии Анна Теофиловна жила в Париже и участвовала в рабочем движении.

Популярность Домбровского в Коммуне росла. Елизавета Лукинична знала, что слава его заслужена. Он был замечательным командиром и душевным человеком. Солдаты уважали его за смелость, хладнокровие и простоту. Во главе с Домбровским коммунары в течение месяца удерживали в своих руках пригород Парижа — Нейи. Горстка храбрецов мужественно держалась, несмотря на ожесточенный обстрел версальской артиллерии; национальные гвардейцы не раз вступали в рукопашный бой, сражались за каждую улицу и каждой дом. «Знаешь ли ты, какие батальоны лучше всего идут за мной? — спрашивал Домбровский своего друга.— Те, которые я водил в огонь несколько дней назад и половина которых осталась на поле боя... Другая половина пойдет за мной в самое пекло» [36].

Посылая сообщение Генеральному совету Интернационала, Елизавета Дмитриева отмечала особую роль Домбровского в обороне Парижа: «Мы до сих пор сохранили все наши позиции. Домбровский сражается хорошо» [37]. Но доблесть Домбровского ничего не могла изменить в неблагополучной организации вооруженных сил Коммуны.

Для Елизаветы Дмитриевой, как и для всех коммунаров, май был самым напряженным месяцем. Деятельность Коммуны развернулась в полную силу, буквально каждый день вставали новые задачи. Чтобы

улучшить положение неимущих, Коммуна объявила о бесплатной раздаче вещей из ломбарда, и женские комитеты взялись ей помогать; шла реорганизация системы образования, и коммунарки хлопотали, чтобы девушкам были созданы все условия для занятий. Коммуна приняла постановление о твердых ценах на продукты, и добровольные контролеры направлялись на борьбу со спекулянтами. Открывались новые клубы, устраивались концерты, и деньги, собранные на них, передавались семьям убитых и раненых, затевались народные празднества, и Елизавета Дмитриева координировала в Союзе женщин всю эту разнообразную работу. В такое горячее время совсем некстати обострился ее бронхит. Но она не хотела сложить с себя хотя бы часть обязанностей. Дмитриеву видели такой же собранной и воодушевленной, как и в первые дни Коммуны.

25 апреля несколько комитетов Союза женщин было мобилизовано, чтобы оказать помощь жителям пригорода Нейи. Из-под развалин разрушенных кварталов женщины извлекли около тридцати пострадавших, доставили их в Париж, подыскали им жилье в особняках бежавшей буржуазии, снабдили одеждой и питанием.

Елизавета Лукинична стремилась на аванпосты, туда, где находились добровольческие отряды женщин и где великое дело защиты революции рождало героев. Она должна была видеть и знать их, должна рассказать об их доблести. Пусть славный пример воодушевит массы парижанок, ведь в

скором времени им предстоит сражаться на улицах и площадях столицы.

Жуткое зрелище представляли собой позиции коммунаров в последние дни мая. Вокзал в местечке Отей превратился в груду кирпича и битого стекла. Железнодорожный виадук был изрешечен, как кружево, сквозь просветы виднелось зловещее пламя пожаров. Они полыхали вокруг Парижа несколько дней. Батареи версальцев не умолкали. Только к вечеру наступало относительное затишье. Чтобы добраться до передовых позиций, надо было воспользоваться ночью. Но и ночью рейды были небезопасны. Темнота такая, что дорогу рассмотреть невозможно. Елизавета Лукинична вспоминала темные летние ночи в далеком-далеком Волоке. Но там ей знакома каждая тропинка, и можно было идти наугад, блаженно ощущая теплоту земли и запах сена, прислушиваясь к тишине.

Тишина... В Париже о ней давно забыли. С душераздирающим свистом падают снаряды. Как пчелы, жужжат пули. Но на пули бойцы не обращают внимания. «Привычка!» — улыбаясь, говорит Дмитриевой ее провожатая, совсем юная девушка. Она воюет вместе со своим отцом, старым республиканцем.

Самый впечатляющий пример мужества подает Луиза Мишель. Она ни в чем не отстает от мужчин и даже превосходит их храбростью. Когда весь батальон отправляется на отдых, Луиза Мишель остается на посту и идет в бой с новым подкреплением. Только два с половиной дня за все время

сражений она провела в Париже и только одну ночь спокойно выспалась дома.

Елизавета Лукинична не могла не восхищаться храбростью и самоотверженностью этой француженки. А Луизу Мишель впечатляли успехи Дмитриевой в организации женщин. Через много лет после Коммуны Луиза Мишель пыталась возобновить в Париже женское движение: то, что сделал в свое время Союз женщин, убедило ее в необходимости вести специальную работу среди пролетарок. В 1893 году Л. Мишель посетила американская журналистка, и «красная дева Коммуны» доказывала ей, как важно организовать в США женские союзы: «Если могут, пусть организуют их сами работницы. Не могут — пусть возьмут на себя почин образованные женщины». Рассказывая американской журналистке о Коммуне, Луиза Мишель упомянула Дмитриеву в числе наиболее известных революционерок, которые «проявили себя героинями» [38].

Газеты Коммуны не раз отмечали доблестных защитниц Коммуны. Юркие парижские гамены, рекламируя свежие выпуски газет, выкрикивали:

— «Мститель» привествует гражданку Эд, жену генерала Коммуны, неустрашимую героиню!

— «Клич народа» славит гражданку Желен из третьей роты, 219-го батальона!

— «Папаша Дюшен» благодарит храбрых гражданок, которые идут навстречу смерти, чтобы поддержать мужество патриотов!

Даже в иностранной печати появлялись

сообщения об активном участии женщин в обороне Парижа. Побывав в Нейи, корреспондент английской газеты «Таймс» писал: «Это настоящий город мертвых... Темно-красные пятна на мостовой указывают путь смерти... Убитые лежат по двое и по трое... Я был удивлен, заметивши несколько женщин... На дворе одного дома лежала красивая маркитантка: ее черные волосы были заплетены на висках, на губах играла улыбка, а в руке она держала обломок сабли. Эта маркитантка принадлежала к 68-му батальону и была убита осколком»[39]. Об этом же писал и русский журнал «Всемирная иллюстрация»: «Упорное сопротивление Коммуны объясняется тем, что в рядах ее много женщин», «в рядах национальных гвардейцев при Нейи сражалось множество их жен и дочерей. Маркитантка 68-го батальона, находившаяся в застрельщицах в стычке у Батиньоля, будучи сначала сильно ранена в голову, не переставала стрелять, пока ее не убило осколком гранаты»[40]. Признавая неоспоримые факты отважной борьбы парижанок, журнал, разумеется, ни слова не говорил о том, чем же объяснялись стойкость и героизм коммунаров.

Елизавета Лукинична спрашивала себя, сумеет ли она в решающую минуту быть достойной этих коммунарок? Она давала себе клятву не дрогнуть, не отступить под версальскими пулями. «...Я приготовилась к тому, чтобы умереть в один из ближайших дней на баррикадах. Ожидается общее наступление (версальцев.— *Авт.*)»[41],— пишет она в Лондон.

Решающих сражений в Париже ждали почти с нетерпением. Они казались лучше томительной неизвестности и изматывающих перестрелок. Но приближение битвы не парализовало обычную жизнь столицы. 21 мая тысячи парижан собрались в саду Тюильри. Шел концерт, посвященный защитникам Коммуны. Полторы тысячи музыкантов от всех батальонов национальной гвардии выступали в пользу вдов и сирот. На тот же день Союз женщин назначил собрание делегаток женских профсоюзов. Там должна была выступать Елизавета Дмитриева. Предстояло решить вопрос о присоединении профсоюзов к Интернационалу. Однако в три часа утра, воспользовавшись предательством, около ста тысяч версальцев проникли в Париж.

Теперь коммунарам дорог был каждый час. Дмитриева зашла к себе на квартиру, чтобы переодеться в свое любимое красное платье и черное пальто, потом поспешила в помещение Союза женщин. Соблюдая законы конспирации, она уничтожила все, что не должно было попасть в руки версальцев, в первую очередь — списки активисток союза.

Париж мгновенно покрылся баррикадами. Женщины, старики и дети — все вышли на их строительство. Несли из квартир кровати, столы, комоды. Разбирали мостовые, насыпали мешки песком и землей. Работали споро, весело, будто готовились не к битве, а к празднику. Елизавета Лукинична знала, что сражаться ей предстоит в Батиньоле, где находился местный комитет Союза женщин. Военный делегат Комму-

ны Шарль Делеклюз призвал коммунаров оборонять свой район. Боец старого закала, он уверял, что надо сражаться в знакомых местах, за свою улицу, за отчий дом.

Испытанные бойцы пролетарской армии и молодые коммунары, увлеченные общим энтузиазмом,— все отдавали себе отчет в том, что они обречены. Но с мужественной решимостью каждый хотел держаться до конца.

На баррикады шли под красным знаменем национальные гвардейцы, рабочие в синих блузах, маркитантки, одетые в куртки с блестящими пуговицами. Шли женщины в простых домашних платьях: многие из них никогда не держали ружья, но решили не расставаться со своими близкими — с мужем, братом, сыном. Они стремились поддержать их в трудную минуту, разделить с ними последние мгновения.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...
Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Эти простые и мужественные строки пролетарского гимна «Интернационал» участник Коммуны поэт Эжен Потье напишет, едва отгремят на улицах Парижа последние залпы и выстрелы, в память о героических защитниках революции и во славу ее будущего торжества.

Батальон, в который входила Елизавета Лукинична, строил баррикады в Батиньоле. Всю ночь не утихали удары кирки и лома, выламывающих камни мостовой. А на западных окраинах Парижа коммунары под руководством полковника Брюнеля, делегата Коммуны Варлена, командиров Врублевского и Домбровского уже вели упорные бои, сдерживая в десять раз превосходящие силы версальцев. За целый день врагам уступили не более километра.

23 мая коммунар Луи Баррон по дороге в центральный штаб видел в Батиньоле «отряд женщин-воительниц с ружьями». Отряд направлялся для защиты здания районного муниципалитета. «Во главе их, как их предводитель, выступает Дмитриева. Ее длинные волосы развеваются по ветру, на груди красный шарф,— вспоминал Луи Баррон.— Нежным и громким голосом она возглашает: «В то же время, как наши братья идут сражаться на баррикадах, мы требуем чести охранять народный муниципалитет; мы будем его защищать до последней капли крови» [42].

Под угрозой вторжения версальцев оказался Монмартр. Домбровский послал туда для связи со штабом трех женщин — Данги, Мариани и Луизу Мишель. «Мы должны были попытаться туда пройти и требовать скорее организовать оборону»,— вспоминала Л. Мишель. Направляясь на Монмартр, они повстречались о подругами: «Проходят женщины с красными знаменами впереди; у них своя баррикада, на площади Бланш. Тут — Елизавета Дмитриева, г-жа Лемель,

Мальвина Пулен, Бланш Лефевр и Экскофон»[43].

...Орудийные залпы сотрясали стены домов. «В течение этого дня борьба была наиболее кровопролитной,— доносил в Петербург царский посол.— По мере того как инсургенты отступали, сопротивление их все усиливалось»[44]. Озлобленные отпором коммунаров, версальцы устроили облавы и массовые расстрелы. Улицы наполнились трупами, воды Сены покраснели от крови. Озверевшие солдаты Тьера ловили детей на улицах, когда они плача метались в поисках своих отцов. «Убивайте их, убивайте! — требовали буржуазные дамочки.— Они вырастут и вспомнят, чему учили их отцы!»

Баррикада, которую оборонял отряд Дмитриевой, оказалась в каких-нибудь ста метрах от версальцев. Женщины пытались обратиться к солдатам:

— Не предавайте дело рабочих! Вспомните 18 марта — побратайтесь с народом! Сложите оружие, иначе ваши дети проклянут вас!

Но в ответ раздавались выстрелы. Расправившись с защитниками Коммуны, солдаты обыскивали убитых: они хотели найти в ранцах у коммунаров золото. В Версале солдатам говорили, что сокровища парижского банка перешли в карманы инсургентов.

Отряд Елизаветы Дмитриевой после Батиньоля продолжал сражаться на Монмартре. Здесь ее видел Гюстав Лефрансе,— он тоже участвовал в последних боях Коммуны.

«При повороте на улицу Лепик,— вспоминал Лефрансе,— мы встречаем группу вооруженных гражданок, среди которых находится Лепуар и Дмитриева, русская, хорошо известная революционерам. Они все полны решимости защищать сооружаемую ими баррикаду»[45]. Незнакомый лично с Елизаветой Дмитриевой коммунар Сюттер-Ломан, увидев ее, восхищался ее вдохновенным обликом: «Она высока, стройна, хорошо сложена и носит бодро на кончике уха тирольскую фетровую шляпу, украшенную длинным петушиным пером и багровой кокардой»[46]. 23 мая объединенный отряд во главе с Л. Мишель и Е. Дмитриевой проявлял беспримерную доблесть, сражаясь на площади Бланш, а затем на площади Пигаль, где сдерживал натиск версальцев почти двенадцать часов подряд.

«Вот уже много дней, как она отдала всю свою энергию борьбе на баррикадах, ухаживая за ранеными, находя в своем великодушном сердце невероятные силы»[47],— писал о Елизавете Дмитриевой публицист Коммуны Лиссагаре. По свидетельству царского дипломата, в отряде Дмитриевой насчитывалось около пятидесяти женщин. «Она воодушевляла федератов к сопротивлению, раздавала им амуницию и сама стреляла»,— сообщал тот же свидетель.

Пройдут десятилетия, и на склоне своих лет старый коммунар Андриен Лежен, приглашенный в нашу страну, будет вспоминать отважную русскую женщину, сплотившую парижских рабочих на защиту Коммуны. Ее примером Лежен будет вдохновлять

советских бойцов, уходивших сражаться с фашистами [48].

Елизавета Лукинична не покидала баррикаду до тех пор, пока ее не настигла пуля версальцев. Париж был охвачен пожарами. Густые клубы дыма взвивались над ратушей. Языки пламени появлялись то тут, то там почти ежеминутно, будто вырывались из раскаленной печи. Под прикрытием огня коммунары отступали.

Для оставшихся в живых самое трудное заключалось в том, чтобы избежать облавы, переждать волну поголовных репрессий. Где нашла убежище раненая Елизавета Дмитриева, осталось неизвестным. Возможно, на той же самой квартире, где укрывали и Лео Франкеля. Они встретились 23 мая. «В этот день,— вспоминал Лиссагаре, — из района Бастилии привели раненых. В их числе была и госпожа «Х», которая, сама раненная, поддерживала Франкеля, раненного на баррикаде Сент-Антуанского предместья...» Под госпожой «Х», как видно из последующих воспоминаний самого Франкеля, следует признать Елизавету Дмитриеву [49].

И снова Женева

Коммуна пала — да здравствует Коммуна!

Из лозунгов Интернационала

Париж переживал страшные дни. Царский посол доносил в Петербург: «Возбужденные боем солдаты расстреляли на месте

большую часть федеральных * борцов, попавших в их руки. Тем не менее в Версаль беспрерывно прибывают колонны пленных... Перестрелка не прекращалась ни на одну минуту даже в тех частях города, которые уже заняты войсками» [1].

В помещении театра Шатле без перерыва, днем и ночью, заседало созданное наспех военное судилище. Коммунаров сводили сюда со всех концов Парижа, раненых и полуживых, женщин и детей. Приговаривали к смерти по доносам, потому, что подозреваемый был одет в рабочую блузу, потому, что одежда его пахла порохом... Приговоренных к смерти отправляли в самое зловещее место Парижа — казарму Лобо. Перед конвоем открывались железные ворота, колонну арестованных впускали во двор, выстраивали у стены — и раздавался залп митральезы **, «кофейной мельницы», как ее называли французы за необычайную убойную мощь.

Иностранные газеты, даже сочувствовавшие версальскому правительству, не могли умолчать об ужасах кровавой майской недели. Петербургская «Всемирная иллюстрация» сообщала: «В числе пленных при взятии Парижа находилась рота женских амазонок и батальон детей-патриотов... Некоторые из них, оказавшие сопротивление, были закованы. У одной был привязан к спине грудной ребенок... Одна из амазонок была ранена... Отряд конных

* Коммунаров часто называли федератами.

** Митральеза — многоствольное орудие, позволявшее производить до 250 выстрелов в минуту.

жандармов заставлял их идти скорым шагом под лучами палящего солнца». «Из двух разных источников,— сообщает корреспондент,— я узнал, что расстреляно не менее 3 тысяч женщин, не считая арестованных. Расстреливали даже детей, если они попадались с легко воспламеняющимися веществами». Дмитриевой среди убитых и арестованных не обнаружили. Секретарь русского посольства доносил в Петербург, что судьба ее неизвестна: «Казнили ли ее среди других, не установив ее личности? Перевезли ли в Версаль и оттуда в какой-нибудь морской порт под ложным именем?.. До сих пор невозможно было узнать что-либо на этот счет».

Между тем версальская полиция составила на Дмитриеву досье. После Коммуны долгое время досье содержалось под секретом, и лишь теперь во французской литературе появились некоторые данные. Дмитриеву заочно обвинили «в подстрекательстве к гражданской войне» и привлекали к ответственности за то, что она «возглавляла центр коммунных женщин» [2].

Журнал «Всемирная иллюстрация» тоже не забыл о Елизавете Дмитриевой. Ее имя упоминалось на страницах этого издания из номера в номер: «В Версаль приведена под конвоем Натали Дюваль, занимавшая пост командира в отряде женщин, воевавшем на баррикадах. Начальствующей этого отряда была русская Ольга (? — *Авт.*) Дмитриева, которой, однако, удалось скрыться, и она до сих пор не арестована» [3]. Читателям еще раз напоминали,

что речь идет о Дмитриевой, написавшей обращение к парижским гражданам. «Воззвание приглашало женщин вооружиться и воевать на баррикадах за свободу».

Редакция с удовлетворением заявляла: «Об участии русских имен, к счастью, нам распространяться нечего, и если бы не Елизавета Дмитриева, подписавшая циркуляры коммунных женщин на поджоги и убийства, так нам не пришлось бы совсем делать недостойного сближения этих двух слов «русская» и «коммуна».

Однако вскоре «Всемирная иллюстрация» вынуждена была признаться, ссылаясь на французские газеты, что в Версале в числе арестованных находятся 50 русских. Что касается Елизаветы Дмитриевой, то безвестный автор журнала «Всемирная иллюстрация», теряя терпение, восклицал: «Куда только девалась наша милая единоплеменница Дмитриева, имя которой красовалось во время Коммуны. Или это была невинная международная утка?» Редакция пыталась содействовать полицейскому розыску: «Любопытно было бы, однако, чтобы кто-нибудь сообщил об этой Елизавете кое-какие сведения. Мы были бы не прочь узнать ее прошедшее, пансион, в котором она воспитывалась, и сообщить это нашим читателям». И невдомек было полиции, что в том же самом журнале подробно излагалась история знатного рода Кушелевых, из которого и происходила разыскиваемая Дмитриева.

Французские агенты под охотой за Дмитриевой подвели наконец черту: «Дми-

триева в Париже не обнаружена, несмотря на многочисленные и активные розыски... Невозможно также установить, что делала эта Дмитриева до 18 марта»[4] — так гласит справка, составленная версальскими агентами. Но царское правительство не прекращало искать Елизавету Дмитриеву. Его специальный агент продолжал выслеживать ее в Париже спустя почти полгода после падения Коммуны. Наконец он тоже отчаялся и, чтобы положить конец безрезультатным преследованиям, послал в Россию уведомление, будто «Елизавета Дмитриева, председательница женского комитета Коммуны, присуждена к ссылке в крепости». Видимо, эта информация успокоила III отделение.

Между тем Елизавета Лукинична была жива. Она вряд ли могла знать точно о том, что русское правительство информировано о ее деятельности, но она не питала никаких надежд, что о ней забыли совсем. Каждый день газеты писали о расправах и о расстрелах людей, заподозренных хотя бы в малейшем сочувствии к Коммуне. Казнили и тех, кого неразборчивое версальское правосудие случайно принимало за какого-нибудь известного деятеля Коммуны.

Последний раз Дмитриеву видели раненой. Кто помог Елизавете Лукиничне спастись, так и осталось неизвестным. Авторы вышедшей в царское время «Истории социально-революционного движения в России 1861—1881 гг». без всяких оснований, с явным намерением оклеветать героиню

Коммуны, писали, что, будучи внучатой племянницей Пушкина, она спаслась благодаря участию и помощи ее дяди, сенатора второй империи, барона Дантеса». Так убийце Пушкина приписали реабилитирующую его роль спасителя Дмитриевой. В тот день, когда версальские войска ворвались в Париж, ее хотел предупредить об опасности Михаил Сажин. Он жил в Париже с первых дней Коммуны, часто встречал Дмитриеву на собраниях парижанок, пытался завязать с ней более тесное знакомство. Однако для Елизаветы Лукиничны Сажин не был «своим». Друг Бакунина, противник Маркса... Этим все, казалось, сказано.

22 мая утром Сажин вышел за продуктами, увидел на бульваре необычно взволнованных людей и узнал о вторжении версальцев. Он поспешил зайти к Елизавете Дмитриевой на бульвар Сент-Уэн. Но хозяйка дома сказала, что мадам забрала свои вещи еще накануне, поздно вечером, и с тех пор о ней ничего не известно[5].

Весь следующий день Сажин провел на баррикаде, а когда квартал был захвачен версальцами, он скрывался от ареста у своего знакомого — русского философа Вырубова, который в те дни работал в госпитале. Дмитриеву Сажин больше не видел в Париже. В эти трагические дни многие коммунары, среди которых была Елизавета Лукинична, нашли себе временное убежище у надежных людей. Надо было переждать хотя бы неделю, пока кровавый террор прекратится и появятся шансы выбраться из Парижа. У оставшихся в

живых руководителей Коммуны появилась надежда, что Генеральный совет Интернационала успеет прислать им паспорта на имя английских или немецких граждан. Еще в середине мая о помощи Коммуне поехал хлопотать Петр Лаврович Лавров. Человек сильной воли и твердого характера, он посвятил в свою миссию только самых близких друзей.

Сначала он направился в Бельгию. Бельгийские интернационалисты одобрили предложения Лаврова. Они сообщили Марксу, что посылают ему письмо через одного из «добрых друзей», гражданина Лаврова, «характер которого, обширные познания и большую преданность Интернационалу в частности и социальному прогрессу вообще», они успели оценить за время его пребывания в Бельгии[6]. В Бельгии Лаврова хорошо знали по статьям в газете «Интернационал», где еще в марте появились его корреспонденции, в которых он пропагандировал Коммуну как власть рабочих и всего трудового народа. Лавров содействовал усилению бельгийского движения в поддержку Коммуны. Среди рабочих начался сбор средств в пользу коммунаров и активизировалась пропаганда дела Коммуны. Но главное для Лаврова было еще впереди. Ему предстояло добраться до Лондона и встретиться с руководством Интернационала. Через Лаврова там стали известны парижские адреса, по которым можно было посылать паспорта для коммунаров, избежавших ареста.

Понимая, что конец Коммуны близок,

Генеральный совет сделал все возможное, чтобы обеспечить ей поддержку со стороны английских рабочих. Массовые действия и широкое движение в защиту Коммуны вынудили английское буржуазное правительство разрешить коммунарам въезд в страну.

В парижском подполье Елизавета Лукинична испытала, наверное, то же, что многие другие, которые оказывались в подобном положении. Смерть близких людей приводила в такое отчаяние, что хотелось умереть самому. Оставшихся в живых коммунаров угнетала мысль не столько о возможном аресте, сколько о том, что все кончено, что светлая мечта потоплена в крови, что погибли многие друзья, сотни и тысячи людей, а тем, кто томится в тюрьме, помочь уже невозможно.

Моральные переживания Дмитриевой усугублялись физическими страданиями: мучила рана и не давал покоя кашель — от пропитанного гарью воздуха обострился ее хронический бронхит. Но она не могла сразу покинуть убежище. Она дожидалась иностранного паспорта. Ее собственный паспорт на имя супруги полковника Томановского, очевидно, оставался у товарищей в Женеве или Лондоне. Так было надежнее. К тому же он мог понадобиться там, чтобы получать деньги, присылаемые для нее из России. В одном из писем Елизавета Лукинична действительно просила выслать ей в Париж хотя бы небольшую сумму. «Я сижу без гроша,— писала она в Лондон.— Если вы получили мои деньги,

постарайтесь их с кем-нибудь переслать, но только не по почте, иначе они не дойдут»[7].

Если русский паспорт она взяла бы в Париж, мог ли он оказаться ей полезен? Конечно, нет. В такой ситуации самое надежное было выдать себя за подданную Пруссии, войска которой все еще находились под Парижем. И хотя прусские жандармы помогали версальцам выслеживать коммунаров, Елизавета Лукинична могла попробовать выбраться из Парижа, используя знание немецкого языка.

Она покинула Париж вместе с Лео Франкелем. Его немецкий язык был безупречен, а самообладание обеспечивало вторую половину успеха. Лео Франкель рассказывал: «Один французский рабочий устроил нам вход в какой-то дом, откуда мы беспрепятственно смогли перейти границу. Но меня по пути несколько раз задерживали французские жандармы и полицейские, требовали предъявления документов, спрашивавшие у меня, кто я, откуда и куда иду и т. д. При отсутствии у меня паспорта я бы, наверное, попался, если бы мне не помог мой притворно-простодушный вид... Но в городе Мо какой-то полицейский ни за что не хотел удовлетвориться моими ответами и, как Шейлок, настаивал на «расписке», заставил меня вылезть из экипажа. «Вот тут-то я и попался!» — подумал я, любезно предлагая руку своей попутчице, которая ни за что не хотела покидать меня, пока я не буду вне опасности (руку я предложил намеренно, что-

бы скрыть, что я в нее ранен). Холодным, невозмутимым тоном я спросил полицейского, далеко ли он собирается меня вести, так как мне не хотелось бы опоздать на поезд. «В крайнем случае,— так же спокойно заметила моя попутчица,— мы тут переночуем, а завтра уедем...» — «Мне очень неприятно,— ответил полицейский,— но я не могу сказать вам, будут ли завтра еще действительны ваши путевые билеты. А вы, собственно, куда хотите ехать?» — спросил он меня. «Как куда? В Германию!» — ответил я. Он заколебался: «Ну тогда... ладно, садитесь обратно...» Так мне удалось выскользнуть из рук сыщиков. Приехав в Кэль, я вынужден был распрощаться с моей боевой подругой и попутчицей, которая ехала через Гамбург в Англию, тогда как я собирался еще поправить в Италии свое разрушенное здоровье».

Но Елизавета Лукинична оказалась не в Лондоне, и Лео Франкель — не в Италии. И это понятно: его рассказ, опубликованный в одной из газет, предназначался специально для того, чтобы направить полицейский поиск по ложному следу.

О Елизавете Дмитриевой Лео Франкель сохранил самые лучшие воспоминания и о ней думал, когда в семье Карла Маркса заполнял полушутливую, полусерьезную анкету. В числе любимых имен он назвал Элиза, Маргарита и Женни и в той же анкете записал, что в женщине выше всего ценит «умение, внушив к себе любовь, заставить себе повиноваться» [8]. Приоткрывает ли это те чувства, которые Лео Фран-

кель питал по отношению к Елизавете Дмитриевой? Во всяком случае, ей нельзя было отказать в способности вызывать к себе уважение и увлекать за собой, вселяя вдохновение.

2 июля 1871 года в Генеральном совете Интернационала была получена телеграмма о благополучном прибытии Дмитриевой в Женеву. 4 июля секретарь Романского федерального комитета секций Интернационала Анри Перре сообщал из Женевы лондонским товарищам: «Отрадное известие. Наша дорогая Элиза спасена. Она покинула Париж, минуя всякого рода препятствия, под градом снарядов и пуль. Это — чудо, что она спаслась»[9]. С этого момента еще многие годы соратники по борьбе будут бережно опекать ее, стараясь помочь в трудные минуты.

...Женева. Знакомый маршрут с вокзала — на площадь, мостом через Рону. После грохота парижских пушек здешняя тишина казалось ей удивительной, какой-то нереальной. И как чист был воздух, напоенный свежестью! Вот знакомый островок посреди реки и узкий пешеходный мостик, ведущий к нему. Так и хотелось посидеть в этом уединенном месте, под густыми ивами и высокими тополями у памятника великому Руссо. Как хорошо было бы любоваться оттуда лазурными водами реки и горделивыми белыми лебедями, бесшумно скользящими по водной глади.

Елизавета Лукинична опять оказалась в знакомой компании, среди друзей. Здесь были Николай Утин, Антон Трусов, Вик-

тор Бартенев, их жены. Но очень многое изменилось со времени их последней встречи! Печать трагедии Коммуны лежала на всем — на их настроении, на разговорах о текущих событиях, на дальнейших планах.

Елизавета Лукинична не могла не думать о гибели Коммуны и о том, что участь многих товарищей оставалась еще неизвестной. «Малон, Лонге и некоторые другие скрываются в Париже, мы их ожидаем»,— информировали в те дни из Женевы Генеральный совет Интернационала. Особенную тревогу вызывала судьба тех, кто оказался в руках версальцев. Заседание суда откладывалось со дня на день. Тьер тщательно подбирал судей, менял обвинителей, изучал списки публики, которую предполагалось допустить в зал судебного заседания. А между тем смерть действовала быстрее официальных палачей: в мрачной тюрьме Сатори арестованные умирали от ран, от истощения, от издевательств тюремщиков.

Сообщения, которые удавалось получить об участниках Коммуны, были краткими, факты недостоверными. Елизавета Лукинична ни с кем не переписывалась. Ее состояние хорошо понимал Анри Перре. Когда от Генерального совета Интернационала пришел тревожный запрос — почему от коммунаров из Женевы не поступает известий,— он отвечал: «Им не до того, чтобы писать». Сам Перре, как он признавался, был «слишком глубоко опечален всем происходящим» и не имел сил обстоятельно информировать Генеральный со-

вет: «Моя рука дрожит от гнева, когда я вижу все, что творится во Франции» [10].

Можно совершенно отчетливо представить, в каком состоянии находилась в те дни Елизавета Лукинична. Прямых свидетельств тому не имеется, но есть с чем сравнивать. Лео Франкель не случайно упоминал о своем «разрушенном здоровье», а Михаил Сажин, почти не принимавший участия в боях Коммуны, все же был буквально выбит из колеи. Все пережитое, писал он, «сильно расшатало мое здоровье... так что к осени я дошел до того, что с трудом мог передвигаться». Анна Васильевна Корвин-Круковская, едва добравшись до Германии, слегла, совершенно обессиленная. Целый месяц она не приходила в себя, не вставала с постели.

О судьбе Елизаветы Лукиничны беспокоился П. Л. Лавров. Он запрашивал о ней В. М. Озерова. Озеров ответил Лаврову 13 июня: «Едва мне удалось повидаться с ней (мешали нашему свиданию разные пошлости женевские, о которых, конечно, говорить не стану), но в конце концов мне удалось увидеть г-жу Д-ву вчера» [11].

Через месяц, когда Елизавета Лукинична сама взялась за перо, она сообщила о себе К. Марксу. Первые ее вопросы были о товарищах. Она спрашивала, кто добрался до Лондона и как устроился. Лондонские эмигранты с самыми теплыми чувствами откликнулись на ее весточку. Эдуард Вайян, известный участник Коммуны, писал в Женеву Беккеру: «Недавно

я прочел у гражданина Юнга * письмо госпожи Дмитриевой, которая вспоминает обо мне; если Вы ее увидите, передайте, пожалуйста, мой дружеский привет» [12].

Как и П. Л. Лавров, Вайян не обращался к ней прямо. И не случайно, Елизавета Лукинична не могла дать свой адрес: даже в нейтральной Швейцарии коммунарам приходилось держаться с чрезвычайной осторожностью. Царские агенты не остановились бы перед нейтралитетом страны, чтобы арестовать любого из наиболее опасных «неблагонадежных» из России. Здешним эмигрантам еще было памятно дело З. Ф. Оболенской, которая осмелилась открыто выразить свои симпатии революционно-демократическому движению. Она поселилась в Женеве вместе со своими детьми, оставив в России высокопоставленного супруга. Но III отделение недаром имело связь с полицией европейских государств. Русские жандармы на глазах у публики среди бела дня похитили у нее детей. Николай Утин проявил тогда великолепное мужество, смело выступив в защиту Оболенской. Однако силы оказались неравными...

После поражения Коммуны печать не раз упоминала о соглашении русского царя с Тьером. В газетах на все лады повторяли, что коммунарам негде будет укрыться. Петербургская газета «Голос» уведомляла публику, что Тьер не одинок: «В преследо-

* Члену Генерального совета Интернационала Г. Юнгу Е. Дмитриева адресовала письмо из Парижа для передачи их К. Марксу. (*Авт.*).

вании приверженцев Коммуны принимают теперь участие также английские, итальянские и бельгийские агенты, которые посещают общественные места переодетыми». У берегов Франции, писала эта же газета, «каналы бдительно стерегутся и все рыбачьи лодки тщательно осматриваются» — все делается для того, чтобы инсургенты не могли переправиться в Англию.

«Всемирная иллюстрация» оповещала: «Правительства всей Европы единодушно отреклись от возможности защиты их (коммунаров.— *Авт.*). Дипломатические агенты этих правительств получили предписания смотреть на инсургентов как на уголовных преступников... Во всей Европе не отыщут они уголка, где бы могли считать себя безопасными от преследования закона. Испания объявила, подобно Бельгии, что она будет выдавать коммунистов. Швейцария и Англия решили, что выдаче их будет предшествовать рассмотрение их виновности в национальных судах»[13]. Министр внутренних дел Франции настойчиво требовал ареста участников Коммуны, в какой бы стране они ни оказались.

Когда в Бельгии Виктор Гюго предложил коммунарам убежище у себя в доме, наемные хулиганы разбили стекла в окнах его квартиры. Царское правительство командировало за границу «особого агента со специальной политической целью» — Григория Лукашевича. Он должен был проникнуть в ряды Интернационала. Русский император опасался, что, как ему докладывали из III отделения, «Междуна-

родная ассоциация рабочих после падения Парижской Коммуны... сосредоточивает все свои усилия на революционной пропаганде, направленной внутрь России через эмиссаров и некоторых русских, состоявших в числе ее членов» [14].

Царские агенты рыскали в Швейцарии по кафе и лавочкам, прислушивались к разговорам эмигрантов, пытались войти в доверие к революционной молодежи. Однажды им показалось, что они обнаружили Дмитриеву. Агенты сообщали, что заметили ее в среде русской эмиграции, но не в Женеве, а в Цюрихе. Агентура срочно связалась с III отделением. Фамилия Дмитриевой оказалась подлинной, но звали Дмитриеву не Елизаветой, а Софьей. Это была уроженка Харькова, дочь надворного советника. В Цюрихе она занималась медициной. Поиски ускользнувшей Дмитриевой возобновились. Друзья Елизаветы Лукиничны сообщали в Лондон, что «дорогую сестру Элизу» они охраняют с величайшей заботливостью, ибо она — под угрозой ареста [15].

В первое время, когда силы к ней еще не вернулись, вынужденное уединение не тяготило Елизавету Лукиничну. Но чем дальше, тем больше она должна была чувствовать себя в Швейцарии, как в тюрьме. Разве можно сравнивать это состояние с тем, какое она испытывала в революционном Париже! Там, среди революционной массы, на многолюдных митингах, перед героями Коммуны, готовыми, как говорил Маркс, «штурмовать небо» [16],

она была сама собой, счастливой и способной приносить счастье.

Длительное бездействие было для нее невыносимо. Наверное, ей хотелось бы поехать в Лондон, оказаться среди тех коммунаров, которые активно работали в Интернационале под руководством Маркса. Там находился и бывший военачальник Коммуны Валерий Врублевский. Маркс оказывал ему большое доверие. В Лондоне обосновался и Лео Франкель. Его также высоко ценили в руководстве Интернационала. Елизавета Лукинична чувствовала, что ее место с ними. Но пробираться в Англию было слишком рискованно и слишком трудно найти необходимые для этого деньги. Иоганн Филипп Беккер советовался с руководителем секций Интернационала в Нью-Йорке Фридрихом Зорге, как помочь изгнанникам, оказавшимся в Швейцарии. «Было уже произведено два ареста, и есть много оснований опасаться выдачи. Итак, следует скрывать их здесь, пока это будет возможно, или отправлять людей, уже спасенных, в новый путь, на сей раз в Англию? Отправлять — значит, оплачивать путевые расходы, скрывать — значит, кормить лишенных возможности работать. Где же взять средства?»

Елизавета Лукинична видела, как бедствовали спасенные коммунары. Те, кого версальское правительство называло грабителями, не имели ни гроша, у них не было даже куска хлеба. В самом сложном положении находились те, кому приходилось заботиться не только о себе, но и о

своих семьях. Женни Маркс писала женевским товарищам, что одна ее знакомая взяла на воспитание двух сирот Коммуны, но у нее было только одно пальто — на своих детей и на приемных. 68-летний старик коммунар безуспешно пытался найти в Лондоне какую-нибудь работу и ютился на чердаке. Реакционная пресса настроила обывателей против коммунаров, и никто не хотел принимать их даже на самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу.

Чтобы облегчить участь изгнанников, секции Интернационала предпринимали поистине героические усилия. Из США Зорге удалось прислать в Женеву крупную сумму для «парижских знаменосцев». В Швейцарии Беккер хотел организовать сбор в пользу коммунаров, но в это время швейцарские рабочие сами нуждались, потому что страну охватила мощная стачка. Буржуазия объявила рабочим бойкот — им отказывали в кредитах, у многих описали имущество. Мы перепробуем все, чтобы продержаться, говорили стачечники. Мы пустим в ход сбережения, обручальные кольца, украшения — словом, все, что можно превратить в деньги, но этого мало, чтобы довести стачку до конца. В свое время они первыми присоединились к Интернационалу и теперь вправе были рассчитывать на понимание и поддержку. К тому же у женевских интернационалистов имелась еще одна забота: средства им требовались на издание литературы, посвященной урокам Коммуны. Коммуна пала, но предстояло вести упорные бои с клеветой

на нее и с забвением ее подвига. Речь шла прежде всего о том, чтобы распространить манифест Генерального совета Интернационала — «Гражданская война во Франции», написанный Марксом. Манифест появился в Лондоне в июне. Важно было как можно скорее перевести эту работу на другие языки.

Коммунаров-изгнанников радовало, что в разных странах пролетариат продолжал верить в идеи Парижской Коммуны. Читая газеты, Елизавета Лукинична обратила внимание на оптимистические слова вождя немецкого рабочего движения Августа Бебеля, произнесенные в рейхстаге: «...Главное в Европе еще впереди... боевой клич парижского пролетариата «Мир хижинам, война дворцам, смерть нужде и тунеядству!» — станет боевым кличем объединенного европейского пролетариата» [17].

Чему же должен был учиться у Коммуны пролетариат, готовясь к новым сражениям? На эту тему в Женеве рассуждали и спорили рабочие и интеллигенты, марксисты и бакунисты. Большое лучше видится на расстоянии, а Коммуна еще не стала далеким прошлым, и потому понять и оценить ее действия оказалось совсем не просто. Елизавета Лукинична была свидетельницей того, как даже в среде участников революции сталкивались самые противоположные мнения. Гюстав Лефрансе говорил, что Коммуна погибла исключительно из-за стремлений ее руководства к диктаторству, а папаша Гайяр, известный строитель парижских бар-

рикад, возражал: за революцию способен бороться только народ, обладающий диктаторской властью. Бакунисты же уверяли, будто Коммуна явилась ясно выраженным отрицанием государственной власти и, таким образом, подтвердила доктрину анархистов.

В августе 1871 года женевская газета «Эгалите» («Равенство») начала печатать «Гражданскую войну во Франции». Читая этот манифест, Елизавета Лукинична вспоминала день за днем всю десятинедельную историю недавней борьбы. Как глубоко удалось Марксу постичь существо Коммуны! То, что тогда в лихорадочном беге времени едва осознавалось, теперь отчетливо предстало в чеканных формулировках манифеста. Маркс видел причины поражения революции в том, что с самого начала «из отвращения к гражданской войне» она придерживалась оборонительной тактики, и в том, что «финансовые меры Коммуны, замечательные своей расчетливостью и умеренностью, могли быть только мерами, совместимыми с положением осажденного города»[18]. Оставив банк в руках Тьера, Коммуна обеспечила ему половину успеха. Этот трагический урок Елизавета Лукинична ощущала всем своим существом.

Но Маркс был далек от того, чтобы видеть только слабые стороны Коммуны. Как вождь мирового пролетариата, он стремился показать все лучшее, что было в опыте первой пролетарской революции. Коммуна изумительно преобразила Париж, придала ему невиданные силы, вызвала инициативу и трудовой энтузиазм. Истекающий кровью

рабочий Париж до конца оставался горд сознанием своей исторической миссии. Величие Коммуны заключалось в том, что она «была, по сути дела, правительством рабочего класса... политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»[19]. Коммуна хотела уничтожить «классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих» и по своему характеру являлась «интернациональной в полном смысле этого слова». Еще во время Коммуны Маркс утверждал, что независимо от окончания этой борьбы в революционном движении «новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван».

Маркс обратил внимание на скромность и трудолюбие, бескорыстие и самоотверженность коммунаров. Именно такими знала пролетариев Парижа Елизавета Лукинична. Но сторонников Маркса очень беспокоило, что часть бывших коммунаров заняла в Интернационале неправильную позицию. Фактически продолжалась та же борьба, что велась и в Коммуне,— между представителями рабочих и мелкобуржуазными идеологами. Тщеславие и самомнение последних не знало границ. Бесконечными мелкими конфликтами они наносили вред общему делу. Группа коммунаров намеревалась создать отдельную секцию, заявляя, будто в общей организации их интересы ущемлены. Утин безуспешно пытался объяснить им, что в Женеве существуют секции, объединяющие рабочих по профессии, а также по языкам, и потому нет никакого резона выделять из них

коммунаров. Это противопоставит французов женевским рабочим, нарушит интернациональный принцип. Однако «сепаратистов» убедить не удалось. Они выделились в так называемую секцию пропаганды и потребовали принять ее в Интернационал. Им было отказано. Из-за этого Малон поссорился с Утиным, они перестали даже здороваться. Малон и Андре Лео оказались во главе тех эмигрантов, кто с мелкобуржуазных позиций вел борьбу против Маркса.

В это время обстановка в международном рабочем движении обострилась из-за того, что снова активизировались бакунисты. Они обвиняли Маркса в «диктаторстве» и настаивали на полной свободе и независимости секций от Генерального совета[20]. Русские сторонники Маркса выступали против раскольничества бакунистов. Началась подготовка к очередной конференции Интернационала — там предстояло дать бакунистам решающее сражение и отстоять марксистские требования о необходимости политической борьбы пролетариата, о запрещении в рамках Интернационала всякого рода сектантства.

В сентябре 1891 года Елизавета Лукинична вместе с женой Утина, Бартеневым и Трусовым провожала Утина на Лондонскую конференцию *. Грустно было оставаться в Женеве, по-прежнему прятаться от шпиков и

* С 17 по 23 сентября 1871 г. К. Маркс и Ф. Энгельс руководили работой Лондонской конференции Международного товарищества рабочих. Конференция дала отпор нападкам бакунистов на тактику и организационные принципы Интернационала.

видеть, как обостряются отношения в рядах русской и французской эмиграции. Время ожидания тянулось медленно.

Утин вернулся из Лондона с радостной вестью: интриги Бакунина удалось разоблачить. Было принято решение об укреплении швейцарских секций Интернационала, ослабленных из-за происков бакунистов. Важнейшим итогом конференции явилось то, что она признала необходимым создать в каждой стране самостоятельную рабочую партию, сплоченную и вооруженную революционной научной теорией. Маркс и Энгельс вывели это основополагающее заключение из уроков Парижской Коммуны, слабость которой объяснялась в огромной мере отсутствием пролетарской партии. В поддержку этой резолюции выступили коммунары — участники конференции Огюст Серрайе Лео Франкель.

Вести, полученные с конференции, обрадовали женевских сторонников Маркса. Одна новость особенно обрадовала Елизавету Лукиничну: на конференции обсуждался вопрос об участии в Интернационале женщин-работниц. После Парижской Коммуны, после героической борьбы пролетарок на баррикадах их международный престиж значительно вырос. Впервые революция вывела на арену борьбы не одиночек, а массы женщин. Тон в Коммуне задавали представительницы могучего пролетариата — могильщика капитализма. Интернационал открывал перед ними широкое поле деятельности. Он не только полностью одобрил участие работниц в интернациональных секциях, но и

поощрял создание специальных женских союзов. Таким образом, реализовалась та самая мечта, которую Елизавета Дмитриева начала осуществлять в дни Коммуны: женское движение сливалось с интернациональным движением пролетариата.

Но, возвращаясь к мысли о создании марксистских партий в каждой стране, в Русской секции должны были признать, что в настоящее время не существует условий для образования революционной, пролетарской партии в России. Не могла послужить ядром такой партии и Русская секция Интернационала, которая была слишком малочисленной, а связи ее с Россией ослабли. А. В. Жаклар не вернулась в секцию из-за расстроенного здоровья, Е. Г. Бартенева и О. С. Левашова уехали в Россию, и в Женеву от них не поступало никаких известий. Е. Л. Томановская находилась на нелегальном положении. «Народное дело», в которое было вложено столько сил, уже не выходило. Во время Парижской Коммуны Русская секция свою энергию направила на поддержку героических французских братьев, и «русские дела» отошли у нее на второй план. После падения Коммуны Утин и Трусов вместе с Перре и Беккером занимались организацией Комитета помощи бежавшим парижским коммунарам, устройством для них надежного убежища. Что касается Утина, то массу времени у него отнимало также редактирование женевской рабочей газеты «Эгалите».

Какая роль оставалась для Елизаветы Лукиничны? Скоро ли можно будет выйти

из подполья и включиться в борьбу? Она все чаще с щемящей болью вспоминала о России. Как-то, еще до событий Парижской Коммуны, услышала от одного из эмигрантов, что за границей, даже недалеко от России, русскому человеку кажется, будто и солнце светит не так, и зелень другого оттенка, и небо не такое синее. Сначала это сетование показалось лишь образным выражением ностальгии. Но теперь она могла убедиться, насколько физически ощутима тоска по родной земле. Елизавета Лукинична ходила по узким, петляющим улицам, и взгляд уставал от тщетных попыток вырваться на простор, уходящий до самого горизонта. Вокруг были только горы, горы до самого неба, с холодными заснеженными вершинами. Все чаще вставали перед ней картины родного Волока, хотелось увидеть мать, братьев. В год торжества Парижской Коммуны старшему ее брату, Александру, исполнилось 23 года. Чем он занимается? Вспоминает ли о ней? Конечно, он слышал о Коммуне, но, видимо, то, что пишет официальная пресса. Елизавета Лукинична не могла без отвращения вспоминать, как старались петербургские газеты в стремлении оклеветать Коммуну! Чего стоил тот же «Голос», для которого социалисты были разбойниками, а их цель определялась как стремление «жить за счет капиталистов».

Проклиная Коммуну, русская реакционная пресса наивно надеялась, что подобные события, «создавшие потребность трепетно вглядываться в темное будущее... России не касаются». Но Елизавета Лукинична была

уверена в другом: молодая поросль революции даже на самых страшных пепелищах будет вновь и вновь прорастать дружными, мощными побегами. И не только в европейских странах, но и в России. Елизавета Лукинична помнила, с каким оптимизмом говорил о России Маркс. В правоте его суждений ее убеждали и последние события. Вместе с материалами о заседаниях версальского суда, о расправах над коммунарами газеты печатали известия из Петербурга о суде над группой революционной молодежи. И что еще было совершенно ново, так это участие в политическом процессе женщин. За все время после Великой французской буржуазной революции даже в европейских странах этого ни разу не случалось. Школа Чернышевского закалила их идейно. Елизавета Лукинична невольно вспоминала слова Веры Павловны, героини романа «Что делать?», читая выступление на суде молодой революционерки Дементьевой: «Даже те немногие отрасли знаний, которые предоставлены женщинам, обставлены такими преградами...— говорила Дементьева.— Самою простою, ближайшею мерою... было бы позволение им приобретать обширное образование и обучаться в гимназиях и институтах различным практическим занятиям»[21].

Было совершенно очевидно, что бесправие женщин в России побуждало и будет побуждать их к революционной борьбе. Тем, кто вступил на политическую арену, не хватало еще знаний и опыта. Но не им ли предстояло сделать больше, чем удалось

женщинам Парижской Коммуны? Елизавета Лукинична думала, что, умудренная уроками Коммуны, она станет полезной революционному подполью, ведь в Россию вернется не восторженная энтузиастка, какой она уезжала в Женеву, а закаленный, стойкий боец.

Утин пытался отговорить Елизавету Лукиничну от возвращения в Россию. На границе жандармы выслеживали коммунаров и арестовывали их при попытке вернуться на родину. Елизавета Лукинична это, конечно, знала. Но переход границы не казался ей таким безнадежным делом, как рисовал его Утин. Разве не ускользнула она из Парижа! А ведь обстоятельства были еще более рискованными! Теперь-то у нее имелся надежный паспорт — на имя супруги полковника Томановского. Если в Женеве ее не арестовали, значит, у III отделения госпожа Томановская пока не вызывает особых подозрений.

Утину так и не удалось уговорить Елизавету Лукиничну остаться в Женеве.

...Наступала осень. В такую пору Женева была неприветливой. Теплые тихие дни все чаще чередовались с хмурыми, пронзительно ветреными. Погода менялась по нескольку раз в сутки, и такие перепады угнетающе действовали на расстроенные нервы Елизаветы Лукиничны. Ничто больше не могло удержать ее вдали от Родины. 28 октября Утин писал Марксу, что Елизаветы Лукиничны в Женеве больше нет[22]. Подробное письмо об обстоятельствах ее отъезда он направил Женни Маркс. Вот что сообщил Утин:

«Н. И. Утин — Женни Маркс (дочери) в Лондон.

Дорогая гражданка!

Прилагаю большое письмо для Вашего отца, а также паспорт молодого человека...

Кроме того, письмо г-жи Эл(изы) для Вас. Из него Вы увидите, что ее здесь больше нет. Итак, если Вы еще об этом помните, я все же выиграл пари: Вы увидите, что я больше не имел на нее влияния, или она уехала, несмотря на мое влияние, как Вы охарактеризовали ее дружеское расположение ко мне. Она уехала, и не было никакой возможности удержать ее: к тому же ее душевное состояние, несколько болезненное, было таково, что ей необходимо было уступить, так как ничего нельзя было сделать против ее желания: ее поездка, будучи отложенной теперь, пришла бы ей в голову немного позднее, и она постоянно мучилась бы до тех пор, пока не попала бы раз и навсегда в Россию.

Если я Вам пишу об этом так подробно, то это для того, чтобы избежать Ваших упреков в том, что я позволил ей уехать, так как, разумеется, я понимаю всю неосторожность этого смелого шага.

Всем, кто здесь меня спрашивает о ней, я говорю, что она уехала в Италию, и я очень попросил бы Вас не распространять известие об ее отъезде за пределы Вашей семьи, так как, если об этом не будет слишком много толков, она, может быть, еще вернется живой и невредимой.

В действительности она хотела вернуться как можно скорее — через несколько ме-

сяцев — и обосноваться на некоторое время в Англии; я не знаю, смогу ли я в это время приехать туда — к сожалению, есть много дел, которые меня здесь задерживают... И, чтобы закончить с этим, я позволю себе добавить, что перед отъездом «сестры Элизы» я мог еще раз убедиться в том, как она привязана к Вам и к Вашей семье, как она ценила Ваше отношение, Ваше дружеское расположение к ней. Я говорю это для того, чтобы Вы почувствовали, что я испытываю признательность к Вам и к Вашему отцу вдвойне: за меня и за это дитя (о, если бы она только слышала, что я ее так называю, ее, претендующую на такое прекрасное знание жизни, я неизбежно был бы приговорен к ссылке в крепость!!), которому нравится уединенная жизнь, но которое, тем не менее, нуждается в привязанности людей, проявляющих к нему свою симпатию...

...Я почтительно приветствую Вашу мать, которую я имею счастье знать по рассказам мадемуазель Элизы, и я братски приветствую Вашу сестру, которая пожелала мне еще раз приехать в Лондон в ноябре... Разрешите мне дружески пожать Вам руку.
Преданный Вам

Николай Утин»[23].

В этом письме отразились не только обстоятельства отъезда Елизаветы Лукиничны из Женевы, но и настроение, которое владело ею в трагические дни после падения Коммуны. Как видно из письма Утина, она уезжала, не получив одобрения друзей, беспокоившихся за ее судьбу. Утин почему-то сомневался, способна ли Елизавета Луки-

нична продолжать борьбу. Для Утина она — «дитя». Серьезное, самоотверженное, но — дитя. Действительно, ей было 20 лет. Но разве несмотря на возраст она не показала себя активной участницей революции? Разве каждый день Коммуны не равнялся году по той закалке, которую получали ее участники в горниле борьбы? Утин не забыл, конечно, какую важную роль играла Елизавета Лукинична в Коммуне. Но он привык главенствовать и не понимал, что его снисходительная опека и ироническое отношение к товарищам могли их обидеть и не всегда были справедливы.

Дальнейшими планами Елизаветы Лукиничны интересовался в те дни и П. Л. Лавров, оставшийся в Париже. Не получая от нее писем, Лавров спрашивал лондонского представителя Генерального совета Интернационала Г. Юнга: «Не имеете ли вы новостей от M-me Tomanovsky?»[24] Возможно, возвращение ее в Россию давало Лаврову надежду, что Елизавета Лукинична поможет ему поддерживать контакты с русскими социалистами. К сожалению, до сих пор не обнаружено никаких документов, по которым бы прослеживались их дальнейшие связи.

Надежды связаны с Россией

В России, едва гибнут защитники свободы,— на их место появляется новое поколение, готовое в свою очередь бороться и умереть за республику и социальное переустройство.

Из воззвания Союза женщин, обращенного к парижским коммунарам

Осенью 1871 года Елизавета Лукинична возвращалась домой. Но радостное чувство встречи с родиной омрачалось картинами убогой российской действительности. Она видела по дороге в Петербург бедные деревни, полуразвалившиеся избы с худыми соломенными крышами, плохо одетых крестьян, тащившихся на тощих лошадях по размытым дождями дорогам. Повсюду встречались приметы бедности, забитости, беспросветности. За время ее отсутствия Петербург почти не изменился. На осеннем солнце холодно, как лезвие штыка, поблескивал шпиль Петропавловской крепости. Казалось, он напоминал, что око III отделения не дремлет. Но, несмотря на первые мрачные впечатления, к Елизавете Лукиничне возвращалась уверенность. Она повторяла себе, что жизнь продолжается и можно смело идти вперед, осуществлять свою мечту об освобождении народа. Елизавета Лукинична сумела сохранить оптимизм и готовность к дальнейшим сражениям, в то время как некоторые русские участники Коммуны пос-

ле ее поражения потеряли всякую надежду на продолжение борьбы.

Мать обрадовалась приезду дочери. Свою семью Наталья Егоровна перевезла из Волока в Петербург к началу занятий Александра и Владимира. Младший брат Владимир встретил сестру настороженно: в гимназии на уроках закона божьего он слышал, что замужняя женщина должна «повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность». Так было записано в своде законов Российской империи. А Елизавета Лукинична жила отдельно от мужа. И хотя сам Михаил Николаевич как будто бы не имел к ней никаких претензий, но родственники его обижались на Елизавету Лукиничну, а мать и брат почему-то отмалчивались, не хотели разговаривать на эту тему. Старший брат, Александр, общался с младшим неохотно: видимо, считал, что Владимир еще мал и его нельзя принимать всерьез. Зато как не терпелось Александру поговорить с Лизой, рассказать, чем живет здешняя молодежь, узнать иностранные новости. Он догадывался, что удерживало сестру за границей, причем одну, без мужа, и не в Гейдельберге, куда уезжали учиться некоторые знакомые ему девушки, а в Женеве, столице революционной эмиграции. Но ни с матерью, ни с братом Елизавета Лукинична не могла быть до конца откровенной. Во имя спокойствия и благополучия родных и близких она, видимо, считала, что лучше меньше рассказы-

вать им и о прошлом, и о планах на будущее. Учитывая возможную слежку III отделения, ей следовало сохранить конспирацию.

Официальная Россия в это время рьяно готовилась отметить 200-летие Петра Великого. Казалось, по всей необъятной стране и думать забыли о чем-нибудь другом. Для бессчетного числа канцелярий это был хороший предлог отвлечься от бумажной рутины, от нерешенных проблем, а заодно показать Петербургу ревностную преданность царской фамилии. С первых дней 1872 года в губернских, уездных городах и даже в глубоком захолустье начали вспоминать, нельзя ли приобщить себя к знаменательной дате, не обнаружится ли у них связь с великим преобразователем Руси. В преддверии юбилейных торжеств Москва продолжала свое давнее соперничество с Петербургом. Московская сенсация всколыхнула даже заграницу: было объявлено об устройстве в Москве грандиозной Политехнической выставки. Созвали гостей со всех концов страны и удостоились визита самого царя, который лично осматривал павильоны выставки.

Александру II казалось, что наступили лучшие, благословеннейшие времена его царствования. В общественном мнении Европы он все еще был царем-освободителем, отменившим крепостное право. А теперь царь получил поистине подарок судьбы: был повержен давний политический соперник Российской империи — Франция. После поражения ее в войне с Пруссией, после Коммуны она уже не скоро могла занять былое

положение в мире. И хотя «крамола» внутри России никогда не исчезала, юбилейный патриотический подъем и благоприятные заграничные обстоятельства были царю как нельзя на руку в борьбе с социалистами. В Москве и Петербурге, пользуясь случаем, полиция тщательно прочесывала кварталы, задерживала подозрительных. Любое выступление демократической общественности против реакции использовалось для усиления преследований.

Не явно, но постепенно правительство все более основательно готовило почву для того, чтобы обрушить на революционное движение новую волну репрессий. Как предлог для поправления политики царизм использовал процесс против группы последователей Нечаева. Процесс сделали открытым и даже публиковали в «Санкт-Петербургских ведомостях» протоколы заседаний. Но делалось это не от избытка честности и преклонения перед гласностью, а с провокационной целью, как бы хотели сказать обывателям: «Добропорядочная публика, посмотри, как неблагодарная молодежь отплатила правительству за освобождение народа от крепостной зависимости, за либеральные законы! Как тут не призвать к порядку нигилистов и социалистов, как не защитить невинных людей от их происков и козней!»

Постепенно император начал прибирать к рукам дарованные раньше вольности. И только в печати еще два-три года звучали отголоски прежней «либеральной весны». Откликались на острые вопросы современ-

ности «Отечественные записки», опубликовал замечательные своим демократическим духом поэмы «Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов, слово правды несли Островский и Успенский, бичевала пороки и обывателей сатира Салтыкова-Щедрина.

Возвращаясь в Россию, Елизавета Лукинична была осведомлена, что последний политический процесс (нечаевский) вырвал из революционных рядов немало отважных молодых борцов. И все же она надеялась, что на свободе оставалось достаточно тех, на кого можно было опереться, чтобы продолжить работу. От Николая Утина она, очевидно, получила адреса нескольких надежных людей. Одним из них являлся Павел Аполлонович Ровинский, активный участник первой революционной организации 60-х годов «Земля и воля», связанной с Н. Г. Чернышевским. Ровинский помогал устроить побег за границу Утина, а в 1870 году предпринял экспедицию в Сибирь, будто бы с этнографическими целями. Утину и его ближайшим товарищам, включая, наверное, и Елизавету Лукиничну, была известна истинная цель этой поездки: подготовить освобождение Николая Гавриловича Чернышевского из сибирского «плена». Это была уже четвертая попытка. Как раз в это время из Женевы в Петербург приезжала Екатерина Григорьевна Бартенева. Не для того ли, чтобы получить от Ровинского и передать в Женеву собранные им сведения о возможности освобождения Чернышевского?

Известно, что революционер Герман

Александрович Лопатин, вернувшись из Лондона, где он встречался с Марксом, готовился тогда же отправиться в Сибирь. По этому поводу Николай Утин сообщил Марксу: «Нужно ли говорить, как я счастлив, тем более, что у меня есть все основания предполагать и верить, что он не одинок и что ему помогает один из моих лучших друзей»[1]. Утин, как считают исследователи, имел в виду Ровинского. В 1871 году Лопатину не удалось осуществить задуманное. Но его друзья и единомышленники не оставили надежду видеть русского Прометея на свободе и еще не раз, вплоть до окончания срока его ссылки, старались реализовать смелые замыслы новых сибирских экспедиций.

Не являлась ли Елизавета Лукинична вместе с Бартеневой участницей разработки подобного плана? Сын Е. Г. Бартеневой вспоминал, что вместе с его матерью Елизавета Лукинична навещала Ровинского. Тогда Ровинский работал в исправительной колонии малолетних преступников. Основателем колонии, ее первым руководителем являлся Александр Яковлевич Герд. Герд, писала Н. К. Крупская, «был крупным естественником-дарвинистом, шестидесятником, примыкал к революционному движению...». Правительство отвело для колонии дикий, болотистый участок земли в лесу за петербургскими пороховыми заводами. Начинать пришлось с выкорчевки пней, чтобы расчистить место для огородов и построек. Новоселье состоялось 10 сентября 1871 года в первом построенном двухэтажном доме,

«Следует заметить,— писал о А. Я. Герде в 1874 году И. С. Тургенев,— что начальник — человек, поистине замечательный, образцовый педагог, уравновешенный, умный, с твердым характером и ласковый, целиком отдающийся этой задаче, этому апостольскому служению», «нигде больше не видел я такой скромности, я сказал бы даже — благопристойности, такого благодушия, таких чистосердечных и гуманных отношений между начальством и подчиненными».

На посетителей колония производила благоприятное впечатление скромным, но хорошо налаженным бытом. Порядок в ней поддерживали сами колонисты. Ф. М. Достоевский, побывав там, задавал себе вопрос, кто же был виноват в судьбе малолетних преступников, если при созданных в колонии условиях они так быстро менялись к лучшему? При знакомстве с колонией было заметно, что она мало походила на казенное учреждение. Колония была организована на деньги, поступавшие от пожертвований, и напоминала бытовые коммуны, которые устраивались в 60-х годах разночинной молодежью[2]. Вдали от бдительного ока полиции Ровинский воспитывал своих подопечных в духе лучших демократических традиций.

Елизавета Лукинична увидела в колонии дома, в которых воспитатели жили вместе с подростками. Большая часть дня отводилась работе, вполне посильной для всех и потому никого не тяготившей. Подростки соревновались, стараясь выполнить задание скорее и лучше. Они по

очереди дежурили за столом, сами мыли посуду и убирали помещение. Ровинский, наверное, показал Бартеневой и Елизавете Лукиничне библиотеку, составленную из произведений Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Островского... Только для «священных» книг места на полках не находилось: закона божьего воспитанникам не преподавали. Начальство не раз присылало священников, но Ровинский умел отправлять их обратно: то по профессиональной «непригодности», поскольку к колонистам, как доказывал Ровинский, нужен был особый подход, то потому, что церковь оказалась недостроенной, а с постройкой ее в колонии не торопились.

Зная, как стремилась Елизавета Лукинична скорее включиться в работу, можно предположить, что у нее мелькнула мысль, не заняться ли ей в колонии преподаванием иностранных языков. Пожалуй, Ровинский одобрил бы такую идею. Но не слишком ли это отдаляло ее от непосредственной революционной деятельности? Нет, это действительно походило бы на устранение от борьбы, и потому должность учительницы не могла ее удовлетворить. Надо отдать должное Елизавете Лукиничне, которая не искала для себя деятельности на «мирном» поприще, когда сотни других представителей либерального дворянства верили, что путем дальнейших реформ и постепенных преобразований можно служить народу, действовать во имя его блага. Но ошибка ее

была в том, что она переоценила возможности революционной борьбы в России 70-х годов. Она надеялась на подъем движения в то время, когда оно находилось на спаде, и переживала, искала способов собрать сторонников, но не разочаровывалась в избранном пути, не сворачивала с него.

Пробыв в колонии два или три дня, Томановская и Бартенева вернулись в Петербург. О чем они говорили с Ровинским, осталось неизвестным. Если речь между ними шла не о судьбе Н. Г. Чернышевского, то остается связать эту поездку с делами Русской секции Международного товарищества рабочих. Действуя в духе Лондонской конференции Интернационала 1871 года, сторонники Маркса должны были стремиться воссоздать в России секцию с участием петербургских революционеров и в дальнейшем превратить ее в революционную партию. В октябре 1871 года группа студентов Петербургского университета писала К. Марксу: «Мы решили обратиться за содействием к Международному товариществу и просить его поддержки... Не хотите ли Вы привлечь русскую молодежь к Вашей работе..? Давайте нам советы или, вернее, указания, чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах старого общества»[3].

Это письмо — одно из наиболее ранних свидетельств того, что и после поражения Коммуны среди передовой части русских

разночинцев вера в возможность продолжения борьбы не угасла. Полицейским удалось тогда установить, что в организации петербургской секции Интернационального общества участвовала Е. Г. Бартенева. Но после поражения Парижской Коммуны в обществе ходили самые нелепые слухи об Интернационале и о парижской революции, свершившейся под его руководством. У многих сложилось представление, будто коммунары были врагами республики, хотели дискредитировать республиканский строй, затем, добившись вмешательства иностранных держав, восстановить во Франции монархию. Это значительно осложняло агитацию в пользу воссоединения русского революционного движения с Интернационалом.

Осенью 1871 года, когда Елизавета Лукинична вернулась в Петербург, там готовился судебный процесс над бывшим студентом Технологического института Николаем Гончаровым. В мае, в дни парижской революции, он первым решился обнародовать правду о Коммуне, чтобы организовать в ее защиту широкое общественное движение. Гончаров призывал в прокламации: «Откликнитесь, честные люди, откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы, умирая, он знал, что дело его возобновят и так же смело поведут вперед»[4]. Будучи арестованным, Гончаров не выдал тех, кто помогал ему в издании и распространении листовки. Но обнаружилось, что он действовал в контакте с петербургской группой сторонников «На-

родного дела». Полиция знала, что накануне ареста Гончаров ночевал на их квартире, которую они снимали сообща. Возможно, Елизавета Лукинична слышала о Гончарове еще до отъезда в Женеву. Тогда он женился на племянице П. Л. Лаврова.

На процессе по делу Гончарова не только зал суда, но и коридоры были заполнены молодежью. Студенты и курсистки старались пожать Гончарову руку, выразить ему самое горячее одобрение. Не была ли среди них и Елизавета Лукинична? Конечно, ей следовало держаться осторожнее. Вспомним, однако, как во время Коммуны товарищ Дмитриевой — Николай Утин беспокоился, зная, что отвага способна довести ее до беды! В России находились люди, готовые и после поражения Коммуны открыто высказывать ей симпатии. Елизавета Лукинична могла бы сослаться на пример брата Николая Утина, присяжного поверенного — Евгения Исааковича Утина. По донесениям агента III отделения, на процессе нечаевцев он был замечен среди публики, которая заинтересованно слушала его рассказ о «впечатлениях и наблюдениях, вынесенных из путешествия по местам, где лилась кровь жертв революции», причем Утин выражал свое «полное сочувствие Коммуне».

В «Вестнике Европы» появились очерки Е. Утина, в которых он писал, что «упорная и кровавая борьба Коммуны с версальскими войсками поддерживалась исключительно рабочим классом... Рабочие,

проливая свою кровь во время Коммуны, показали, что в них нет трусости и что они умеют жертвовать своей жизнью и умирать с фанатичной решимостью»[5].

Елизавета Лукинична, конечно, понимала, как важно было продолжать борьбу за идеи Коммуны. Однако мы не имеем документов, подтверждающих ее непосредственное участие в пропагандистских кружках того времени. Но с основными пропагандистскими силами Петербурга она была связана через издание «Народного дела». Из кружка петербургской молодежи во главе с Натансоном и Чайковским постепенно сложилось так называемое Большое общество пропаганды. Молодые революционеры занялись распространением учения К. Маркса и документов Коммуны среди интеллигенции и студенчества, среди рабочих и крестьян. В Москве, Одессе, Киеве и других городах ими были созданы филиалы центральной подпольной организации. Пропагандисты взялись за перевод только что вышедшей во Франции «Истории Коммуны» Ланжеле и Корье, но цензура не дала разрешения на это издание. Позднее, когда в Женеве на русском языке появилась работа К. Маркса «Гражданская война во Франции», чайковцы открыли ей дорогу в крупнейшие города России.

Мы не располагаем точными данными о связях Елизаветы Лукиничны с этим кружком. Но на одну деталь хотелось обратить внимание. Случайно или нет, но кружковцы обосновались на лето в трех

километрах от Петербурга, в местечке Кушелевка. Оно располагалось на землях дальнего родственника Елизаветы Лукиничны графа Кушелева-Безбородко, рядом с его дачей. Елизавете Лукиничне они могли напомнить нигилистов 60-х годов. На удивление соседям, юноши занимались в саду гимнастикой, что тогда еще не было принято, а девушки ходили в мужских шароварах и косоворотках. Как описывает участник этого кружка, чайковцы отреклись от обычаев «старого мира», жили коммуной и не проводили различия между «моим» и «твоим». Питание их было более чем скромным. Деньги экономили на «общественные нужды». Этими «общественными нуждами» являлось издание революционной литературы.

С момента зарождения кружка связь с ним поддерживала ближайшая знакомая Елизаветы Лукиничны — Е. Г. Бартенева. Она приезжала из Женевы в Петербург и советовалась с Натансоном о том, как наладить распространение в России выпусков «Народного дела». Кружковцы посылали в Женеву средства на революционные издания и переправляли отпечатанную литературу через границу. Маршруты «нелегальщины» шли через Закарпатье, Одессу и даже через Сибирь и Китай.

Царские агенты начали следить за Елизаветой Лукиничной не сразу после возвращения ее из Женевы и, очевидно, потому не заметили ее участия в распространении антиправительственных изданий. Но в 1875 году на границе с большим багажом

подпольных материалов задержали бывшего студента Технологического института поляка Чеслава Бельского. Он оказался знакомым Елизаветы Лукиничны. С этого момента III отделение повело за ней негласное наблюдение и в конце концов установило ее причастность к Коммуне[6].

В 70-е годы революционная молодежь начала сближаться с рабочими, пропагандировать революционные идеи в пролетарской среде. Молодые революционеры заводили знакомства с каменщиками, плотниками, сапожниками, стекольщиками, с рабочими заводов и фабрик. В тайных кружках, организованных студентами, рабочие занимались русской историей, изучали революционное движение на Западе, особенно подробно останавливались на событиях Парижской Коммуны, многие читали работу К. Маркса «Гражданская война во Франции». Один из кружков собирался на квартире В. Обнорского, ставшего впоследствии организатором «Северного союза русских рабочих». Обнорский принимал участие в составлении программы союза, на которую заметное влияние оказали документы I Интернационала. Елизавета Лукинична могла радоваться, что идеи Интернационала получают распространение в рабочей среде, однако молодые пропагандисты питали утопические надежды, будто рабочие, восприняв их идеи, пойдут в деревни, будут агитировать и поднимать на революцию забитое крестьянство.

— Положение крестьян невыносимо,—

внушали пропагандисты рабочим.— Стоит с ними поговорить по душам, и они поймут, что их спасение — только в революции.

Но к своему удивлению, пропагандисты очень скоро заметили, что рабочие не склонны разделять их радужные надежды на крестьянскую революцию. Елизавета Лукинична хорошо знала сложившееся в деревне положение. Навещая Волок, она видела, что деревня очень изменилась за десятилетие, прошедшее после отмены крепостного права. Крестьяне не являлись однородной массой, их больше не объединяла общая цель. Повсюду окрепли кулаки, интересы которых расходились с остальной частью обедневших крестьян. Все большее количество крестьян не могло прокормиться своим наделом земли. Разорившись, они направлялись в город на заработки, пополняли армию пролетариев.

Из Петербурга Елизавета Лукинична не раз приезжала в Москву. Там на попечении близких родственников доживал свои последние дни ее безнадежно больной супруг. В Москве вместе с ней некоторое время провел ее брат Александр. Елизавета Лукинична имела возможность познакомиться с жизнью московских рабочих. Их развитие поднималось не выше уровня забитого, безграмотного крестьянина. Изнурительный многочасовой труд, ночевка в мрачном, похожем на тюрьму общежитии, полный произвол хозяина — таков был их удел. В крупных городах предложение рабочей силы значительно превышало ее спрос, и предприниматели, обуреваемые

жаждой наживы, диктовали пролетариям самые унизительные условия.

Как же должны были действовать в этих обстоятельствах русские революционеры? Многие из них придерживались идей теоретика русского народничества П. Л. Лаврова. В своих «Исторических письмах», опубликованных еще в 60-е годы, Лавров звал молодую интеллигенцию оплатить народу свой давний долг. «Каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать,— писал он,— куплена кровью, страданиями или трудом миллионов»[7]. Лавров считал, что стратегия и тактика революционеров должна заключаться в неустанной работе над собой, в пополнении своих знаний. Революционерам, по мысли Лаврова, надо было постоянно присматриваться к происходящим событиям, они были призваны точно определить назревание народного взрыва и суметь вовремя его возглавить.

В среде молодежи разгорелись споры о степени необходимой ей теоретической подготовки. Так и не выработав единого мнения, революционеры решили отправиться по деревням, чтобы принести народу свои знания и поднять уровень его развития до своего собственного, преодолеть вековой разрыв между тружениками и интеллигенцией. Вместе с просвещением крестьянских масс они занимались пропагандой нового общественного устройства и мечтали подготовить деревню к революции.

«Хождение в народ» разлилось по всем

направлениям: молодые энтузиасты шли на Урал и на Волгу, на Дон и Днепр, по северным землям и западным губерниям. Им казалось, что за два или три года будет распропагандирована вся Россия. Народники обосновались и на Псковщине, в знакомых Елизавете Лукиничне местах: недалеко от Волока, на Торопецкой кузнице и на ферме «Кресты».

Но, как и следовало ожидать, крестьяне агитаторов не поддержали, относились к ним настороженно, нередко выдавали их полиции. Елизавета Лукинична не разделяла иллюзий народников, но она стремилась понять, в чем же заключается ее собственный долг перед народом. В таких условиях она решила попробовать действовать в военной среде. В среде русских офицеров всегда были лица, сочувствовавшие революционерам. «Среди молодых офицеров... имеются сторонники того или другого популярного писателя или поэта; ведутся дискуссии по политическим и социальным проблемам столь же горячие, как среди студентов университетов... С такими офицерскими кадрами армия... доступна всем гуманистическим и истинно патриотическим побуждениям... Любое прогрессивное движение всегда находило среди военных своих приверженцев»[8],— писал о настроениях в армии известный революционер того времени Сергей Степняк-Кравчинский.

Среди русских революционеров интерес к армии постоянно поддерживался еще с восстания декабристов 1825 года. В конце

50-х годов Н. Г. Чернышевский много сил посвящал тому, чтобы объединить оппозиционные элементы армии. Не случайно с большой заинтересованностью он вел редактирование «Военного сборника». В бытность Елизаветы Лукиничны в Женеве кружковцы Утина не раз обсуждали уроки революционной ситуации 1861 года. Издатели «Народного дела» полагали, что одна из причин затухания революционной волны в России заключалась тогда в недостаточности сторонников революции из среды «военного юношества». Русские офицеры, говорилось в одной из статей этой газеты, через подпольную организацию «хотели внести свое энергичное участие в дело, которое должно было охватить всю Россию»[9]. Они стремились убедить солдат «принять единственный плодотворный выход из трудного положения: стать освободителями своей родной земли... обратить свое оружие на уничтожение в самой России ее самого злейшего врага — петербургского правительства».

В 70-е годы работать в армии стало значительно труднее. После Парижской Коммуны полицейский надзор повсеместно усилился. Рассказывали, что на собрании в Морском училище воспитанникам зачитали предупреждение, в котором утверждалось, будто агенты заграничного революционного общества усиленно стремятся проникнуть в армию, не гнушаясь никакими средствами, чтобы завербовать сторонников. Была устроена проверка политической благонадежности офицеров и выявле-

ны многие «подозрительные лица». В их числе оказался и Константин Крупский*, товарищ Домбровского и Утина, активный распространитель нелегальной литературы, руководитель полковой подпольной организации. Неблагонадежные офицеры были уволены.

И все же тайные общества среди военной молодежи продолжали существовать: в том же Морском училище, в Михайловском артиллерийском училище, в Новгородском пехотном полку... Известный Елизавете Лукиничне распространитель революционной литературы Марк Натансон проводил тайные собрания юнкеров. Брожение в различных слоях армии отмечалось не только в Петербурге, но и в Москве. Армейские революционеры имели связь с заграничной эмиграцией и лично с П. Л. Лавровым, ценя его как военного специалиста. Революционные пропагандисты намечали такой путь: через агитацию — к народной революции, через революцию — к уничтожению частной собственности, к утверждению справедливости во всем мире.

Елизавета Лукинична рассчитывала, что ей удастся войти в контакт с наиболее радикальными элементами высших военных кругов, используя своих давних знакомых, прежде всего — Алексея Куропаткина. Куропаткин в то время занимался в Академии Генерального штаба. О развивавшемся революционном движении знали и в академии.

---

* Отец Н. К. Крупской.

Некоторые из товарищей Куропаткина признавали в русских рабочих удивлявшую их развитость, но большинство не принимало их в расчет и продолжало верить в силу крестьянства. Елизавета Лукинична слышала, что до академии Куропаткин служил в Туркестане под началом Михаила Юльевича Ашенбреннера, который с сочувствием относился к революционному движению и как поднадзорная личность был направлен на периферию. В среде молодых офицеров Ашенбреннер пользовался большой симпатией и уважением. Он стремился пробуждать у них высокие идейные стремления. Возможно, это обстоятельство и породило у Елизаветы Лукиничны некоторые надежды на «полевение» Куропаткина.

Куропаткин обрадовался встрече с подругой юности. Как и прежде, он стал бывать у нее дома. Они вспоминали прошлое, но Елизавета Лукинична пыталась заговорить с ним о будущем. «Лиза... обнаружила ясное намерение вовлечь меня в революционную организацию, в которой состояла,— писал Куропаткин.— По-видимому, она имела по отношению ко мне и другим офицерам подобные поручения... Мы виделись несколько раз, и каждый раз речь шла все об одном и том же».

Куропаткин, конечно, понимал, что без поддержки армии революционное движение не наберет необходимой силы. Поэтому он не спорил с Елизаветой Лукиничной, не пытался доказать ей обратное и благосклонно выслушал ее предложения. Од-

нажды, сообщает далее Куропаткин, «она привезла ко мне план Петрограда (так в подлиннике.— *Авт.*) и неизвестно по чьему поручению просила выяснить теоретически, какие части города, здания и учреждения надо прежде всего захватить в руки революционеров, когда вспыхнет восстание» [10].

Наученная опытом Коммуны, Елизавета Лукинична знала, как важно отвоевать у противника ключевые позиции. Тогда в Париже восставшие сразу же заняли ратушу, установили посты в национальной типографии, заменили саботажников в министерствах. Национальная гвардия Парижа целиком перешла на сторону народа. Но Елизавета Лукинична с горечью сознавала, что в России солдаты забиты, политически неграмотны и на их поддержку рассчитывать пока не приходится. Однако у нее, очевидно, возникли утопические надежды на успех военного переворота.

Она настаивала, чтобы Куропаткин указал ей на плане города места решающих сражений. Какие позиции надо занять в первую очередь? Как военный специалист Куропаткин не мог этого не знать. Он знал, но от прямого ответа уклонился. Возможно, он говорил Елизавете Лукиничне о сложности и переменчивости обстановки, от которой многое будет зависеть, о малочисленности революционно настроенных офицеров и т. д. В воспоминаниях он изложил свою позицию без маскировки: «Связанный присягой, которую высоко чтил, я до выхода в отставку и полного

разрыва с военным ведомством считал нечестным вступать в такие разговоры».

Больше им незачем было встречаться, и дороги их навсегда разошлись. На этом обрываются и наши сведения о попытках Елизаветы Лукиничны вести пропаганду в царской армии. Но революционная работа там продолжалась. На юге России, в Николаеве, военный революционный кружок М. Ю. Ашенбреннера принял программу, в которой значилось: «Мы, т. е. военные, обязуемся не поднимать оружия против народа и его защитников, против протестующих и восставших, а в важных случаях — оказывать вооруженное содействие восставшим крестьянам и рабочим» [11].

«Мы знаем теперь,— писал в 1875 году П. Л. Лавров по поводу очередного судебного процесса над агитатором Дьяковым,— что самая трудная часть пропаганды, перед трудностью и опасностью которой многие останавливались... пропаганда в войске, даже в гвардии русского императора, не представляет вовсе непреодолимых трудностей». Елизавета Лукинична могла гордиться тем, что в этом была и ее заслуга.

В 1873 году муж Елизаветы Лукиничны умер. Ей пришлось заниматься делами его имения в Ярославской губернии. Там она познакомилась с управляющим имением — Иваном Давыдовским, вдовцом, на руках у которого было двое детей. Они увлеклись друг другом. Елизавета Лукинична стала его женой. Давыдовский происходил из обедневшего дворянского рода. Он не отличался умением вести дела и не был до-

статочно ответственным человеком. Однажды ему понадобилось взять деньги под вексель. Давыдовский занялся подысканием подходящих людей. Нашелся юрист, который помог оформить документы, и все же сделка оказалась незаконной. На Давыдовского поступила жалоба в связи с получением безденежного векселя. Но суд не сразу занялся рассмотрением жалобы. О Давыдовском «вспомнили» только через несколько лет, в 1877 году, казалось неожиданно, причислив его к делу «червонных валетов» *.

Эта новость ошеломила Елизавету Лукиничну, она чувствовала себя униженной, оскорбленной, запятнанной грязью. Но она думала прежде всего не о себе, а об Иване Михайловиче. Нет, она не оставит его в беде и позаботится о его девочках, Вере и Ире. В желании помочь Давыдовскому Елизавету Лукиничну поддерживал брат Александр. Александр Лукич считал Давыдовского «честным, хорошим человеком», безусловно не причастным к группе «червонных валетов». Но почему же следователям потребовалось соединить дело Давыдовского с этим уголовным делом?

За свою совсем еще не долгую жизнь Елизавета Лукинична уже была свидетельницей того, как честных людей обвиняли в

---

* «Червонные валеты» — группа молодых людей, занимавшихся шантажом, выпуском фальшивых ассигнаций. Царские суды, придавая сенсационный характер действиям группы мошенников, стремились причислить к ним и людей, «неблагонадежных» в политическом отношении.

злодеяниях. Разве не так поступило правительство Тьера, объявляя коммунаров уголовными преступниками — грабителями и убийцами? Ну как же она не догадалась сразу! Дело было не столько в Давыдовском, сколько в ней самой. Причислить героиню Коммуны к обществу уголовников — это ли не блестящая находка для жандармов! И не потому ли ее не арестовали раньше, что надеялись найти более удобный предлог? Ведь для того чтобы судить ее как участницу Коммуны, требовалось хлопотное, длительное разбирательство, требовалось ведь еще доказать, что она и Дмитриева одно лицо. А если бы ее судили как участницу Коммуны, разве не воспользовалась бы она судебной трибуной в революционных интересах, как это уже не раз делали русские борцы за свободу. А теперь у нее были связаны руки. Скомпрометировав ее мужа, полиция надеялась бросить тень и на Елизавету Лукиничну, а тем самым и на революционное движение, в котором она участвовала.

Инспирируя процесс «червонных валетов», III отделение имело еще одно намерение. Оно станет понятным, если обратить внимание на то, что в том же году в Петербурге должно было слушаться дело 50 революционеров-пропагандистов. Московская группа арестованных пропагандистов состояла из вчерашних студентов и в основном студенток. Они обучались в Цюрихе, но в 1873 году царское правительство запретило им учиться за границей, опасаясь, что студентки «заразятся» там революционными

идеями. Вернувшись из Цюриха, девушки не позаботились, однако, о продолжении своего образования. Они устроились работать на фабрики, а после многочасового изнуряющего труда находили в себе силы заниматься с рабочими и работницами, приобщая их к социалистическим идеям. Известный русский революционер Степняк-Кравчинский писал о них: «Пропагандисты ничего не хотели для себя. Они были чистейшим олицетворением самоотверженности». Трагедия их заключалась в том, что каждый из них, «невзирая на всю очевидность противного, твердо верил, что не сегодня-завтра произойдет революция» [12].

Пропагандисты Петербурга, Москвы и других крупных городов установили между собой связи, намеревались провести в Москве общий съезд, чтобы обсудить результаты работы в народе. Но начались повальные аресты. Арестовали не только пропагандистов, но и рабочих. Раздувая процесс, охранка хотела щегольнуть перед правительством умением разоблачать крамолу и защищать от нее «царя и отечество». Она рассчитывала запугать публику призраком коммунизма. Но случилось обратное. «Процесс 50-ти» породил общественные симпатии к пропагандистам. Пламенные речи на суде рабочего Петра Алексеева и бывшей студентки Софьи Бардиной, размноженные подпольной типографией, передавались из рук в руки и вербовали новых сторонников революционного лагеря. Отклики на процесс появились и в зарубежной печати. Французским коммунарам образ Софьи Бардиной

напоминал «красную Элизабет», Елизавету Дмитриеву. Казалось, революционная эстафета передается от страны к стране, от одного поколения к другому.

Чтобы отвлечь внимание общественности от петербургского «процесса 50-ти», III отделение поспешило инспирировать процесс «червонных валетов». Пресса усиленно концентрировала интерес читателей на похождениях «червонных валетов». Лишь некоторые издания пытались объективно разобраться и утверждали, что процесс этот сфабрикован. Они подчеркивали: «Трудно найти между большинством дел (вынесенных на процесс.— *Авт.*) какую-либо органическую связь». Многие обвиняемые впервые увидели друг друга лишь в суде, а раньше ничем не были связаны. Немало нелепостей и фальсификаций сопутствовало этому процессу. Но Елизавета Лукинична понимала, что царское «правосудие» не остановится перед вздорностью обвинения. Следовательно, для защиты Давыдовского ей предстояло позаботиться о хорошем адвокате. На это требовались деньги, а их не оказалось. К тому же и не каждый адвокат взялся бы за такое сложное, запутанное дело.

Елизавета Лукинична обратилась за помощью к товарищу по Русской секции Интернационала Виктору Бартеневу. Бартенев написал Утину, а Утин договорился о деньгах с Ольгой Левашовой и сам послал некоторую сумму. Не ограничиваясь этим, Утин сообщил о положении Елизаветы Лукиничны Карлу Марксу и просил его оказать ей содействие, потому что, как писал Утин,

«в свое время она не жалела своего состояния ради нашего дела»[13]. В отношении Давыдовского Утин приходил к выводу, что поскольку «Элиза серьезно любит своего мужа», то «видно таким образом, что этот человек имеет привлекательные черты». Если бы дело слушалось не в Москве, а в Петербурге, то, считал Утин, его брат Евгений, безусловно, взялся бы защищать Давыдовского, и Елизавета Лукинична была бы избавлена от многих забот. Утин хотел повидаться с Марксом, чтобы подробно переговорить с ним об этом, но обстоятельства задержали его в Бельгии.

Маркс сразу откликнулся на письмо Утина и обратился к своему знакомому, известному юристу М. М. Ковалевскому: «Дорогой друг! — писал Маркс.— Я узнал, что одна русская дама, оказавшая большие услуги партии, не может из-за недостатка в деньгах найти в Москве адвоката для своего мужа... Г-н Танеев, которого Вы знаете и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа,— может быть, единственный адвокат в Москве, который возьмется за такое неблагодарное дело. Поэтому Вы меня очень обяжете, если от моего имени попросите его принять участие в исключительно тяжелом положении нашего друга»[14].

Не полагаясь на профессиональных адвокатов, Елизавета Лукинична начала сама готовиться к защите Давыдовского. Рано утром 8 февраля 1877 года у здания окружного суда толпился народ. Судебные следователи и пресса распространяли об аресто-

ванных всевозможные фантастические подробности. Наслышавшись о предстоящем процессе, многие хотели попасть на заседание. Но в зал допустили весьма ограниченное число публики, опасаясь ненужных свидетелей.

В судебной хронике писали, что Елизавета Лукинична явилась на суд для опровержения улик, собранных против ее мужа. У нее действительно были весомые аргументы. Она выступала не только как свидетельница, но и как обвинительница, обличавшая недобросовестное ведение следствия. Она говорила, как всегда, горячо, впечатляюще. Одно за другим она разбивала вздорные обвинения, которые пытались приписать Давыдовскому. Председатель не раз прерывал Елизавету Лукиничну и наконец совсем лишил ее слова. Присяжные еще долго совещались и вынуждены были снять с Давыдовского самое тяжелое обвинение. Но полностью его не оправдали и приговорили к лишению всех прав состояния, к ссылке в Сибирь.

Летом 1878 года Давыдовский направился по этапу на место поселения, а Елизавета Лукинична еще оставалась в Петербурге. Сборы в дорогу были хлопотными, ведь ей предстояло ехать не одной, а с двумя малолетними девочками. Да и время для поездки оказалось трудное — началась война с Турцией. Многие русские люди стремились помочь борьбе болгар за независимость. Прогрессивная интеллигенция России питала надежду, что освобождение Болгарии от турецкого ига приблизит осуществление де-

мократических преобразований в самой Российской империи.

Несмотря на свое бедственное положение, русские рабочие и крестьяне щедро отдавали свои сбережения в пользу Болгарии. Из их пожертвований складывались значительные суммы. На общественные деньги формировали санитарные поезда, устраивали госпитали. Повсеместно с нетерпением ждали новостей с фронта. На Псковщине, доносил начальник губернского жандармского управления, все напряженно ожидают известий, газеты с приходом берутся почти приступом. В Болгарию выехал брат Николая Утина — Е. И. Утин, чтобы, как он писал, «принять участие в непосредственном деле, вне пределов обычной рутины и казенщины»[15]. Елизавета Лукинична, очевидно, сожалела, что вынуждена остаться в стороне от этого патриотического движения. Возможно, перед отъездом в Сибирь она виделась с Николаем Исааковичем Утиным. В 70-е годы, оставаясь за границей, он, несмотря на обострившуюся болезнь сердца, усиленно занимался и, получив в Бельгии аттестат инженера-путейца, приехал работать в Россию.

Елизавета Лукинична отправилась в Сибирь через несколько месяцев после начала войны. Давыдовский был определен на поселение в село Назарово Ачинского уезда Енисейской губернии. Елизавета Лукинична начала устраиваться на новом месте. Все приходилось делать самой: заниматься огородом, коровой, топить печь, стирать и готовить. Она не чуралась никакой работы, и

вскоре семья Давыдовских стала жить не хуже коренных сибиряков. Осенью в округе прослышали, что Давыдовские собрали большой урожай картофеля какого-то не известного в этих местах высокоурожайного сорта. У Елизаветы Лукиничны от односельчан не было секретов. Она рассказала, что получила картофель из родного Волока. Весной всем желающим она раздала этот картофель на семена. Вскоре к ее радости урожайную картошку стали сажать по всей округе.

Когда дочери Давыдовского подросли, забот у Елизаветы Лукиничны прибавилось. Она много внимания уделяла занятиям Веры и Иры. Это было время стремительного развития естественных наук, начавшегося еще в 60-е годы. Настоящую сенсацию произвели тогда открытия И. М. Сеченова. Его работа «Рефлексы головного мозга» в сознании тысяч людей сделала глубокий переворот, подрывая давнюю веру в божественное происхождение человека.

Елизавета Лукинична помнила, что на заре ее юности молодежь ожидала от научных достижений великих социальных перемен. Казалось, взлет науки и бурный рост техники создадут изобилие материальных благ и сделают их общедоступными. Однако время шло, и вскоре обнаружилось, что плоды науки народу не достаются. И все же, чтобы бороться за интересы народа, следовало упорно овладевать знаниями. Елизавета Лукинична, очевидно, рассказывала дочерям о своих современницах, первых женщинах-ученых: враче Надежде Сусловой, хи-

мике Юлии Лермонтовой, юристе Жанне Евреиновой и, конечно, о Софье Ковалевской, чьи выдающиеся математические работы были известны всему миру. Они совершили великое дело, доказав своим примером, что женщины могут на равных с мужчинами идти к высотам науки, что они должны бороться за это право, должны стать хозяйками своей судьбы.

Стремясь помочь дочерям идти в ногу с веком, Елизавета Лукинична не прекращала заниматься самообразованием. Она интересовалась всеми новостями науки, увлекалась астрономией. Односельчане видели, как поздними вечерами она выходила из дома и подолгу всматривалась в звездное небо. Верующие женщины считали, что в эти часы она обращается с молитвой к богу. Другие находили ее чудаковатой.

Обремененная семейными заботами, могла ли Елизавета Лукинична быть полезной тем, кто продолжал борьбу за народное дело? По поводу ее биографии утвердилось мнение, что в этот период Елизавета Лукинична отошла от революционного движения. Видимо, в Сибири ей действительно не сразу удалось связаться с революционным подпольем. Процесс «червонных валетов» не мог не вызвать настороженного отношения к ней. Но постепенно доверие возвращалось. Ей удалось наладить некоторые нелегальные связи даже в глухом селе Назарове. Когда через село проходили арестантские партии, Елизавета Лукинична передавала политическим ссыльным провизию, одежду и деньги. Вскоре она начала хлопотать о переводе

семьи в другой населенный пункт, ближе к главному Сибирскому тракту.

В 30-е годы нашего века сибирский краевед Е. Владимиров установил, что Давыдовские перебрались в село Базаиха. Оно находилось всего в пяти верстах от главного тракта. Каждую неделю, а иногда и чаще по этой «магистрали» проходили закованные в кандалы политические ссыльные. Колодников сопровождал усиленный наряд жандармов. Но все же можно было найти удобный момент и подойти к партии. Охранники стали замечать, что у причала на Енисее какие-то две женщины часто поджидали арестантов. Потом одна из них возвращалась в Красноярск, а другая уходила по направлению к Базаихе. Полицейские занялись выяснением их личностей и напали на след красноярской жительницы Раисы Львовны Тютчевой, жены известного народовольца Николая Тютчева. Она была активной участницей нелегальной организации Красного Креста, помогавшей денежными средствами политическим заключенным и ссыльным.

Ее знакомую звали Надеждой Фортунатовой. Ни тогда, ни потом никто не обратил внимания на сочетание ее имени и фамилии, которое представляется не таким уж обычным. Это словосочетание можно прочитать как «Надежда Удачи» (от латинского «фортуна» — удача). И как тут не вспомнить невесту всех невест, которая в романе Чернышевского «Что делать?» олицетворяла собой грядущую революцию. Не заключали ли подобного смысла имя и фамилия Надежды Фортунатовой? Не исключено, что под этим

псевдонимом действовала почитательница Н. Г. Чернышевского Елизавета Лукинична. Как и в дни Парижской Коммуны, псевдоним помог ей усыпить бдительность жандармов.

По делам Красного Креста Елизавета Лукинична выезжала иногда в Красноярск. Участник Парижской Коммуны М. П. Сажин писал в своих воспоминаниях: «Когда всех нас, политических преступников, содержавшихся в двух центральных каторжных тюрьмах Харьковской губернии, перевозили в Восточную Сибирь на каторгу, она (Елизавета Дмитриева) в Красноярске безуспешно пыталась повидаться со мной в тюрьме»[16]. Во время Парижской Коммуны Елизавета Лукинична знала Сажина как проповедника анархизма, горячего сторонника Бакунина. Но минувшее десятилетие перекроило судьбы многих людей. Михаил Петрович Сажин отошел от анархизма, сама жизнь показала вздорность его догм. Он продолжал активно участвовать в революционном движении: в Сибири познакомился с представителями Красного Креста, а через них вышел на связь с Елизаветой Лукиничной.

Сажин, упоминая о попытке Дмитриевой увидеться с ним, называл местом предполагаемой встречи Красноярск. Известно, что в это время из Базаихи, возможно по причине полицейской слежки, Елизавета Лукинична переселилась в село Емельяново. Находилось оно в 25 километрах от Красноярска. В Емельянове партии политических останавливались ежедневно, часто оставались на ночь, а иногда и на целые сутки. В день при-

бытия очередной партии жители села устраивали большой базар. Арестантам разрешалось покупать здесь продукты. Местные хозяйки выносили на продажу хлеб, квас, молоко, мясо, вареную картошку. В этой пестрой толпе Елизавете Лукиничне удавалось оставаться незамеченной. Видимо, эти благоприятные для революционной работы условия и привлекали Елизавету Лукиничну в Емельяново.

Старая жительница села Ф. Ф. Терская рассказывала краеведам: «У Елизаветы Лукиничны и моей матери Настасьи Афанасьевны было много забот в те дни, когда приходили партии колодников. Они направлялись к этапному двору с провизией. Во время продажи припасов Елизавета Лукинична встречала знакомых, пришедших из России в кандалах и с бритыми лбами. Если партии колодников останавливалась дневать, то Елизавета Лукинична снова шла на этапный двор... Елизавета Лукинична сама на улице не подносила подаяний, а все делала через мою мать. Заметит кого знакомого из политических кандальников, укажет матери, а тому платком махнет или рукой знак подаст,— мать им подаяние подносила, а то и записки» [17].

Приезжая в Красноярск, Елизавета Лукинична пыталась встретиться, видимо, не с одним Сажиным. В это время в красноярской тюрьме содержалась большая партия политзаключенных. Они повели настоящую войну с начальником тюрьмы и добились некоторого ослабления режима, так что иногда им удавалось видеть знакомых краснояр-

ских ссыльных. В Красноярске было тогда немало прогрессивно настроенных людей из числа коренных жителей. Своей общительностью и гостеприимством славилась семья Лесевичей. Они выписывали много газет и журналов, и это привлекало к ним поселенцев. Прогрессивно настроенная О. Я. Рубанчик охотно сдавала ссыльным комнаты. Елизавета Лукинична познакомилась в Красноярске с Марией Осиповной Валесюк (Шабалиной). Мария Осиповна кончила фельдшерские курсы и посвятила себя работе в деревне. Лечила она и Елизавету Лукиничну. Однажды Мария Осиповна поделилась с Елизаветой Лукиничной своей бедой: стало известно, что ее, как неблагонадежную, собираются уволить. В этих трудных обстоятельствах Елизавета Лукинична сумела помочь фельдшерице. По ее предложению собрался сельский сход: крестьяне горячо вступились за Валесюк и отстояли ее перед местным начальством.

Красноярск, естественно, привлекал Елизавету Лукиничну довольно развитой культурной жизнью. В городе издавалась газета «Енисейские губернские ведомости», действовал любительский театр и, главное, имелась частная библиотека, лучшая в Сибири, принадлежавшая купцу и библиофилу Г. В. Юдину, книги он собирал двадцать лет. Елизавета Лукинична, очевидно, посещала библиотеку Юдина. Прежде всего ее могла заинтересовать литература по истории, поскольку она работала тогда над мемуарами.

Мария Осиповна Валесюк вспоминала,

что в это время Елизавета Лукинична рассказывала ей о Коммуне. Завершив мемуары, она заверила свою подпись у местного нотариуса. Однако о дальнейшей судьбе мемуаров никто ничего больше не знал. Может быть, они затерялись в редакции какого-нибудь журнала, как случилось с воспоминаниями другой участницы Коммуны — Е. Г. Бартеневой. Возможно, Елизавета Лукинична отдала их в библиотеку Юдина, которая имела большой рукописный отдел. Но еще до Октябрьской революции большая часть библиотеки была вывезена в Америку.

14 марта 1883 года, когда Елизавета Лукинична находилась в Сибири, умер К. Маркс. Это была самая большая потеря для международного революционного движения, какой оно не знало с начала своего существования. Но факел борьбы не погас. Сибирский период жизни Елизаветы Лукиничны совпал с началом новой, ленинской эпохи освободительного движения. В это время в Женеве Антон Данилович Трусов, в прошлом участник Русской секции Интернационала, передал типографию, оставшуюся после выпуска «Народного дела», Г. В. Плеханову [18]. Так как часть наследства Елизаветы Лукиничны была вложена в устройство этой типографии, то в конечном счете, от героини Коммуны протянулась еще одна связующая нить к первой марксистской группе «Освобождение труда». В сибирской ссылке в конце 90-х годов появились марксисты-ленинцы, в сибирских городах возникали социал-демократические кружки.

Все шире распространялся новый рево-

люционный гимн «Интернационал», написанный участником Парижской Коммуны Эженом Потье. Первый русский перевод «Интернационала» стал известен и в Сибири. Его пели вполголоса на социал-демократических сходках. В Красноярске социал-демократы собирались в фельдшерской школе и на частных квартирах. Владимир Ильич Ленин, отбывая ссылку в Шушенском, заезжал в Красноярск и останавливался в доме К. Г. Поповой. Ленин вел тогда интенсивную полемику с народниками. Елизавета Лукинична, наверное, читала в сибирской прессе рецензию на книгу В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи», опубликованную под псевдонимом В. Ильин. Она могла видеть В. И. Ленина и слышать его выступления на дискуссиях, где молодые марксисты яростно спорили с революционерами народнической закваски. В доме Поповой В. И. Ленин встречался с несколькими организаторами Красного Креста, и в том числе с Николаем Барановым из села Зеледеева, где в свое время жила и семья Давыдовских. Попова содержала свой дом на средства, получаемые от Красного Креста, и Елизавета Лукинична, вероятно, знала ее как участницу этой организации. Интересно, что Попова жила на Большекачинской улице — и там же, приехав из Заледеева, поселились Давыдовские. Они занимали квартиру в небольшом одноэтажном доме в три окна по фасаду.

С этим домом связана одна из страниц дальнейшей истории революционного движения: в 1904 году жандармы обнаружили

там подпольную типографию РСДРП[19]. Елизаветы Лукиничны уже не было тогда в Сибири, но весьма вероятно, эта типография имела отношение к бывшей обитательнице дома.

Обстоятельства отъезда ее из Сибири остаются неясными. Видимо, главной причиной явилась неудачно сложившаяся личная жизнь. И. М. Давыдовский, оказавшись в Сибири, сначала держался скромно. Старожилы запомнили его как молчаливого, но отзывчивого человека. Однако в стремлении помочь семье он взялся за дела, для которых требовалась практическая жилка, а она у него отсутствовала. Деятельность Давыдовского постоянно оборачивалась для Елизаветы Лукиничны и для него самого довольно крупными неприятностями. Очевидно, в конце концов Елизавета Лукинична приняла решение расстаться с ним и уехала вместе с дочерьми.

Незадолго до отъезда из Сибири Елизавете Лукиничне довелось повстречаться с Антоном Павловичем Чеховым, тогда уже известным писателем. Он совершил путешествие на Сахалин, чтобы изучить там жизнь ссыльных. Сохранились документы, рассказывающие о том, что во время этой поездки Чехов помог нескольким каторжанам, сосланным по произволу царских судей.

Антон Павлович проезжал Зеледеево, останавливался в Красноярске, встречался с местными жителями. Очевидно, Елизавета Лукинична просила Чехова принять какое-то участие в судьбе дочерей Давыдовского. Ей хотелось устроиться в Москве или в Петер-

бурге, где бы девочки могли получить специальное образование, например, поступить на открывшиеся тогда Высшие женские курсы. В 1899 году Ольга Леонардовна Книппер-Чехова писала Антону Павловичу: «Ваша протеже Томановская телеграфировала, что вызваны они в Петербург, благодарит за хлопоты»[20]. В советское время, когда историки начали заниматься биографией Елизаветы Лукиничны, Ольгу Леонардовну никто не расспросил об этом письме.

За год до начала русско-японской войны мать Елизаветы Лукиничны скончалась. Владимир Кушелев унаследовал Волок. Ни самой Елизавете Лукиничне, ни ее приемным дочерям от кушелевского поместья ничего не досталось. Они обосновались в Москве, сняли квартиру в доме на Моховой, напротив Румянцевской библиотеки*. О московском периоде их жизни известно из писем племянницы Елизаветы Лукиничны — Елизаветы Александровны Селиховой, дочери старшего брата. Судьба Иры и Веры Давыдовских определилась. У Веры был талант к рисованию, и она занималась в Строгановском училище. В свое время там учился В. И. Бартенев. Старшая, Ирина, поступила на счетоводческие курсы. Жили они своим трудом, брали для раскраски конфетные коробки. Ирина и Елизавета Лукинична выполняли работу начерно, а Вера завершала отделку. Квартира их состояла из двух комнат: одну использовали как мастерскую и столовую, другая служила спальней. На свое положе-

* До наших дней дом не сохранился.

ние они не только не сетовали, а даже гордились им: «Голова на плечах есть, руки есть... Чего еще надо? Вот и работаем».

Елизавета Лукинична показалась племяннице красивой и хорошо сохранившейся, а между тем здоровье ее было в то время неважным, она часто по нескольку дней не вставала с постели. Елизавета Лукинична расспрашивала о Волоке, жалела, что матери нет в живых, неодобрительно отзывалась о брате Владимире. Она знала, что Владимир Кушелев стал ярым реакционером. «Ну, ничего,— говорила Елизавета Лукинична,— настанет время, с ним посчитаются!» Владимиру Лукичу не нравилось, что Елизавета Александровна виделась со своей теткой и что та произвела на нее хорошее впечатление. Он посоветовал племяннице не поддерживать с Давыдовскими близкое знакомство. Объяснять Елизавете Александровне такое отношение к сестре Владимир Лукич не захотел, сделал только неясный намек, что общаться с ней опасно из-за ее «чудачеств». Все эти недомолвки остались тогда для Елизаветы Александровны непонятными, и только впоследствии она осознала, что и Елизавета Лукинична и Владимир Кушелев ощущали назревание революционной бури и каждый по-своему реагировали на ее приближение.

Вернувшись из Сибири, Елизавета Лукинична увидела Москву сильно изменившейся. «Вторая российская столица» оказалась уже «миллионершей» — в ней насчитывалось более миллиона жителей. Москва уверенно соперничала с Петербургом. Во все концы

России от Москвы шли железнодорожные пути. Елизавета Лукинична надеялась, что скоро и к дорогому ей Волоку «проляжет железная дорожка». В Москве появились затейливые здания вокзалов, окраины застраивались фабриками и заводами, в центре плодились всевозможные банки и конторы, открывались богатые магазины, сверкавшие большими застекленными витринами. Капитал рос, но он же растил и своего могильщика — пролетариат. Империалистическая война России с Японией 1904—1905 годов обострила бедствия народа. Его недовольство прорывалось волной забастовок. В Москве бурлила «Трехгорная мануфактура», участились студенческие сходки, на митингах звучали горячие политические речи. Москва выдвинула передовой отряд своего пролетариата — сознательных борцов, закаленных революционеров, организованных Московским комитетом социал-демократической партии. Ленинская партия вела борьбу с меньшевиками за всеобщее вооружение рабочих. В повестке дня стоял вопрос о революционной агитации в армии, о восстании. Но во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 года Елизавета Лукинична, видимо, была не в Москве.

Очень трудно найти ускользающую нить ее биографии. Из Сибири она редко писала родным и друзьям. И все же товарищи по Русской секции Интернационала — Бартеневы имели о ней некоторые сведения. Сын Бартеневых вспоминал, что его мать Екатерина Григорьевна, будучи в ссылке в Пскове в 1891—1898 годах, слышала от возвращав-

шихся из Сибири политических, и в частности от знакомой Елизаветы Лукиничны — М. О. Шабалиной, рассказы о судьбе героини Коммуны. Однако дальше ясность снова пропадает. Адресный справочник «Вся Москва» фиксирует пребывание Елизаветы Лукиничны только после 1910 года — сначала на Моховой, позднее — на Малой Серпуховской (ныне Люсиновская) улице. Из воспоминаний родственников создается впечатление, что в период с 1905 по 1910 год она с дочерьми провела несколько лет в Швейцарии.

Недавно появилась было надежда узнать некоторые новые данные о последних годах Елизаветы Лукиничны. Калининский краевед Журавлев сообщил писателю В. Малиновскому, автору книги «Лаврушка», что накануне Октябрьской революции Елизавета Лукинична жила в Твери, общалась там с бывшими ссыльными [21]. В то время социал-демократы Твери вели борьбу со сторонниками террора, с легальными марксистами и другими мелкобуржуазными политическими группировками. Среди социал-демократов находилась Евгения Александрова, хорошо знавшая Елизавету Лукиничну. Спустя годы, когда героини Коммуны в Твери уже не было, Александрова вспоминала о ней и рассказывала молодым революционерам о ее борьбе в рядах французского пролетариата. Прочитать бы мемуары Александровой! Старожилы говорили автору «Лаврушки», что видели их в архиве. Но из Калининского областного архива пришел отрицательный ответ: интересующих нас документов в архиве не обнаружено.

В свое время первый биограф Елизаветы Лукиничны, ленинградский историк И. С. Книжник-Ветров занимался поисками Ирины и Веры Давыдовских. Ему помогала племянница Елизаветы Лукиничны — Е. А. Селихова. На один из их запросов откликнулся некто П. В. Налетов. Он писал: «Я встречался с Верой Ивановной Давыдовской, которая в 1918 году была сестрой милосердия, и далее — до 1922 года. Если вы ищите ее, то я вам могу сообщить ее адрес». Однако переписка с Налетовым оборвалась. Ничего не прояснило и сообщение радиста по фамилии Бяло. Он писал Е. А. Селиховой: «Ваши сестры (двоюродные.— *Авт.*) в 1924 году жили в Скадовске на Херсонщине. Лично с ними знаком не был».

Продолжая поиски материалов о Елизавете Лукиничне, мы побывали в Волоке. Много воды утекло с тех пор. В Волоке почти ничего не осталось от старой деревни. По псковской земле прошла война. В старинном парке бывшей помещичьей усадьбы в братской могиле похоронены защитники этого края. Если подняться по крутому берегу реки Сережи, пройти по тенистой березовой аллее, которой больше ста лет, увидишь школьное здание. Здесь ребята организовали выставку, посвященную памяти Елизаветы Дмитриевой. А на другом конце аллеи построен музей, рассказывающий о ее жизни и деятельности.

В Волоке нас ожидал сюрприз. Оказалось, что жива старожил этих мест Е. В. Гунт. Ей шел уже девятый десяток, но она помнила о прошлом, будто это было

только вчера. Особенно впечатлил ее последний приезд Елизаветы Лукиничны в Волок. Владимир Кушелев до конца жизни не простил Елизавете Лукиничне участия в Коммуне и выговаривал ей за то, что свое приданое она отдала на революцию. Елизавета Лукинична переночевала в Волоке только одну ночь, а утром велела заложить лошадей и уехала.

Дальнейшие поиски подробностей ее биографии привели нас в Ленинград. Хотелось узнать, сохранилось ли что-нибудь, связанное с жизнью Елизаветы Лукиничны на Васильевском острове. И нет ли ошибки в семейном предании, утверждавшем, что именно здесь жили тогда Кушелевы? На помощь пришли сотрудники музея истории Ленинграда. Они дали документальную справку. В ней значилось: «Дом по 1-й линии Васильевского острова был построен не ранее 1838 года... Куплен он был в 1862 или в начале 1863 года, так как в 1862 году он показан в справочнике принадлежавшим другому владельцу, а в мае 1863 года Н. Е. Кушелева уже обращается в городскую управу за разрешением о некоторых переделках в доме». Фасад дома до настоящего времени почти не изменился, и нумерация осталась прежней. Адрес дома: 1-я линия Васильевского острова, № 14»[22]. Без труда находим этот дом, делаем на память его фотографию.

Закрывая книгу, читатель вправе сказать, что не нашел в ней ответа на все интересующие его вопросы. Один из них — где же провела героиня Коммуны свои послед-

ние годы и где похоронена? Биографы Елизаветы Лукиничны этого пока не знают. Но вопреки перипетиям судьбы, память о ней утверждается все крепче. Не сосчитать, сколько посетителей останавливалось перед ее фотографией в московском Музее К. Маркса и Ф. Энгельса. В первые годы существования музея эта фотография поступила от племянника Елизаветы Лукиничны — Ф. Томановского. На вид Елизавете Лукиничне около двадцати лет.

К 100-летнему юбилею Парижской Коммуны в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса готовилась новая экспозиция. Сотрудники достали из фондов альбом с фотографиями, принадлежавший старшей дочери К. Маркса — Женни. И вот снова знакомое лицо нашей героини! Но фотография другая. Вторую отделяют от первой несколько лет. Последняя сделана в Лондоне накануне Коммуны. А первая? Хотелось уточнить ее датировку. Тогда и подумалось: а не обратиться ли к архиву историка И. С. Книжника-Ветрова? Там и оказалось то, что требовалось,— подлинник фотографии. На картоне значилась фамилия фотографа и дата — 1868 год. В тот год Елизавета Лукинична покидала Россию, уезжая навстречу революционным бурям. С фотографии смотрит милое, молодое и волевое лицо. Аккуратно уложены роскошные волосы, скромное темное платье украшает изящный белый воротничок. Взгляд устремлен в будущее... Пусть такой вдохновенной и юной запомнится героиня Парижской Коммуны нашим читателям.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

НАВСТРЕЧУ БОРЬБЕ

[1] *Ковалевская С.* Воспоминания детства. М., 1974, с. 60.

[2] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 352, письмо Е. А. Селиховой от 6.06.1930 г.

[3] *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1964, т. 2, с. 199.

[4] *Кузнецов Ф.* Публицисты 1860-х годов. М., 1969, с. 155—156.

[5] *Чернышевский Н. Г.* Что делать? М., 1969, с. 331.

[6] *Репин И.* Далекое и близкое. М., 1961, с. 205.

[7] *Чередниченко П.* Дочь России. М., 1965, с. 31—32.

В РУССКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

[2] *Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты. Л., 1925, с. 27.

[3] Народное дело, 1870, № 2, с. 1.

[4] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 336.

[5] Народное дело, 1869, № 7—10, с. 131.

[6] Народное дело, 1870, № 3, с. 3.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е, т. 4, с. 423.

[8] Народное дело, 1870, № 4, с. 2.
[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 10.
[10] Народное дело, 1870, № 1, с. 4.
[11] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 169.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 266.
[15] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 170.
[16] Там же, с. 181—184.

ВМЕСТЕ С МАРКСОМ

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 392.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 171.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 549.
[4] *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. М., 1938, с. 396.
[5] Народное дело, 1869, № 4—6, с. 96.
[6] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 184.
[7] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 256.
[8] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 182.
[9] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 12, с. 701; *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975, с. 375—377.
[10] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 186—187.
[11] Там же, с. 187, 744.
[12] Воспоминания о Марксе и Энгельсе, с. 162.
[13] Там же, с. 261.
[14] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 187.
[15] Там же, с. 186.
[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 2.
[17] Там же.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 339.
[19] Там же, с. 621.
[20] Парижская Коммуна 1871 г. М., 1970, с. 30.

[1] Голос минувшего, 1916, № 7—8, с. 112.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 190.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 629.
[4] *Молок А. И.* Парижская Коммуна в документах и материалах. Хрестоматия. Л.—М., 1925, с. 256—257.
[5] Летописи марксизма, 1928, № 7—8, с. 67—68.
[6] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 190.
[7] Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года, т. 2. М., 1960, с. 185.
[8] См.: *Кунисский С. Д.* Русское общество и Парижская Коммуна. М., 1962, с. 104—105.
[9] Летописи марксизма, 1928, № 7—8, с. 71.
[10] Голос, 1871, № 114, с. 12.
[11] Фонды Музея К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС.
[12] Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года, т. 2, с. 268.
[13] Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года, т. 2, с. 173.
[14] *Молок А. И.* Очерки быта и культуры Парижской Коммуны. 1871 г. Л., 1924, с. 113.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 189.
[16] Archives nationales. Paris, BB [24] 856.
[17] Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года, т. 1, с. 410.
[18] *Reclus E.* La Commune de Paris au jour le jour. 1871. Paris, 1908, p. 305.
[19] Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года, т. 2, с. 267—269.
[20] *Michel L.* La Commune. Paris, 1898, p. 283.
[21] *М. де Вилье.* Женские клубы и легионы амазонок. М., 1912, с. 406.
[22] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 190.
[23] Народное дело, 1870, № 2, с. 7.
[24] La Commune, 1871, 10 avril.
[25] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 189.
[26] Там же.
[27] Там же, с. 188.

[28] Письма деятелей Первого Интернационала в дни Коммуны. М., 1933, с. 37—38.
[29] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 188.
[30] Journal officiel, 1871, 7 mai.
[31] Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года, т. 2, с. 185.
[32] *Лефрансе Г.* Воспоминания коммунара. Л., 1925, с. 90—91.
[33] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. с. 190.
[34] Le Cri du peuple, 1871, 2 mai.
[35] *Волин Б. М.* Парижская Коммуна по донесениям царского посла. М., 1926, с. 60.
[36] *Дьяков В.* Ярослав Домбровский. М., 1969, с. 208.
[37] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 189.
[38] Русское богатство, 1893, № 8, с. 140.
[39] Голос, 1871, № 95, с. 1.
[40] Всемирная иллюстрация, 1871, № 123, с. 307—308.
[41] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 189.
[42] *Barron L.* Sous le drapeau rouge. P., 1889, p. 178—179.
[43] *Мишель Л.* Коммуна, Тверь, 1923, с. 195, 200.
[44] *Волин Б. М.* Парижская Коммуна. По донесениям царского посла, с. 61—62.
[45] *Лефрансе Г.* Воспоминания коммунара, 1925, с. 125.
[46] *Sutter — Lauman.* Histoire d'un trente sous (1870—1871). Paris, 1961, p. 304.
[47] *Лиссагаре Э.* История Коммуны 1871 года. М., 1905, с. 233.
[48] Письмо А. Бабаянца. Областной архив г. Великие Луки, фонд П. Чередниченко.
[49] *Lissagaray P.-O.* Les Huit journées de mai. Bruxelles, 1871, p. 115.

И СНОВА ЖЕНЕВА

[1] *Волин Б. М.* Парижская Коммуна. По донесениям царского посла, М., 1926, с. 63.
[2] Archives nationales. Paris, BB [24] 856.

[3] Всемирная иллюстрация, 1871, № 128, с. 379—382.

[4] Летописи марксизма, 1928, № 7—8, с. 74.

[5] *Сажин М. П.* Героические дни и падение Парижской Коммуны. М., 1926, с. 24.

[6] Литературное наследство, т. 62, М., 1955, с. 462.

[7] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 190.

[8] Юность, 1961, № 11, с. 75.

[9] Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. М., 1941, с. 209.

[10] Там же, с. 508—509.

[11] Голос минувшего, 1932, № 78, с. 136; Летописи марксизма. М.—Л., 1930, № 2 (12), с. 7.

[12] Первый Интернационал..., с. 235.

[13] Всемирная иллюстрация, 1871, № 125, с. 326; № 126, с. 342.

[14] История СССР, 1960, № 1, с. 161.

[15] Первый Интернационал..., с. 222.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 172.

[17] Первый Интернационал и Парижская Коммуна. Документы и материалы. М., 1972, с. 259.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 351.

[19] Там же, с. 346.

[20] *Коротеева А.* Гаагский конгресс I Интернационала. М., 1963, с. 46—52.

[21] *Чернышевский Н. Г.* Что делать? М., 1969, с. 331.

[22] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 224.

[23] Вопросы истории КПСС, 1974, № 9, с. 89.

[24] Летописи марксизма. М.—Л., 1930, № 11—12, с. 159.

НАДЕЖДЫ СВЯЗАНЫ С РОССИЕЙ

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 238.

[2] См.: *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя, т. 10, СПб., 1889, с. 18.

[3] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 217.

[4] ЦГАОР, ф. 3, отд. 3, эксп. 1876, д. 193, л. 10, об.; Литературное наследство, 1931, № 1, с. 161—164.

[5] *Утин Е.* Франция 1871, СПб., 1871—1872, с. 440.

[6] Вопросы истории, 1953, № 7, с. 101—102. Деятели революционного движения России. Биобиблиографический словарь, вып. 1, т. 2. М., 1929.

[7] *Лавров П. Л.* Избранные произведения, т. 2. М., 1965, с. 59.

[8] *Степняк-Кравчинский С. М.* В Лондонской эмиграции. М., 1968, с. 30.

[9] Народное дело, 1868, № 2—3, с. 168—169.

[10] *Куропаткин П. А.* 70 лет моей жизни. Рукопись. Военно-исторический архив, ф. 165, ед. хр. 1740, с. 83.

[11] Памяти члена военной организации партии «Народная воля» М. Ю. Ашенбреннера (1842—1926). М., 1926, с. 20.

[12] *Белоконский И. П.* Дань времени. Воспоминания. М., 1928, с. 162.

[13] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 336.

[14] Там же, с. 337.

[15] Война 1877—1878 гг. Вопросы истории, 1978, № 9; *Утин Е.* Письма из Болгарии в 1877 г. СПб., 1879, с. 331.

[16] *Сажин М. П.* Воспоминания, с. 77—78.

[17] Сибирские огни, 1965, № 8, с. 149.

[18] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям. Пг., 1924, с. 105.

[19] Сибирские огни, 1965, № 8, с. 149.

[20] Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер-Чеховой, т. 1. М., 1934—1936, с. 78.

[21] *Малиновский В.* Лаврушка. М., 1967, с. 21.

[22] Письмо находится в архиве авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу борьбе 8
В Русской секции Интернационала 42
Вместе с Марксом 72
1871 год. Парижская Коммуна 96
И снова Женева 157
Надежды связаны с Россией 187
Основные источники 232

ИБ № 2080

Ната Павловна Ефремова,
Николай Николаевич Иванов

РУССКАЯ СОРАТНИЦА МАРКСА

Заведующая редакцией **А. Спицына**
Редактор **А. Никуленков**
Художник **В. Мирошниченко**
Художественный редактор **А. Алтунин**
Технический редактор **Л. Маракасова**
Корректоры **М. Калязина, А. Конькова**

Сдано в набор 21.09.81. Подписано к печати 06.01.82. Л81503. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 8,62. Тираж 39 000 экз. Заказ 1593. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

...Г-жа Элиза напишет нам обо всем, что Вы найдете нужным сообщить, а по возвращении расскажет о том, какое впечатление произвели на нее при более близком знакомстве организации рабочих союзов и политическая и общественная жизнь Англии, и даст нам все сведения об этом. Мы уверены, что Вы своими советами и ценными указаниями поможете ей в изучении этих вопросов, и заранее благодарим Вас за это; помогая ей в ее занятиях, Вы тем самым помогаете всем нам.

Комитет Русской секции Интернационала — К. Марксу

40 кол.

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

РУССКАЯ СОРАТНИЦА МАРКСА

Н. ЕФРЕМОВА Н. ИВАНОВ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

РУССКАЯ СОРАТНИЦА МАРКСА